

ПРАВООПОРЯДОК

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

№3 (34) / 2022

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал индексируется в библиографической базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) на платформе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Электронная версия журнала доступна на сайте <https://правопорядок74.рф>.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

МАЙОРОВ Андрей Владимирович кандидат юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ИГОЛЕВИЧ В. А. кандидат технических наук, доцент, генерал-майор полиции (председатель совета)
АГАПОВ П. В. доктор юридических наук, профессор
БОГДАН В. В. доктор юридических наук, доцент
ВАЛЕЕВ Р. М. доктор юридических наук, профессор
ВЫДРИН И. В. доктор юридических наук, профессор
ГОНЧАРОВ Д. Ю. доктор юридических наук, доцент
ГУСАК В. А. доктор юридических наук
ЗУЕВ С. В. доктор юридических наук, доцент
КИРЕЕВ В. В. доктор юридических наук, доцент
КУДИНОВ В. В. доктор юридических наук
ЛАЗУТИН Л. А. доктор юридических наук, профессор
МАЙОРОВ В. И. доктор юридических наук, профессор
ПУЧКОВ О. А. доктор юридических наук, доцент
САБИТОВ Р. А. доктор юридических наук, профессор
СЕВРЮГИН В. Е. доктор юридических наук, профессор
СЕРГЕЕВ А. Б. доктор юридических наук, профессор
ТУГАНОВ Ю. Н. доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
ЧЕРНЯДЬЕВА Н. А. доктор юридических наук, доцент
ШАРОНОВ С. А. доктор юридических наук, доцент

ШАЙХУТДИНОВ Е. М. кандидат юридических наук
БАЗЕЛЮК В. В. доктор педагогических наук, профессор
КОСТЕНОК П. И. доктор педагогических наук, профессор
ТАНАЕВА З. Р. доктор педагогических наук, доцент
МАХРОВА Т. К. доктор исторических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БУРМИСТРОВА С. А. кандидат юридических наук, доцент
ВИННИКОВА Р. В. кандидат юридических наук
ВАНЮШИН Я. Л. кандидат юридических наук, доцент
КОНДРАТЬЕВ С. М. кандидат юридических наук, доцент
МАЙОРОВ А. В. кандидат юридических наук, доцент
МИХАИЛОВ К. В. кандидат юридических наук, доцент
ОВЧИННИКОВА О. В. кандидат юридических наук, доцент
ТЮЛЬПАНОВ Ф. М. кандидат юридических наук, доцент
ШМИДТ А. А. кандидат юридических наук, доцент
МАЙСАК В. Н. кандидат исторических наук, доцент
СЕМЕНОВ А. И. кандидат исторических наук, доцент
ДЕККЕРТ Д. В. кандидат педагогических наук
КАЗАРЦЕВА Г. А. кандидат пед. наук, доцент
СУХОРОУКОВА А. Х. государственный советник юстиции Российской Федерации 3 класса, почётный работник ФССП

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ: ООО «ЭСКУЭЛА»

Россия, 454091, г. Челябинск,
ул. Коммуны, 139-39.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство ПИ № **ФС77-54870** от 26 июля 2013 г.
Подписной индекс **94267 «Урал-Пресс»**

В журнале отражаются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, экспериментальных разработок аспирантов и докторантов, а также практический опыт сотрудников правоохранительных органов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной и иной собственности несут авторы публикуемых материалов.

РЕДАКЦИЯ:

Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, 139-39.
Тел.: +7 (908) 570-73-15
E-mail: pravoporyadok74@bk.ru
Сайт: <http://правопорядок74.рф>

Корректурa, комп. верстка: **ВОРОНИН С. В.**
Перевод: **ВОЛОШИНА М. А.**

Подписано в печать: 23.09.2022.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 15,1.
Тираж 150 экз. Заказ № 273.
Отпечатано в издательстве
Челябинского государственного университета
454021, г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57-б.

Дата выхода в свет: 30.09.2022.
Цена свободная.

© Редакция журнала «Правопорядок: история, теория, практика», 2022.

В НОМЕРЕ

Общие вопросы теории права. История правопорядка

Киреев В. В., Неровная Н. Н.

ПРАВОВЫЕ РИСКИ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ 6

Административная деятельность

Сибгатуллин Ф. С.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК И ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ
И РОЛЬ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ В ИХ ОБЕСПЕЧЕНИИ
(ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ) 14

Шестакова Е. В.

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
СОВЕРШИВШИХ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫЕ ДЕЯНИЯ
ДО ДОСТИЖЕНИЯ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 21

Уголовное право

Зацепин М. Н., Зацепин А. М., Глушкова Е. М.

ПЕРСПЕКТИВЫ ОСМЫСЛЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ
В ОТНОШЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА 30

Сальников Н. В.

О ПРОБЛЕМАХ ТОЧНОСТИ И ПОЛНОТЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
С АЛЬТЕРНАТИВНЫМИ ПРИЗНАКАМИ СОСТАВА 39

Упоров А. Г., Драгун О. В.

СОТРУДНИЧЕСТВО МИНЮСТА РОССИИ И ФСИН РОССИИ
С ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА 44

Теория и практика противодействия преступности

Думанская Е. И., Меньшикова А. Г.

МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА:
ТРАНСФОРМАЦИЯ В ЗАКОНЕ И ПРАКТИКЕ 50

Шевелева К. В., Честнов Н. Е.

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ
ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 58

Уголовный процесс

Макашова Т. П.

ФУНКЦИИ АДВОКАТА КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА
И ГРАЖДАНСКОГО ОТВЕТЧИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 64

Овчинникова О. В.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ 70

Судебная деятельность

Игнатенко Е. А.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ
В СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ РЕЗУЛЬТАТОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
ПО ДЕЛАМ О ЗАНЯТИИ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ 76

Мельник Е. В.

АРЕСТ ИМУЩЕСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 82

Правозащитная и правоохранительная деятельность

Никитин Е. В.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ ПОДДЕРЖКИ
ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 88

Международное право. Европейское право

Магденко А. Д., Алимов А. А.

БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА КАК ЭЛЕМЕНТА МИРОВОГО СООБЩЕСТВА
В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОБОРОТА ОРУЖИЯ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ 94

Хмиль И. В.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЕАЭС 101

Проблемы правопорядка: взгляд молодых исследователей

Никулина А. В.

КАТЕГОРИЯ «ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ» 108

Юдина А. А.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СЕКСУАЛЬНЫЕ ДОМОГАТЕЛЬСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 114

Научные мероприятия. Отзывы. Рецензии

Юзиханова Э. Г.

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации Бегишева Ильдара Рустамовича
на тему: «Уголовно-правовая охрана общественных отношений,
связанных с робототехникой»,
представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук
по специальности 12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право 120

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 123

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 128

CONTENTS

General questions of the Theory of Law. History of Legal Order

Kireev V. V., Nerovnaya N. N.

LEGAL RISKS IN THE SPHERE OF IMPLEMENTATION OF FOREIGN POLICY POWERS OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION: QUESTIONS OF THEORY	6
---	---

Administrative Activity

Sibgatullin F. S.

PUBLIC ORDER AND PUBLIC SECURITY IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF DEFINITION OF CONCEPTS AND THE ROLE OF THE NATIONAL GUARD TROOPS IN THEIR PROVISION (THEORETICAL AND LEGAL ASPECT)	14
---	----

Shestakova Ye. V.

FORCED ISOLATION OF MINORS WHO HAVE COMMITTED SOCIALLY DANGEROUS ACTS BEFORE REACHING THE AGE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY	21
--	----

Criminal Law

Zatsepin M. N., Zatsepin A. M., Glushkova Ye. M.

PROSPECTS FOR A MEANINGFUL BUSINESS CRIMINAL POLICY	30
---	----

Salnikov N. V.

ON THE PROBLEMS OF ACCURACY AND COMPLETENESS OF THE QUALIFICATION OF CRIMES WITH ALTERNATIVE SIGNS OF COMPOSITION	39
--	----

Uporov A. G., Dragun O. V.

COOPERATION OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF RUSSIA AND THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA WITH CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS	44
---	----

Theory and Practice of Combating Crime

Dumanskaya Ye. I., Menshikova A. G.

ELECTRONIC PAYMENT FRAUD: TRANSFORMATION IN LAW AND PRACTICE	50
---	----

Sheveleva K. V., Chestnov N. Ye.

ON COUNTERING THE FALSIFICATION OF THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE LEGAL ASPECT	58
--	----

Criminal Proceeding

Makashova T. P.

FUNCTIONS OF THE COUNSEL AS A REPRESENTATIVE OF THE CIVIL CLAIMANT AND THE CIVIL DEFENDANT IN CRIMINAL PROCEEDINGS	64
---	----

Ovchinnikova O. V.

IMPROVING THE SYSTEM OF PREVENTIVE MEASURES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION	70
---	----

Judicial activity

Ignatenko Ye. A.

FEATURES OF THE USE OF THE PUBLIC PROSECUTOR
IN THE JUDICIAL INVESTIGATION OF THE RESULTS OF INVESTIGATIVE ACTIONS
IN CASES OF OCCUPATION OF THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY 76

Melnik Ye. V.

SEIZURE OF PROPERTY IN CRIMINAL PROCEEDINGS:
HISTORICAL AND LEGAL ASPECT 82

Human Rights and Law Enforcement

Nikitin Ye. V.

ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES
USING DECISION SUPPORT INFORMATION SYSTEMS:
PROBLEMS AND PROSPECTS 88

International Law. European law

Magdenko A. D., Alimov A. A.

STATE SECURITY AS AN ELEMENT OF THE WORLD COMMUNITY
IN THE CONTEXT OF THE INTERNATIONAL LEGAL REGULATION
OF THE CIRCULATION OF WEAPONS OF MASS DESTRUCTION 94

Khmil I. V.

INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF EDUCATIONAL INTEGRATION OF THE EAEU 101

Problems of Legal Order: the View of young Researchers

Nikulina A. V.

CATEGORY "ABUSE OF THE CRIMINAL PROCEDURAL STATUS" 108

Yudina A. A.

SOME ISSUES OF IMPROVING CRIMINAL LIABILITY
FOR SEXUAL HARASSMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION 114

Scientific Event. Comments. Reviews

Yuzikhanova E. G.

REVIEW
on the abstract of the dissertation of Ildar R. Begishev
on: "Criminal law protection of social relations related to robotics",
presented for the degree of Doctor of Law on specialty
12.00.08 — criminal law and criminology; criminal executive law 120

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 123

INFORMATION FOR AUTHORS 128

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПРАВА. ИСТОРИЯ ПРАВОПОРЯДКА

Научная статья
УДК 340.116

С. 6–13

ПРАВОВЫЕ РИСКИ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Валерий Витальевич Киреев¹, Наталья Николаевна Неровная²

^{1,2}Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹kireevvv@is74.ru

²nataly2005.71@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Стремительное изменение международной обстановки в условиях активного участия России в формировании многополярного мира, существование многочисленных правовых рисков в сфере реализации внешнеполитических полномочий Президента РФ вызывают необходимость в совершенствовании научных представлений об управлении такими рисками, развитии тех организационных структур, которые оказывают содействие главе государства в принятии рискованных правовых решений. В настоящее время фрагментарность исследования этой обширной проблематики представляется очевидной, поэтому комплексное исследование теоретических и прикладных проблем, существующих в этой сфере, может иметь важное значение для совершенствования соответствующей деятельности.

Результаты. Характеризуется связь правовых рисков с деятельностью государства, раскрывается связь концентрации внешнеполитических рисков с полномочиями Президента РФ, определяются подход к понятию правовых рисков в рассматриваемой сфере, специфика прогнозирования правовых рисков главы государства во внешнеполитической деятельности, возможности совершенствования компетентностно-организационной основы управления такими рисками посредством формирования новой научно-консультативной структуры.

Выводы. Исходя из объема полномочий по реализации функций государства, наибольшая концентрация правовых рисков свойственна решениям, принимаемым Президентом РФ, который сталкивается, в основном, с такими разновидностями правовых рисков как правотворческие и правореализационные риски, среди которых наиболее значительную и проблемную часть составляют правореализационные риски. Прогнозирование рассматриваемых правовых рисков предполагает анализ существующих на момент принятия рискованного решения правовых, экономических, политических, идеологических и иных внутренних и внешних обстоятельств, формирование представлений об изменении этих обстоятельств, определение стратегии минимизации неблагоприятных последствий в результате такого решения, компетентностно-организационная основа управления этими рисками представлена различными государственными органами, на основе целевого и скоординированного взаимодействия которых Президент РФ осуществляет управление правовыми рисками во внешнеполитической деятельности, при этом предпочтительным представляется формирование специализированных научно-консультативных организационных структур, охватывающих своей предметной деятельностью управление рисками, основанном на комплексной их оценке.

Ключевые слова: правовые риски, Президент РФ, международная обстановка, внешнеполитическая деятельность, управление рисками главой государства, прогнозирование правовых рисков, научно-консультативная организационная структура

Для цитирования: Киреев В. В., Неровная Н. Н. Правовые риски в сфере реализации внешнеполитических полномочий Президента Российской Федерации: вопросы теории // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 6–13.

Research article

LEGAL RISKS IN THE SPHERE OF IMPLEMENTATION OF FOREIGN POLICY POWERS OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION: QUESTIONS OF THEORY

Valery V. Kireev¹, Natalya N. Nerovnaya²

^{1,2}*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia*

¹*kireevvv@is74.ru*

²*nataly2005.71@mail.ru*

Abstract. *Introduction.* Rapid changes in the international situation under conditions of Russia's active participation in the formation of a multipolar world, the existence of numerous legal risks in the sphere of implementation of the foreign policy powers of the Russian Federation President cause the need to improve scientific ideas of managing such risks, developing those organizational structures that assist the head of state in making risky legal decisions. At present, the fragmentation of the study of this vast problem seems obvious, so a comprehensive study of theoretical and applied problems that exist in this area may be important for the improvement of relevant activities.

Results. The relationship of legal risks with the state activity is characterized, the connection between the concentration of foreign policy risks and the powers of the President of the Russian Federation is revealed, the approach to the concept of legal risks in the area under consideration, the specifics of forecasting the legal risks of the head of state in foreign policy activity, the possibilities of improving the competence and organizational basis for managing such risks by forming a new scientific and advisory structure are determined.

Conclusions. Based on the scope of the powers to implement the functions of the state, the greatest concentration of legal risks is characteristic of decisions taken by the President of the Russian Federation, who faces mainly such varieties of legal risks as law-making and legal implementation risks, among which the most significant and problematic part are legal implementation risks. risks, forecasting the legal risks under consideration involves analyzing the legal, economic, political, ideological and other internal and external circumstances existing at the time of making a risky decision, forming ideas about changing these circumstances, determining a strategy to minimize adverse consequences as a result of such a decision, the competence and organizational basis for managing these risks is represented by various government agencies, on the basis of targeted and coordinated interaction of which the President of the Russian Federation manages legal risks in foreign policy activities, while the formation of specialized scientific and advisory organizational structures covering risk management based on their comprehensive assessment is preferable.

Keywords: legal risks, the President of the Russian Federation, the international situation, foreign policy activities, risk management by the head of state, forecasting legal risks, scientific advisory organizational structure

For citation: Kireev VV, Nerovnaya NN. Legal risks in the sphere of implementation of foreign policy powers of the President of the Russian Federation: questions of theory. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(3):6-13. (In Russ.)

Введение

Развитие представлений о правовых рисках в отечественной теоретической юриспруденции формирует инструмент познания правовой действительности, значение

которого трудно переоценить. Особую важность это приобретает в условиях активного участия нашего государства в строительстве многополярного мира, нарастания попыток противодействия России со стороны США

и их сателлитов, обусловивших кризис современного международного права. Исходя из объема полномочий Президента РФ, реализация наших национальных интересов на международной арене в решающей степени связана с деятельностью главы государства. Указанная правовая сфера сегодня обладает особой рискогенностью. Поэтому совершенствование подходов к управлению соответствующими правовыми рисками является не только актуальной теоретической задачей, но и имеет важное прикладное юридическое значение. Это обуславливает поиск путей совершенствования существующей модели идентификации, оценки, минимизации неблагоприятных последствий правовых рисков в сфере реализации внешнеполитических полномочий Президента РФ.

Описание исследования

Связь между правом и риском сегодня является очевидной. Ю. А. Тихомиров справедливо отмечает тот факт, что право, как универсальный публичный механизм регулирования не может не реагировать на такое явление, как риск. Используются разные правовые средства признания его опасности и вредных последствий, установления субъектов, призванных предотвращать риски, процедуры выявления, предупреждения и устранения рисков, использования компенсаторных средств. По сути дела, все отрасли права «реагируют» на риски как «теневой спутник» права в разных сферах, причем надо видеть и взаимосвязи рисков в разных отраслях права, их своеобразные «перемещения», но «правовые границы» рисков очень подвижны [5, с. 31]. Следует особо отметить, что правовые риски непосредственно связаны с деятельностью государства. Российское государство, как и другие государства, по всем признакам относится к организациям. От других организаций его отличает то, что государство является политико-территориальной организацией публичной власти. Наиболее общей целью такой организации выступает обеспечение устойчивого развития общества. Причем, достижение этой цели обеспечивается выполнением государством свойственных ему функций. Следует согласиться с В. А. Рыбаковым, указывающим на то, что по сфере деятельности система функций государства складывается из внутренних и внешних функций. Внутренние — основные направления государственной деятельности, реализация которой ограничена юрисдикционной территорией государства: политическая, экономическая, социальная, правоохранительная,

экологическая и др. Внешние — деятельность государства в сфере международных отношений (оборона страны, международное сотрудничество и др.). По содержанию они реализуются в политических, экономических, идеологических функциях [4, с. 16]. Для целей настоящего исследования весьма значимым является, также, утверждение В. А. Болгова и Ю. В. Шуваевой, что основные черты функций государства определяются не только характером государства, но и спецификой стоящих перед ним задач и целей. При этом функции как способы достижения поставленных перед государством задач во многом зависят от типа данных задач [2, с. 172]. Исходя из объема полномочий по реализации функций государства, наибольшая концентрация правовых рисков свойственна решениям, принимаемым Президентом РФ. Усилия современной России в области построения многополярного мира, вызывающие противодействие со стороны коллективного Запада, проведение операции по демилитаризации и денацификации на Украине, формируют сложную ситуацию принятия решений в сфере реализации внешнеполитических полномочий Президента РФ. В этот переломный для России исторический период особое значение имеет деятельность Президента РФ по реализации на международной арене ценностей и достижению целей, которые закреплены в Конституции РФ¹, активному противодействию попыткам нанести вред нашему обществу и государству, своевременному выявлению текущих международных возможностей России и их воплощению во внешнеполитической практике, идентификация угроз, повышение эффективности деятельности органов государственной власти, т. е. управление соответствующими рисками.

В отечественной теоретической юриспруденции О. Г. Потаповой на диссертационном уровне рассматривается категория «правовая политика Президента Российской Федерации», которая, по мнению автора, представляет собой основанную на его статусе, закрепленном в Конституции РФ, деятельность конкретного лица, занимающего на данном историческом этапе должность главы государства, по выработке стратегических идей концептуального характера, направленных на координацию

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.07.2022).

действий различных государственных органов и иных субъектов в целях определения и претворения в жизнь основных направлений правового развития страны¹. Естественно, что такая политика находит воплощение и в международной сфере. Причем, в контексте текущих внешнеполитических событий, интенсивность реализации наших международных устремлений многократно возросла. Более того, в современных условиях активно продолжается разработка новой Концепции внешней политики России², содержание которой призвано отразить изменение соответствующей парадигмы. Учитывая то, что к числу проблемных вопросов в сфере правовых рисков В. М. Барановым обоснованно отнесены специфика и основания риска в международном праве [1, с. 12], думается, что с учетом указанных выше теоретических посылок можно выделять правовые риски в сфере реализации внешнеполитических полномочий Президента РФ в качестве самостоятельной и перспективной сферы исследования.

Нетрудно заметить, что такого рода исследования предполагают формирование представлений о специфическом объекте — правовых рисках. Ю. А. Тихомиров убедительно определяет риск как вероятное наступление события и совершения действий, влекущих негативные последствия для реализации правового решения и могущее причинить ущерб регулируемой им сфере. При этом для правового риска характерны причинная зависимость между нормативной моделью и реальностью, в виде каналов прямых и обратных связей, иными словами, опасное отклонение от норм права [6, с. 29]. Такое, в узком смысле, понимание риска не исключает необходимость анализа Президентом РФ соотношения возможных позитивных и негативных последствий рискованных решений, определение приемлемости для общества и государства правовых рисков, возникающих во внешнеполитической сфере. При этом можно предположить, что глава государства сталкивается, в основном, с такими разновидностями правовых рисков как правотворческие и правореализационные риски, среди которых наиболее значительную и проблемную часть составляют именно

правореализационные риски. Иными словами, на Президента РФ возлагаются обязанности по управлению правовыми рисками во внешнеполитической сфере. Исполнение таких обязанностей базируется на конституционных ценностях, полномочиях Президента РФ, организационной структуре, обеспечивающей содействие главе государства в осуществлении рассматриваемого направления деятельности. Естественно, что управление такими рисками осуществляют и органы законодательной, исполнительной и судебной власти. Причем, исходя из представленной на конституционно-правовом уровне концепции разделения властей, рассмотрение соответствующей проблематики может являться самостоятельным и перспективным направлением научных исследований.

Особую важность для управления правовыми рисками в сфере реализации внешнеполитических полномочий Президента РФ имеет прогнозирование. Ю. А. Тихомиров отмечает, что юридическое прогнозирование — это научное предвидение тенденций развития правовой сферы общества и возможных вариантов правовых решений и действий. Цель юридического прогнозирования — обеспечение научного предвидения динамики правовых состояний, т. е. меняющихся целей и уровней правового регулирования. Главное — обеспечить оптимальное правовое воздействие на процессы, происходящие в обществе и государстве, избежать возможных отклонений и добиться высоких конечных результатов [7, с. 6]. Подготовка соответствующих прогнозов, выступая неотъемлемой частью управления рассматриваемыми рисками, является нетривиальной задачей, как для органов государства, так и для юридической науки, а также для различных экспертов и экспертных групп. Следует также обратить внимание и на то, что серьезное теоретическое значение для такого прогнозирования составляет решение вопроса о соотношении понятий «правовой риск» и «социальные последствия правового риска». Правовой риск, исходя из самого содержания понятия, должен охватывать только правовые явления и процессы. Однако управление правовым риском невозможно без прогнозирования экономических, политических, правовых и иных социальных последствий принимаемых рискованных решений. Поэтому правовой риск не может рассматриваться в отрыве от реальности, которая формирует необходимость правотворчества, реализации права, интерпретации правовых норм, причем, эта реальность также выступает в ее экономических,

¹ Потапова О. Б. Правовая политика Президента Российской Федерации: проблемы теории и практики : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 7.

² Захарова рассказала об активной работе над концепцией внешней политики // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20220524/politika-1790326156.html?rcmd_alg=slotter (дата обращения: 25.05.2022).

политических и других проявлениях. Таким образом, от оценки экономических, политических и других социальных явлений, формирующих ситуацию правового риска, осуществляется переход к рискованному правовому решению, которое, в идеале, должно повлечь прогнозируемые социальные последствия. Многообразные внутренние и внешние факторы, анализ которых влияет на управление правовыми рисками, всегда рассматриваются в их агрегированном состоянии вне зависимости от сфер их возникновения. Международная деятельность как раз и является такой сферой, причем её осуществление регламентируется большим количеством нормативных правовых актов, положения которых реализуются органами государства. Исходя из этих посылок, в качестве промежуточного можно сделать вывод о том, что прогнозирование правовых рисков предполагает анализ существующих на момент принятия рискованного решения правовых, экономических, политических, идеологических и иных внутренних и внешних обстоятельств, прогнозирование изменений этих обстоятельств, определение стратегии минимизации неблагоприятных последствий в результате такого решения. В рассматриваемом контексте проблемным является вопрос о глубине исследования таких обстоятельств, о возможности познания окружающей действительности с необходимой полнотой, которой всегда будет недостаточно в условиях риска.

Для современной России значение деятельности Президента РФ по управлению правовыми рисками во внешнеполитической сфере трудно переоценить. Согласно ст. 80 Конституции РФ, Президент РФ является главой государства, гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина. В установленном Конституцией порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, поддерживает гражданский мир и согласие в стране, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти. Президент РФ, в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами определяет основные направления внутренней и внешней политики государства, представляет Россию внутри страны и в международных отношениях. Таким образом, на главу государства возложен весьма значительный по масштабу объем обязанностей, предполагающих принятие рискованных решений, координации деятельности государственных органов

во внешнеполитической сфере, а также других действий, охватывающих управление соответствующими правовыми рисками.

Рассматриваемая разновидность управления правовыми рисками базируется на двух основах. Первую из них составляют ценности, являющиеся фундаментом деятельности Президента РФ по управлению правовыми рисками во внешнеполитической деятельности. Второй основой является компетентно-организационная, позволяющая аккумулировать и анализировать информацию, необходимую для принятия соответствующих конституционных решений. Ценностной основой выступают, прежде всего, закрепленные в Конституции РФ ценности, при этом, согласно ст. 2 указанного основополагающего акта, человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Следует отметить, что новейшие изменения Конституции РФ отразили ряд задач нашего государства на международной арене, которые требуют углубленного анализа с позиций управления правовыми рисками. Так, исходя из перечня мер, закрепленных в ст. 79¹ Конституции РФ и иных ее положениях, к другим конституционным ценностям с полным основанием можно отнести национальные интересы России, безопасность личности, общества и государства, гражданский мир и согласие в стране, суверенитет Российской Федерации, ее независимость и государственную целостность, международный мир и безопасность, мирное сосуществование государств и народов.

Помимо ценностей указанные основы включают в себя соответствующий компетентно-организационный фундамент. Прежде всего, речь идет о полномочиях Президента РФ. К их числу можно отнести общие конституционные полномочия в области законотворчества, а также специальные полномочия, выраженные в ст. 86 Конституции РФ, согласно которой он осуществляет руководство внешней политикой Российской Федерации, ведет переговоры и подписывает международные договоры Российской Федерации, подписывает ратификационные грамоты, принимает верительные и отзывные грамоты аккредитуемых при нем дипломатических представителей. Принятие Президентом РФ на себя обязательств по управлению соответствующими правовыми рисками выражено в присяге, которую он приносит народу при вступлении в должность, согласно которой он клянется при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию

Российской Федерации, защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства, верно служить народу. Рассматриваемые компетентностно-организационные основы выступают как сложно структурированная система элементов, представляющих собой различные государственные органы, на основе целевого и скоординированного взаимодействия которых Президент РФ осуществляет управление правовыми рисками во внешнеполитической деятельности. Формирование указанной организационной основы производится Президентом РФ посредством реализации кадровых полномочий, выраженных в ст. 83 Конституции РФ. Исследование даже такого далеко не полного перечня документов, как Положения об Администрации Президента Российской Федерации, утвержденного Указом Президента РФ от 6 апреля 2004 г. № 490 «Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации»¹, Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»², Положения о рабочих органах Государственного Совета Российской Федерации и Секретаре Государственного Совета Российской Федерации³, Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»⁴, Положения о научном совете при Совете Безопасности, утвержденного Указом Президента РФ от 6 мая 2011 г. № 590 «Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации»⁵, Положения

об аппарате Совета Безопасности Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 7 марта 2020 г. № 175 «О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации»⁶ дает основание сделать вывод о понятийном многообразии, существующем в исследуемой сфере и выражающем, в итоге, функциональное многообразие. Для обозначения деятельности, направленной на обеспечение соответствующих полномочий Президента РФ используются термины: «содействие Президенту РФ», «разработка общей стратегии», «обеспечение реализации полномочий», «рассмотрение вопросов», «формирование основных направлений», «проведение стратегической оценки на основе анализа информации», «разработка и уточнение критериев и показателей», «подготовка проектов указов и распоряжений Президента Российской Федерации», «организация контроля», «проведение научной экспертизы проектов нормативных правовых актов, концептуальных, доктринальных, аналитических и иных документов а также предложений», «проведение сравнительного анализа теории и практики», «информационно-аналитическое обеспечение», Применительно к функциям Государственного Совета РФ применяются термины «анализирует практики», «участвует в определении, согласовании и утверждении критериев и показателей», «обеспечивает мониторинг», «участвует в разработке и определении мер». Думается, что с одной стороны, такое богатство терминологии отражает сложность деятельности и функциональное многообразие по оказанию соответствующего содействия Президенту РФ в его внешнеполитической деятельности, однако с другой — позволяет задуматься над возможностями совершенствования этой сферы, выделив такое

¹ Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации : Указ Президента РФ от 06.04.2004 № 490 (ред. от 25.04.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.07.2022).

² О Государственном Совете Российской Федерации : Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (часть III). Ст. 8039.

³ Вопросы Государственного Совета Российской Федерации : Указ Президента РФ от 21 декабря 2020 г. № 800 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 52 (часть I). Ст. 8793.

⁴ О безопасности : Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

⁵ Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации (вместе с «Положением о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по безопасности в экономической и социальной сфере», «Положением о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по военной безопасности», «Положением о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по информационной безопасности», «Положением

о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по общественной безопасности», «Положением о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по проблемам Содружества Независимых Государств», «Положением о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по проблемам стратегического планирования», «Положение о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по экологической безопасности», «Положением о научном совете при Совете Безопасности Российской Федерации») : Указ Президента РФ от 06.05.2011 № 590 (ред. от 07.03.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.07.2022).

⁶ О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 7 марта 2020 г. № 175 (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 10. Ст. 1323.

специализированное направление консультативной, совещательной деятельности как содействие Президенту РФ в управлении правовыми рисками и, в качестве одного из под направлений, соответствующее управление рисками во внешнеполитической сфере. Возможно, здесь будет полезен и опыт зарубежных государств. Так, С. В. Кабышев отмечает, что в Канаде ни у кого не вызывает сомнений, что способность выявлять, оценивать, предупреждать и минимизировать риски действительно повышает как организационную культуру принятия решений внутри правительства, так и доверие общественности. Одним из условий эффективности управления правовыми рисками в правительстве Канады является его постоянный и систематический характер, в результате которого повышается квалификация сотрудников, вынужденных постоянно реагировать на новые вызовы и риски [3, с. 169]. Естественно, речь идет не о механическом переносе зарубежного опыта на нашу почву, а об оценке возможности применения идей, подходов, принципов, которые могут быть восприняты нашей правовой системой.

Разработка затронутой в статье проблематики предполагает развитие особой предметной исследовательской сферы теоретической юриспруденции, конституционного и других отраслей отечественного права, которая должна охватывать многообразные аспекты, связанные с идентификацией правовых рисков, их оценкой, диверсификацией, выработкой мер, направленных на минимизацию неблагоприятных последствий соответствующих правовых решений. Ситуация, сложившаяся сегодня на международной арене, требует активных решительных действий, причем цена ошибки в условиях противодействия развитию Российской Федерации со стороны ряда зарубежных государств, существенно возрастает. В равной степени такого рода разработки могут быть полезны и для тех международных организаций, в которых Россия принимает участие. Поэтому развитие концепции управления правовыми рисками представляется не менее актуальной и для Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Союзного Государства вместе с Белоруссией, других организаций, участвующих, совместно с Россией в формировании современного многополярного мира.

Системный характер противодействия развитию и безопасности России, охватывающий экономические, политические, правовые, идеологические аспекты, предполагает

столь же системную деятельность, связанную с управлением рисками. И эта системность предполагает, прежде всего, формирование соответствующих научно-консультативных организационных структур, охватывающих своей предметной деятельностью управление рисками, основанного на комплексной их оценке. Представляется, что в сложившейся ситуации наиболее предпочтительно было бы формирование органа, который занимался бы комплексной оценкой правовых рисков, вырабатывал бы научно обоснованные рекомендации, позволяющие принимать наиболее эффективные решения в этой сложной сфере, отличающейся высокой степенью неопределенности.

В условиях информационной войны немаловажным аспектом является и международная информационная деятельность России в сфере минимизации правовых рисков. Причем оценка этого фактора должна производиться вместе с другими экономическими политическими и прочими факторами, представлять собой единый комплексный сложносоставной объект управления. Думается, что развитие теоретических представлений об управлении правовыми рисками в сфере внешнеполитической деятельности Президента Российской Федерации, является сегодня особенно актуальной, но относительно узкой задачей общетеоретической правовой науки. Разработка целостной и непротиворечивой концепции, позволяющей эффективно осуществлять управление рисками, является перспективной задачей, выполнение которой позволит сформировать эффективный и реализуемый на практике механизм определения позиции Российского государства по отношению к многообразным внутренним и внешним явлениям и процессам, воздействия на которые осуществляется в правовой форме.

Заключение

Активное участие нашего государства в построении многополярного мира, вызывающее противодействие США и их сателлитов, инспирированный ими кризис международного права, сопряжено с возникновением текущих и перспективных внешнеполитических рисков, отличающихся высокой динамикой, системным характером последствий и масштабом угроз для современной России. Стремительно меняющаяся картина правовых рисков предполагает необходимость в совершенствовании подходов к управлению ими, повышению эффективности принятия рискованных решений, значение которых для наших общества и государства трудно

переоценить. Объем полномочий Президента РФ во внешнеполитической сфере определяет необходимость принятия им правовых решений в условиях колоссального количества текущих и перспективных рисков, управление такими рисками. Осуществлению этой социально значимой деятельности может способствовать как дальнейшее развитие общей теории правовых рисков, так и формирование научных представлений о такой специфической сфере как правовые риски Президента РФ во внешнеполитической деятельности, выработка научных представлений о содействии главе государства в решении соответствующих серьезных задач. Ценностная и компетентностно-организационная основы

такой деятельности, выраженные в Конституции РФ и других нормативных правовых актах, формируют ее параметры, придают им системный характер. Приданию нового импульса компетентностно-организационной основе может способствовать формирование специализированной научно-консультативной организационной структуры, охватывающей своей предметной деятельностью управление рисками, основанного на комплексной их оценке, к задачам которой следовало бы отнести оценку правовых рисков, выработку научно обоснованных рекомендаций, позволяющих принимать наиболее эффективные решения в условиях, характеризующихся высокой степенью неопределенности.

Список источников

1. Баранов В. М. Правовая рискология в технико-юридическом срезе. Вступительное слово при открытии XX форума «Юртехнетика» // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 9–15.
2. Болгов В. А., Шуваева Ю. В. Функции государства: классификация, роль и характер в разные периоды в Российской Федерации // Территория науки. 2017. № 3. С. 169–173.
3. Кабышев С. В. Управление правовыми рисками в Канаде. // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 168–170.
4. Рыбаков В. А. Функции государства: системный подход. // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 2 (51). С. 14–18.
5. Тихомиров Ю. А. Риски в правовом пространстве // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 28–35.
6. Тихомиров Ю. А. Риски в правовом пространстве // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 28–35.
7. Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 5–16.

Вклад авторов. Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of authors. All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

Конфликт интересов. Конфликт интересов в материалах данной научной статьи отсутствует.

Conflict of interest. There is no conflict of interest in the materials of this scientific article.

Дата поступления статьи / Received: 15.07.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 04.08.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.06.2022.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК И ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ И РОЛЬ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ В ИХ ОБЕСПЕЧЕНИИ (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Фархад Саегталиевич Сибгатуллин

*Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
farkhad.sibgatullin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5507-677X>*

Аннотация. В статье проанализированы понятия «общественный порядок», «охрана общественного порядка» и «общественная безопасность». Рассмотрены имеющиеся в научной литературе широкий и узкий подходы к определению понятия «общественный порядок». Отмечается, что в советский период развития юридической науки преобладал широкий подход к пониманию общественного порядка, на современном этапе наиболее распространенным является узкий подход. Автор также указал, что несмотря на широкое применение понятий «общественный порядок», «охрана общественного порядка» и «общественная безопасность», в нормативных правовых актах Российской Федерации до настоящего времени не нашли легального закрепления. Как считает автор, в контексте деятельности правоохранительных органов наиболее приемлемым будет использование понятия охрана общественного порядка, включающего в себя понятие «правопорядок».

Ключевые слова: безопасность, охрана общественного порядка, общественная безопасность, обеспечение общественной безопасности, правопорядок

Для цитирования: Сибгатуллин Ф. С. Общественный порядок и общественная безопасность в Российской Федерации: проблемы определения понятий и роль войск национальной гвардии в их обеспечении (теоретико-правовой аспект) // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 14–20.

Research article

PUBLIC ORDER AND PUBLIC SECURITY IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF DEFINITION OF CONCEPTS AND THE ROLE OF THE NATIONAL GUARD TROOPS IN THEIR PROVISION (THEORETICAL AND LEGAL ASPECT)

Farkhad S. Sibgatullin

*St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
farkhad.sibgatullin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5507-677X>*

Abstract. The article analyzes the concepts of “public order”, “protection of public order” and “public safety”. The broad and narrow approaches available in the scientific literature to the definition of the concept of public order are considered. It is noted that in the Soviet period of the development of legal science, a broad approach to understanding public order prevailed, at the present stage a narrow approach is the most common. The author also pointed out that despite the widespread use of the concepts of “public order”, “protection of public order” and “public safety”, the regulatory legal acts of

the Russian Federation have not yet found legal consolidation. According to the author, in the context of the activities of law enforcement agencies, the most acceptable would be the use of the concept of protection of public order, which includes the concept of “legal and order”.

Keywords: security, protection of public order, public safety, ensuring public safety, legal and order

For citation: Sibgatullin FS. Public order and public security in the Russian Federation: problems of definition of concepts and the role of the national guard troops in their provision (theoretical and legal aspect). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(3):14-20. (In Russ.)

Введение

Охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности относятся к наиболее важным задачам любого современного государства. На современном этапе государственного развития Российской Федерации в реализации мер по охране общественного порядка и общественной безопасности участвуют органы государственной власти как общей, так и специальной компетенции. Правоохранительные органы, как органы специальной компетенции, играют в этой деятельности основную, причем особую роль и от эффективности их деятельности зависят территориальная целостность, конституционный строй государства и, несомненно, общественное спокойствие.

В соответствии со статьей 1 Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» войска национальной гвардии Российской Федерации (далее — ВНГ РФ) являются государственной военной организацией, предназначенной для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина¹. Вышеуказанный нормативный правовой акт участие в охране общественного порядка и обеспечение общественной безопасности относит к основным задачам войск национальной гвардии².

Поскольку познание исследуемого явления обычно начинается с выработки определений, включаемый в терминологический аппарат для определения значения роли и места ВНГ РФ в участии в мероприятиях по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности необходимо четко уяснить такие понятия как «общественный порядок», «общественная безопасность», «охрана общественного порядка».

С целью определения значения роли ВНГ РФ в обеспечении охраны общественного

порядка и общественной безопасности в Российской Федерации необходимо четко уяснить такие понятия, как «общественный порядок», «охрана общественного порядка» и «общественная безопасность» поскольку познание исследуемого явления обычно начинается с выработки определений, включаемых в терминологический аппарат.

Описание исследования

В юридической науке сформировалось два похода к пониманию общественного порядка, в широком и узком смысле.

Советский период развития отечественной юридической науки характеризовался осмыслением общественного порядка в широком смысле, который представляет собой систему общественных отношений, регламентированных социальными, в том числе, правовыми нормами, поддерживаемыми государством, сочетающими в себе духовные, политические, экономические мировоззренческие, эстетические и даже технологические отношения. В данном контексте общественный порядок представляет собой всю систему отношений, сложившуюся и функционирующую в обществе в рамках установленного порядка урегулированного нормами права.

Большинство исследователей права советского периода общественный порядок рассматривали как «определенное качество «свойство» системы общественных отношений, находящиеся в такой упорядоченности социальных связей, которое ведет к согласованности и ритмичности общественной жизни, беспрепятственному осуществлению участниками общественных отношений своих прав и обязанностей и защищенности их обоснованных интересов, общественному и личному спокойствию [7, с. 9].

В 1990-е — начале 2000-х гг. подходы к пониманию общественного порядка никаких серьезных и существенных изменений не претерпели. По мнению А. П. Коренева «общественный порядок — это система общественных отношений, закрепленная нормами права, морали и правилами общества, определяющая права и обязанности

---

¹ О войсках национальной гвардии Российской Федерации : Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016 № 27. Ст. 4159.

² Там же.

участников этих отношений, призванная обеспечить жизнь, неприкосновенность, честь, достоинство, и иные права граждан, охрану государственного и общественного имущества, спокойствие в общественных местах, поддержание необходимых условий для нормального функционирования предприятий, учреждений, организаций и должностных лиц» [1, с. 23].

А. В. Бриллиантов, понимал под общественным порядком «сложившуюся в обществе на основе правовых, социальных норм, норм морали, нравственности и этики, норм общежития, обычаев и традиций систему общественных соответствующее принятым в обществе устоям поведение каждого индивида сфере публичных условия жизни и деятельности граждан, функционирования институтов общества и государства» [5, с. 832].

По мнению В. И. Радченко «общественный порядок – это сложившийся в обществе комплекс отношений между людьми, обеспечивающий общественное спокойствие, неприкосновенность личности и целостность собственности, нормальное функционирование государственных и общественных институтов» [8, с. 528].

Анализ представленных в юридической литературе определений общественного порядка в его широком понимании дает основание полагать, что общественный порядок представляет собой упорядоченную систему общественных отношений, урегулированных не только нормами права, но и социальными нормами.

В контексте узкого подхода общественный порядок «включает не всю систему общественных отношений, а лишь определенные их совокупности, складывающиеся в различных областях социально-политической жизни и быта. Такой подход, как правило, применяется при анализе различных сфер правоохранительной деятельности и определении объекта противоправного посягательства» [4, с. 13]. Общественный порядок в данном случае представляет собой систему отношений, сложившихся в общественных местах, урегулированных определенными правилами поведения. Данную концепцию, в настоящее время разделяет большинство исследователей несмотря на то, что понимание «общественного порядка» продолжает находить различную трактовку.

Ф. Е. Колонтаевский в контексте узкого подхода, под общественным порядком понимал систему волевых общественных отношений, складывающихся в развивающихся главным образом в общественных местах на основе соблюдения норм права и иных

социальных норм, направленных на обеспечение личной безопасности граждан, общественной безопасности, на создание благоприятных условий для нормального функционирования предприятий, учреждений, организаций и общественных объединений, для труда и отдыха граждан, уважения их чести, человеческого достоинства и общественной нравственности [2, с. 16].

В нормативных правовых актах Российской Федерации понятие «общественный порядок» преимущественно трактуется в узком смысле. Так, данное понятие содержится (но не «расшифровывается») в статье 114 Конституции РФ, в соответствии с которой Правительство Российской Федерации обязано принимать меры по охране общественного порядка¹.

Следует обратить внимание, что в старой редакции Конституции Российской Федерации статьей 132 функции по охране общественного порядка возлагались на органы местного самоуправления, но после всероссийского голосования 01.07.2020 с учетом сложившейся практики понятие «охрана общественного порядка» было исключено из текста статьи. В старой редакции указанной статьи «охрана общественного порядка была отнесена к вопросам местного значения.

В статье 72 Конституции РФ обеспечение правопорядка и общественной безопасности указывается в числе предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Однако данные понятия в вышеуказанной статье не раскрываются, какие-либо четкие юридические критерии для разграничения указанных понятий в основном законе страны отсутствуют.

Понятие общественного порядка также указывается в статье 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)². В статье 213 УК РФ «Хулиганство» приведено определение хулиганства как грубого нарушения общественного порядка, «выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия». В данном случае законодатель определил существенный признак

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

² Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996 № 25. Ст. 2954.

нарушения общественного порядка, который выражается в явном неуважении к обществу.

Следует обратить внимание, что определение понятия «охрана общественного порядка» также вызывало немало дискуссий в отечественной юридической науке, но наиболее полное и точное определение этого понятия, как видится дали М. И. Еропкин и Л. Л. Попов. По мнению указанных авторов «охрана общественного порядка — это проведение государственными органами в тесной связи с общественностью разнообразных мер по обеспечению неприкосновенности граждан, защите их прав и законных интересов, народного достоинства, по созданию обстановки спокойствия, нормальных условий для работы государственных, общественных предприятий, организаций и учреждений» [3, с. 8].

Как отдельный вид деятельности охрана общественного порядка представлена в трудах некоторых ученых. Так, Ф. Е. Колонтаевский считал, что охрана общественного порядка — это «система мер экономического, социально-культурного, организационного и правового характера, направленных на поддержание и развитие общественных отношений, складывающихся во всех сферах социальной жизни общества, на реализацию прав и свобод граждан, защиту интересов общества и государства от противоправных посягательств. Задачу обеспечения общественного порядка в той или иной форме выполняют все государственные органы, общественные объединения, трудовые коллективы, культурно-воспитательные и другие социальные структуры общества» [4, с. 18].

Как было указано выше, к сфере охраны общественного порядка относятся общественные отношения, которые помимо норм права регулируются религиозными нормами, корпоративными нормами, нормами обычаев и др.

В связи с чем, могут возникнуть определенные вопросы о приемлемости использования понятия «охрана общественного порядка» применительно к деятельности государственных органов, поскольку государство, придерживаясь принципа законности, может выступать только правовым регулятором общественных отношений, используя в своей деятельности различные меры, в том числе меры государственного принуждения.

Поэтому можно согласиться с тем мнением, что должностные лица правоохранительных органов, в том числе ВНГ РФ, не могут требовать соблюдения правил поведения в общественном транспорте, требуя от пассажиров уступать места для пожилых и беременных женщин, поскольку эти правила не урегулированы правовыми нормами, на страже

которых стоит государство (если только они не содержатся в правилах пользования общественным транспортом). И в этой связи более приемлемым здесь, по мнению автора, будет использование такого понятия как «охрана правопорядка».

Необходимо учитывать, что сотрудники правоохранительных органов в своей деятельности для профилактики правонарушений активно используют воспитательную форму отношений с гражданами, которая охватывает, в том числе, общественные отношения, урегулированные социальными нормами. В рамках воспитательной формы деятельности ВНГ РФ наиболее приемлемым будет использование уже более «широкого» понятия «охрана общественного порядка», включающего в себя понятие «правопорядка».

Воспитательная форма реализации правоохранительной функции характерна для всех видов деятельности войск национальной гвардии. Должностные лица ВНГ РФ, находясь в тесном контакте с гражданами, реализуя полномочия в сфере охраны общественного порядка, воспитывают в гражданах уважение к установленным государством и обществом нормам, непримиримость к нарушениям общественного порядка.

Также следует отметить, что понятие «охрана общественного порядка» находит применение не только в части пресечения преступлений и административных правонарушений в местах, относящихся к «общественным», но и для реализации мероприятий, связанных со спасением жизни людей при возникновении различных чрезвычайных ситуаций природного и техногенного генеза.

Необходимо отметить, что общественные отношения, складывающиеся в области охраны общественного порядка, отличаются многообразием и выступают в качестве предмета различных отраслей законодательства, административного, уголовного и др.

Следует обратить внимание, что понятие «охрана общественного порядка» находится в тесном взаимодействии с такими понятиями как «безопасность», «общественная безопасность» и «обеспечение общественной безопасности».

Российское законодательство понятие «безопасность» впервые отмечает в статье 1 Закона РФ от 05.03.1992 № 2446-1 «О безопасности»¹ и определяет как «состояние защищенности жизненно важных интересов

---

¹ О безопасности : Закон РФ от 05.03.1992 № 2446-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769.

личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз».

При этом жизненно важные интересы в указанном нормативном правовом акте определяются как совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства. К основным объектам безопасности относятся: личность — ее права и свободы; общество — его материальные и духовные ценности; государство — его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность. Однако, в действующем Федеральном законе от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» определение понятие «безопасность» отсутствует.

Б. П. Кондрашов определял «безопасность» как «состояние защищенности жизненно важных интересов объектов безопасности — личности, общества и государства, обеспечиваемое субъектами безопасности от общественно-опасных деяний и иных вредоносных явлений социального, техногенного и природного характера посредством использования системы мер, средств и способов, предусмотренных законом» [6, с. 16].

Легальное толкование понятия «общественная безопасность» приводится в Концепции общественной безопасности Российской Федерации которое представлено как «состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»¹. Из анализа данного определения, можно сделать вывод о том, что оно включает в себя и понятие личной безопасности, так как в ней определено состояние защищенности человека и гражданина.

Обеспечение же общественной безопасности рассматривается как осуществление установленной государством системы политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие противозаконным действиям, а также на предупреждение, ликвидацию и (или) минимизацию последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Следует полагать, что понятия общественный

порядок и общественная безопасность находятся в тесной корреляционной взаимосвязи, так как проводимые правоохранительными органами мероприятия в сфере охраны общественного порядка положительно сказываются в целом и на повышении общественной безопасности.

В качестве примера можно отметить, что выполнение задач по пресечению и проведение мероприятий по обеспечению охраны общественного порядка в условиях чрезвычайных обстоятельств можно рассматривать как обеспечение общественного порядка, и в то же время как обеспечение общественной безопасности, поскольку они служат достижению одной цели: состоянию защищенности общества, человека и гражданина.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что понятия «общественный порядок», «охрана общественного порядка», «общественная безопасность» и «обеспечение общественной безопасности» активно используются как в текстах нормативных правовых актов Российской Федерации, других официальных документах, так и в научных исследованиях. Причем в законодательных актах данные понятия не нашли исчерпывающего легального толкования, допускается их смешение несмотря на то, что правоприменительная практика в настоящее время вводит эти понятия в сферу социальной регуляции и наполняет их определенным содержанием, порой различным по смыслу.

В современной юридической науке данные понятия часто используются совместно и, как правило, охрана общественного порядка выступает частью понятия «обеспечение общественной безопасности», выраженного как результат правового регулирования.

Учитывая вышеизложенные теоретические положения, имеющие при этом существенное практическое значение, представляется целесообразным в одном или нескольких законодательных актах федерального уровня легально, четко и однозначно закрепить понятия «обеспечение общественной безопасности», «общественный порядок» и «охрана общественного порядка» (в узком, либо широком смысле), что должно привести к устранению имеющейся неопределенности в их толковании в различных документах.

Также следует отметить, что Росгвардия как правоохранительный орган, находящийся на страже внутренней и внешней безопасности государства, в современной российской действительности начинает играть одну

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) [документ опубликован не был].

из ключевых ролей в реализации правоохранительной функции государства.

ВНГ РФ выполняют служебно-боевые задачи по охране общественного порядка и общественной безопасности как в повседневной деятельности, так и в экстремальных условиях (в условиях чрезвычайного положения, в контртеррористических мероприятиях). При этом требуется обратить внимание, что в повседневной деятельности в мероприятиях по охране общественного порядка (в узком смысле это термина) задействованы, как правило, строевые подразделения вневедомственной охраны, специальных моторизованных воинских частей (далее — СМВЧ), отрядов мобильных особого назначения (далее — ОМОН), в зависимости от результативности деятельности во-многом которых формируется общественное мнение о деятельности ВНГ РФ в целом.

В связи этим представляется, что необходимо уделить большое внимание совершенствованию форм, методов деятельности указанных подразделений, а также проработку правового статуса сотрудников вневедомственной охраны и ОМОН, военнослужащих СМВЧ в части наделения их большими полномочиями в отношении граждан, допускающих правонарушения.

К экстремальным условиям, в которых осуществляется деятельность ВНГ РФ, можно отнести массовые беспорядки, различные нарушения общественного порядка, связанные с проявлениями экстремистского характера, акты терроризма, стихийные бедствия, аварии и катастрофы, эпидемии и эпизоотии. Вышеперечисленные условия и обстоятельства характеризуются высоким уровнем угроз социального характера, которые могут быть устранены в результате проведения комплекса мер направленных на эффективное решение задач по предназначению. В этой связи уполномоченные должностные лица Росгвардии, реализуя полномочия

в сфере организации управления, осуществляют разработку, принятие и утверждение специальных правовых мер организационно-тактического и материального характера. Следует отметить, что в условиях инициированных извне попыток проведения «цветных» революций, характеризующихся проведением несанкционированных протестных акций, массовых беспорядков, подразделения Росгвардии показали свою эффективность и не допустили возникновения политического сценария характерного для других стран, таких как Украина, Казахстан др.

Действуя в установленной законодательством сфере, Росгвардия далеко не всегда самостоятельно может комплексно проводить мероприятия по обеспечению общественной безопасности. В этой связи необходимо больше внимание уделять вопросам взаимодействия, как между различными правоохранительными органами, так и взаимодействию с другими органами государственной власти, в том числе исполнительными органами государственной власти субъектов РФ, от чего часто зависит своевременность и эффективность деятельности ВНГ РФ по решению задач в части обеспечения законности и правопорядка.

Следует отметить, что особая роль ВНГ РФ в механизме обеспечения правопорядка также обусловлена используемыми ею формами, методами и видами деятельности, общей целью которых является достижение должного состояния общественной безопасности и общественного порядка (в узком смысле этого термина). Достаточно широкая сфера деятельности Росгвардии, многообразие ее функций и объем компетенций военнослужащих и сотрудников, а также ее организационная структура подразделений также определяют достаточно значительное место в правоохранительной системе Российской Федерации на современном этапе государственного развития.

Список источников

1. Административная деятельность ОВД / под ред. Коренева А. П. Москва, 1996.
2. Еропкин М. И. Управление в области охраны общественного порядка. Москва : Юридическая литература, 1965.
3. Еропкин М. И., Попов Л. Л. Административно-правовая охрана общественного порядка. Ленинград, 1973.
4. Колонтаевский Ф. Е. Организационные основы охраны общественного порядка в современных условиях : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1996.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Бриллиантова. Москва, 2010.
6. Кондрашов Б. П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1998.

7. Лазарев В. В., Попов Л. Л., Розин Л. М. Правовые основы обеспечения общественного порядка. Москва, 1987.
8. Научно-практическое пособие по применению УК РФ / под ред. В. М. Лебедева. Москва, 2005.

Конфликт интересов. Конфликт интересов в материалах данной научной статьи отсутствует.

Conflict of interest. There is no conflict of interest in the materials of this scientific article.

Дата поступления статьи / Received: 09.06.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 04.07.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.06.2022.

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШИВШИХ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫЕ ДЕЯНИЯ ДО ДОСТИЖЕНИЯ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Елена Владимировна Шестакова

*Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей
УМВД России по Тюменской области, Тюмень, Россия,
legezina_elena@mail.ru*

Аннотация. Установление национальных и международных правовых стандартов отправления правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей требует снижения его карательного потенциала и расширения практики гуманистического воздействия восстановительного правосудия. На протяжении последних десятилетий гуманистический подход в системе отечественного правосудия, по большей части, выражается в планомерном снижении числа лиц, осужденных к реальному лишению свободы, поскольку программы восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей не находят массового распространения и по-прежнему носят экспериментальный характер, что непосредственно отражается на состоянии правонарушающего поведения несовершеннолетних, в том числе до достижения возраста уголовной ответственности. Недостаточная профилактическая реакция на отклоняющееся поведение несовершеннолетних выражается в поступательном омоложении лиц, совершающих общественно опасные деяния, увеличении числа несовершеннолетних, совершающих противоправные деяния повторно, массовом вовлечении в протестные, местами экстремистские, акции и др. В представленной статье автором рассматривается принудительная изоляция несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния до достижения возраста уголовной ответственности, в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа (далее — СУВУЗТ) и центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел (далее — ЦВСНП ОВД), в качестве крайней меры воздействия, необходимой к применению в целях разрешения определенной жизненной ситуации в условиях изоляции. Выражается мнение, что обусловленное административным ресурсом, позиционирование рассматриваемых учреждений принудительной изоляции, в качестве субъектов ювенальной юстиции, реализующих программы восстановительного характера, излишне идеализировано. Принудительная изоляция в СУВУЗТ и ЦВСНП ОВД в современный период сохраняет карательную составляющую, как на уровне практической реализации, так и в субъективном восприятии участников процесса направления несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния до достижения возраста уголовной ответственности, в СУВУЗТ и ЦВСНП ОВД, что требует соблюдения гарантий уголовно-процессуального порядка. При этом автором утверждается, что совершенствование деятельности рассматриваемых учреждений принудительной изоляции имеет высокий профилактический потенциал, что требует четкой нормативно-правовой регламентации воспитательно-профилактической деятельности специальных учреждений, а также ее последовательной практической реализации.

Ключевые слова: несовершеннолетний, изоляция, специальные учебно-воспитательные учреждения, центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, карательное правосудие, восстановительное правосудие, профилактика

Для цитирования: Шестакова Е. В. Принудительная изоляция несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния до достижения возраста уголовной ответственности // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 21–29.

FORCED ISOLATION OF MINORS WHO HAVE COMMITTED SOCIALLY DANGEROUS ACTS BEFORE REACHING THE AGE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY

Yelena V. Shestakova

Temporary Detention Center for Juvenile Offenders
of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia
for the Tyumen Region, Tyumen, Russia
legezina_elena@mail.ru

Abstract. The establishment of national and international legal standards for the administration of justice for juvenile offenders requires reducing its punitive potential and expanding the humanistic impact of restorative justice. Over the past decades, the humanistic approach in the domestic justice system, for the most part, has been expressed in a systematic reduction in the number of persons sentenced to actual imprisonment, as restorative justice programs for juvenile offenders are not widely distributed and are still experimental in nature, which directly affects the delinquent behavior of juveniles, including those under the age of criminal responsibility. Insufficient preventive response to the deviant behavior of minors is expressed in the progressive rejuvenation of persons committing socially dangerous acts, an increase in the number of minors committing illegal acts repeatedly, mass involvement in protest, in some cases extremist actions, etc. In this article, the author considers the compulsory isolation of juveniles who have committed socially dangerous acts before reaching the age of criminal responsibility, in special educational institutions of closed-type and temporary detention centers for juvenile offenders of internal affairs bodies, as a measure of last resort, necessary to be applied to resolve a particular life situation in conditions of isolation. There is an opinion that, due to administrative resources, the positioning of these institutions of compulsory isolation as subjects of juvenile justice, implementing programs of restorative nature, is overly idealized. In the modern period, compulsory isolation in a special educational institutions of closed-type and temporary detention centers for juvenile offenders of internal affairs bodies preserves the punitive component both at the level of practical implementation and in the subjective perception of participants in the process of sending minors who have committed socially dangerous acts before the age of criminal responsibility, to special educational institutions of closed-type and temporary detention centers for juvenile offenders of internal affairs bodies internal affairs bodies, which requires compliance with guarantees of criminal procedural order. At the same time, the author argues that improving the activities of these compulsory isolation institutions has a high preventive potential, which requires a clear normative and legal regulation of educational and preventive activities of special institutions, as well as its consistent practical implementation.

Keywords: minor, isolation, special educational institutions, temporary detention centers for juvenile offenders, punitive justice, restorative justice, prevention

For citation: Shestakova YeV. Forced isolation of minors who have committed socially dangerous acts before reaching the age of criminal responsibility. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(3):21-29. (In Russ.)

Введение

В современный период динамика наполняемости учреждений принудительного содержания для несовершеннолетних правонарушителей демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению. За последние 10 лет количество осужденных несовершеннолетних, содержащихся в воспитательных колониях, снизилось более чем на 60 % (с 2792 до 948 чел.), а в следственных изоляторах

на 50 % (с 1848 до 888 чел.)¹. Следует сказать, что данная тенденция распространяется не только на несовершеннолетних правонарушителей, помещаемых в воспитательные

¹ Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних и следственных изоляторах // Федеральная служба исполнения наказаний : [сайт]. URL: <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika> (дата обращения: 15.05.2022).

колонии, следственные изоляторы и изоляторы временного содержания, но и на несовершеннолетних, помещаемых в учреждения принудительной изоляции, не относящиеся к системе учреждений, исполняющих наказания или меру пресечения в виде заключения под стражу, такие как специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа органа управления образованием (СУВУЗТ) и центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел (ЦВСНП ОВД). Так, за аналогичный период времени наполняемость СУВУЗТ снизилась на 58 % (с 4358 до 1837 чел.), а ЦВСНП ОВД на 45 % (с 14 800 до 8113 чел.)¹.

Если ранее подобные тенденции, во многом объяснялись демографическими причинами, а именно уменьшением количества несовершеннолетних в общей структуре населения [1, с. 84]², то в современный период необходимо, в первую очередь, учитывать ярко выраженную гуманистическую направленность уголовно-правовой политики государства, проявляющуюся, в частности, в декриминализации определенных деяний, расширении практики административной преюдици и в уголовном праве, а также планомерном снижении числа несовершеннолетних, осужденных к наказанию в виде реального лишения свободы [2, с. 201].

Следует отметить, что использование гуманистических подходов к правосудию в отношении несовершеннолетних, как способа разрешения правовых конфликтов, давно и активно применяется в международной практике, что получило название «восстановительного правосудия». Всплеск эмпирических исследований «восстановительного правосудия» за последние десятилетия, как части уголовного правосудия, доказывает потенциальные преимущества восстановительных программ в отношении несовершеннолетних правонарушителей [3; 4; 5; 6; 7]. В России

попытки внедрения программ восстановительного правосудия начались в конце 90-х — начале 2000 годов. Однако, несмотря на нормативное закрепление восстановительного подхода в отдельных национальных стратегиях, в частности в программе «Десятилетие детства», где в качестве одного из приоритетных направлений деятельности указано на необходимость построения системы правосудия и системы исполнения наказаний, дружественных ребенку³, до сих пор реализация этих программ, по большей части, носит экспериментальный характер и зависит от волеизъявления отдельных субъектов правовой и общественной деятельности.

Описание исследования

Вместе с тем, анализ статистических показателей результатов работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних свидетельствует о недостаточной эффективности деятельности учреждений и служб системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Так, в 2020 году более половины (56 %) из состоящих на учете в органах внутренних дел несовершеннолетних, в связи с совершением общественно опасного деяния до достижения возраста уголовной ответственности, совершили общественно опасные деяния повторно, при этом доля несовершеннолетних в возрасте до 13 лет включительно, состоящих на профилактическом учете, стабильно увеличивается и составляет уже 24,1 % от общего числа несовершеннолетних, состоящих на учете⁴.

Исследователями отмечается изменение качественных характеристик правонарушающего поведения несовершеннолетних: увеличение их протестного потенциала, вовлечение в экстремистскую деятельность, совершение резонансных общественно опасных деяний, усугубление проблем психического состояния, что требует пересмотра сил и средств профилактики правонарушающего поведения несовершеннолетних [8; 9; 10].

Практические работники заявляют о сложностях преодоления формализма деятельности и шаблонного реагирования, в связи с отсутствием действенных методов воздействия, заменяющих эффект изоляции

¹ Сборник по России о результатах работы ОВД по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних за январь–декабрь 2011–2020 гг. ГИАЦ МВД России. URL: <http://mvd.ru> (дата обращения: 15.05.2022).

² По данным Федеральной службы государственной статистики РФ численность населения в возрасте от 10 до 14 лет в период с 2011 по 2020 гг. увеличилась с 4,6 % до 5,5 %. Численность населения в возрасте от 15 до 19 лет в разрезе десятилетия хотя и сократилась с 5,3 % до 4,9 %, вместе с тем с 2015 года имеет тенденцию к увеличению, с 4,6 % до 4,9 %. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43219> (дата обращения: 15.05.2022).

³ Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства : Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240.

⁴ Сборник по России о результатах работы ОВД по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних за январь–декабрь 2020 года. URL: <http://mvd.ru> (дата обращения: 15.05.2022).

от общества, поскольку именно изоляция зачастую представляется одним из наиболее верных методов пресечения повторных правонарушений. Более 70 % считают, что применяемые, в большинстве случаев, средства воспитательного воздействия на несовершеннолетних, совершающих правонарушения до достижения возраста уголовной ответственности, малоэффективны, а 62 % из них — что только реальное лишение свободы (изоляция от общества) может удержать несовершеннолетнего от повторного совершения общественно опасных деяний¹.

Однако, принудительная изоляция несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния до достижения возраста уголовной ответственности, имеет более широкий предмет регулирования и не ограничивается соблюдением формальных признаков изоляции от общества.

В соответствии с Федеральным законом от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»² временную принудительную изоляцию несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния до достижения возраста уголовной ответственности, осуществляют СУВУЗТ и ЦВСНП ОВД. Однако, совершение общественно опасного деяния несовершеннолетними, не является безусловным основанием, повлекшим его изоляцию. Так, в СУВУЗТ могут быть помещены только те несовершеннолетние, которые нуждаются в особых условиях воспитания, обучения и требующие специального педагогического подхода (пп. 1 п. 4 ст. 15 ФЗ от 24.06.99 г. № 120-ФЗ); а в ЦВСНП ОВД несовершеннолетние совершившие общественно опасное деяние до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность за это деяние, в случаях, если необходимо обеспечить защиту жизни или здоровья несовершеннолетних или предупредить совершение ими повторного общественно опасного деяния, а также в случаях, если их личность не установлена, либо если они не имеют места жительства,

места пребывания или не проживают на территории субъекта РФ, где ими было совершено общественно опасное деяние, либо если они проживают на территории субъекта РФ, где ими было совершено общественно опасное деяние, однако вследствие удаленности места их проживания не могут быть переданы родителям или иным законным представителям в течение 3-х часов (пп. 4 п. 2 ст. 22 ФЗ от 24.06.99 г. № 120-ФЗ).

Оговоримся, что меры государственного принуждения в виде направления в СУВУЗТ и помещения в ЦВСНП ОВД несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния до достижения возраста уголовной ответственности, конечно же, не являются равнозначными и имеет различия в порядке и нормативных основаниях помещения, сроках содержания несовершеннолетних в указанных учреждениях, ведомственной принадлежности и некоторые другие различия. Однако, несмотря на указанные различия, принудительная изоляция, как мера государственного принуждения, в них обладает определенным перечнем взаимосвязанных компонентов.

Учитывая неоднозначность толкования правовых норм о помещении несовершеннолетних в СУВУЗТ и ЦВСНП ОВД, среди исследователей не существует единого мнения относительно предметного основания и содержания рассматриваемых мер государственного принуждения. Одни, признавая их общее профилактическое содержание, позиционируют рассматриваемую изоляцию, как меры взыскания за общественно опасное поведение или специальные виды лишения свободы для несовершеннолетних [11, с. 178; 12, с. 84], а также как лишение права выбора места пребывания и жительства, ограничение права передвижения по территории Российской Федерации [13, с. 13], другие же вовсе отвергают воспитательно-профилактические функции изоляции, отводя им факультативную (второстепенную) роль [14, с. 43; 15, с. 110].

Однако большинство исследователей проблемы помещения несовершеннолетних в СУВУЗТ и ЦВСНП ОВД рассматривают эти виды изоляции, в основном, как эффективные профилактические формы воспитательного воздействия административно-правового характера [16; 17; 18; 19; 20]. В поддержку указанной позиции высказывался и Верховный Суд Российской Федерации, рассматривая помещение в СУВУЗТ и ЦВСНП ОВД в качестве мер, направленных на устранение причин и условий, способствующих безнадзорности

¹ При подготовке статьи использованы результаты изучения 240 учетных дел несовершеннолетних, содержащихся в ЦВСНП ОВД, 115 личных дел несовершеннолетних, направленных в СУВУЗТ, опросов 368 представителей системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

² Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

и правонарушений несовершеннолетних, обеспечение защиты их прав и законных интересов, социально-педагогическую реабилитацию несовершеннолетних, находящихся в социально-опасном положении. Реализуя попытки окончательно вывести вопросы помещения несовершеннолетних в СУВУЗТ и ЦВСНП ОВД из области уголовно-правового соприкосновения, в 2018 году в Государственную Думу был внесен законопроект о рассмотрении дел о помещении несовершеннолетних в СУВУЗТ и в ЦВСНП ОВД или о продлении срока пребывания несовершеннолетнего в нем, в соответствии с нормами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ)¹. Отметим, что судебная система уже частично переориентировалась на рассмотрение материалов о помещении в СУВУЗТ и ЦВСНП ОВД в соответствии с нормами КАС РФ, что логично вписывается в общую тенденцию снижения карательной составляющей в деятельности учреждений принудительного содержания.

Вместе с тем, современное позиционирование СУВУЗТ и ЦВСНП ОВД, как успешных воспитательных центров социальной реабилитации для несовершеннолетних, представляется нам излишне идеализированным.

В литературе все же ставится вопрос о допустимости применения такой меры к несовершеннолетним, не достигшим возраста уголовной ответственности. Так, М. М. Коблева приходит к выводу «о необходимости признания за отношениями, возникающими в связи с совершением общественно опасного деяния несовершеннолетними лицами, не подлежащими уголовной ответственности, статуса уголовно-правовых» [21, с. 99].

Мы вполне можем согласиться с указанной позицией, поскольку по форме и по своему содержанию процесс направления в СУВУЗТ и помещения в ЦВСНП ОВД несовершеннолетних, совершивших общественно опасное деяние до достижения возраста уголовной ответственности, имеет уголовно-правовую окраску: процесс направления в СУВУЗТ и ЦВСНП ОВД инициируется именно в связи с совершением общественно опасного деяния, содержащего признаки преступления;

установление факта совершения общественно опасного деяния (наличие вины) является неотъемлемой частью судебного процесса; при принятии решения суд анализирует данные о личности несовершеннолетнего, условия его жизни и воспитания, обстоятельства, послужившие причиной совершения деяния и вероятность совершения нового противоправного деяния; по результатам рассмотрения материалов выносится решение по структуре схожее с вынесением приговора по уголовному делу; в судебном заседании участвуют законные представители, адвокат и прокурор; а принудительный характер воздействия роднит применяемые меры с наказанием в виде лишения свободы.

Кроме этого, Уголовный Кодекс РФ уже содержит норму о возможности применения меры принудительного воспитательного воздействия в виде направления в СУВУЗТ несовершеннолетних, совершивших преступления средней тяжести и тяжкие преступления, в целях исправления (ч. 2 ст. 92 УК РФ).

Вспомним также и попытки реализации законопроекта о помещении в ЦВСНП ОВД несовершеннолетних обвиняемых в совершении преступлений небольшой, средней тяжести, а также тяжких преступлений (за исключением преступлений, указанных в ч. 5 ст. 92 УК РФ), в качестве своеобразной замены меры пресечения в виде заключения под стражу². Однако, неопределенность правового статуса ЦВСНП ОВД, отсутствие обоснования применения меры в виде помещения в ЦВСНП ОВД как меры пресечения и как меры профилактического воздействия на несовершеннолетних, не являющихся субъектами уголовно-правовых отношений, остановило процесс на стадии рассмотрения во 2-м чтении.

Опросы представителей учреждений и служб системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних демонстрируют опосредованный запрос на реализацию карательного потенциала специальных учреждений изоляции для несовершеннолетних, необходимости возложения ответственности на несовершеннолетнего за совершенное общественно опасное

---

¹ О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»: Законопроект № 618625-7 // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/618625-7> (дата обращения: 15.05.2022).

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части расширения перечня категорий несовершеннолетних, помещаемых в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел: Законопроект № 679268-6 // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <http://www.duma.gov.ru>. (дата обращения: 15.05.2022).

деяние и его последствия (72 %), что вызывает у несовершеннолетних ответное восприятие применяемых к ним мер воздействия, как наказания.

Отметим и позицию Европейского суда по права человека, которая однозначна: характер деятельности рассматриваемых учреждений является исправительным и содержит признаки уголовного преследования, поскольку эта деятельность осуществляется в связи и в целях предотвращения совершения повторных общественно опасных деяний¹. Частично указанную позицию поддержал и Конституционный Суд Российской Федерации, указав, что «особенности режима пребывания в них позволяют рассматривать нахождение там как лишение свободы в конституционно-правовом смысле»².

Результаты исследования

Учитывая изложенное, представляется, что решение вопросов, связанных с направлением в СУВУЗТ и помещением в ЦВСНП ОВД несовершеннолетних, совершивших общественно опасное деяние до достижения возраста уголовной ответственности, требует соблюдения правовых гарантий именно в рамках уголовного процесса. При этом, признавая уголовно-правовую составляющую процедур направления несовершеннолетних в СУВУЗТ и помещения в ЦВСНП ОВД, отметим, что определяющим фактором в применении рассматриваемых мер воздействия все же должен оставаться не факт совершения общественно опасного деяния, а совокупность обстоятельств, причин и условий, требующих разрешения в специальных условиях изоляции.

Комплексная реализация воспитательно-профилактического потенциала учреждений

принудительной изоляции для несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния до достижения возраста уголовной ответственности, минимизация ее карательной составляющей, требует совершенствования как нормативно-правового регулирования деятельности СУВУЗТ и ЦВСНП ОВД, его практической реализации, так и основанной на нем трансформации ментального сознания участников процесса.

Указанное относится как к общим положениям об организации деятельности рассматриваемых учреждений, так и компонентам, входящим в предмет принудительной изоляции в СУВУЗТ и ЦВСНП ОВД (изъятию несовершеннолетних из привычной микро-социальной среды; помещению в учреждение принудительной изоляции; ограничению прав и свобод несовершеннолетнего правонарушителя; организации проведения индивидуальной профилактической работы; ресоциализации).

Обратимся лишь к некоторым проблемным аспектам проведения индивидуальной профилактической работы, которая является ключевым элементом в деятельности учреждений принудительного содержания, от успеха которой зависит дальнейшая «криминальная карьера» несовершеннолетнего.

Профилактическая работа в условиях СУВУЗТ и ЦВСНП ОВД должна заключаться в профилактическом воздействии, которое в условиях соблюдения режима содержания должно способствовать устранению (минимизации) девиаций в поведении несовершеннолетнего правонарушителя, а также обстоятельств, причин и условий (факторов внешней среды), способствующих отклоняющемуся поведению несовершеннолетних³.

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 47152/06 «Блохин против России». Пункт 152 [вынесено 23 марта 2016 г., вступило в силу 23 мая 2016 г.] // Генеральная прокуратура РФ : [сайт]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/documents/1664002/4962811/47152.doc/132ad293-69e8-43b7-4a83-84a4713a6cfc?t=1583308726706&download=true> (дата обращения: 15.05.2022).

² По делу о проверке конституционности положений статей 1070 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 22 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в связи с жалобой гражданки А. : Постановление Конституционного суда Российской Федерации № 38-П от 29.11.2019 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339263 (дата обращения: 15.05.2022).

³ Проведение индивидуальной профилактической работы в СУВУЗТ регламентируется приказом Министерства просвещения от 17.07.2019 г. № 381 «Об утверждении Порядка организации и осуществления деятельности специальных открытых и закрытых учебно-воспитательных учреждений» [СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_332553 (дата обращения: 15.05.2022)] и включает в себя: создание специальных условий для воспитания и обучения несовершеннолетних; психолого-педагогическое сопровождение, медицинскую помощь и социальную реабилитацию; коррекцию поведения, а также реализацию программ и методик, направленных на формирование законопослушного образа жизни и др., а в ЦВСНП ОВД приказом МВД России от 01.09.2012 г. № 839 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел РФ» (ред. Приказа МВД РФ от 28.06.2018 г. № 404) [СПС «Гарант». URL: <https://>

Состояние и уровень профилактической работы, проводимой в учреждениях принудительного содержания для несовершеннолетних, напрямую зависит не только от материально-технического, правового или методического обеспечения деятельности рассматриваемых учреждений, но и от квалификации и уровня профессионализма, а также морально-нравственного потенциала лиц, в чью компетенцию входит организация и проведение профилактической работы с несовершеннолетними.

Практическая деятельность рассматриваемых учреждений принудительной изоляции демонстрирует, что основной объем профилактической деятельности направлен на соблюдение несовершеннолетними предусмотренного режима содержания, включающего обучение по общеобразовательным программам, участие в групповых и иных массовых мероприятиях, соблюдение правил общежития, а также контроль поведения под угрозой применения мер взыскания. Безусловно, режим содержания является неотъемлемой частью воспитательного процесса в учреждениях принудительного содержания, однако соблюдение режима содержания недостаточно связано с непосредственной профилактикой противоправного поведения несовершеннолетних.

Учитывая сказанное, представляется, что недостаточный объем отдельных профилактических мероприятий может затруднять эффективность профилактической работы как учреждения, так и сказываться на состоянии правонарушающего поведения несовершеннолетних в целом.

К этому относятся:

— минимальный учет особенностей личности несовершеннолетнего, обстоятельств, причин и условий совершения общественно опасного деяния; характера сложившихся межличностных связей (землячество, дружба (приятельство), совместное участие в совершении общественно опасных деяний, и т. п.); игнорирование социально-ролевого позиционирования в отношениях со сверстниками и (или) персоналом;

---

base.garant.ru/70585810 (дата обращения: 15.05.2022)], и включает: выяснение условий жизни и воспитания несовершеннолетних в семье; их личных качеств, интересов, недостатков в деятельности организаций и учебных заведений, способствующих совершению правонарушений; взаимодействие с сотрудниками подразделений уголовного розыска; развитие положительных склонностей и интересов, устранение недостатков в поведении, приобщение к учебе и труду и др.

— недостаточный учет влияния условий внешней среды на поведение несовершеннолетних. Изъятие несовершеннолетнего из семьи и помещение в условия принудительной изоляции является психотравмирующим фактором, влияющим на его дальнейшее поведение. Тоска по дому, общение с близкими, напоминания о прежней микро-социальной среде, получение «внешней» информации, требуют стабилизации психо-эмоционального состояния, как при помещении, так и в период содержания;

— как правило, отсутствие вероятного прогноза поведения и состояния несовершеннолетнего (факторов социализации) по окончании срока содержания в специальном учреждении; формальный подход к подготовке предложений по устранению причин и условий совершения общественно опасных деяний;

— минимальное взаимодействие с учреждениями и органами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по прежнему месту жительства (пребывания) несовершеннолетнего, в целях устранения обстоятельств, причин и условий совершения общественно опасных деяний. Как правило, взаимодействие СУВУЗТ и ЦВСНП ОВД с иными службами профилактики ограничивается перепиской об условиях жизни и воспитания несовершеннолетнего, состоянии профилактического учета и иных обоюдно известных фактах о несовершеннолетнем и его окружении;

— слаборазвитая практика (особенно в ЦВСНП ОВД, учитывая краткосрочность пребывания) реализации восстановительного подхода в разрешении конфликтов (особенно семейно-бытовых), влияющих на социальную реабилитацию несовершеннолетнего.

Заключение

На основании проведенного анализа представляется, что позиционирование мер государственного принуждения в виде направления в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа и помещения в центры временного содержания несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния до достижения возраста уголовной ответственности, в качестве воспитательно-профилактических программ по аналогии с восстановительным правосудием, преждевременно. Современное состояние профилактической деятельности специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа и центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей как учреждений принудительного содержания

говорит о сохранении карательной составляющей и требует трансформации правовых норм, их правильной практической реализации, а также социальной и ментальной

переориентации субъектов правоохранительной деятельности в части принудительной изоляции несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности.

Список источников

1. Юзиханова Э. Г. Статистические показатели и тенденции преступности несовершеннолетних в новейшей России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 82–87.
2. Шестакова Е. В. Роль центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей и специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа в системе профилактики правонарушений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4 (42). С. 200–206.
3. Bergseth K. J., Bouffard J. A. Examining the Effectiveness of a Restorative Justice Program for Various Types of Juvenile Offenders // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2013. Vol. 57, Issue 794. P. 1054–1075.
4. Wong J. S., Bouchard J., Gravel J., Bouchard M., Morselli C. Can at-risk youth be diverted from crime? A meta-analysis of restorative diversion programs // Criminal Justice and Behavior. 2016. № 43(10). P. 1310–1329.
5. Bouffard J., Cooper M., Bergseth K. The Effectiveness of Various Restorative Justice Interventions on Recidivism Outcomes Among Juvenile Offenders // Youth Violence and Juvenile Justice. 2017. Vol. 15, Issue 4. P. 465–480.
6. Miruktamova F. L. Restorative model of juvenile justice as an alternative to criminal penalties: international standards and national legislation // TSUL Legal Report. 2020. Vol. 1, Issue 1. P. 122–132.
7. Koops-Geuze G. J., Weerman F. M. Community sanctions in youth justice compared to other youth crime responses: A meta-analysis // European Journal of Criminology. August 2, 2021. P. 1–24. DOI: 10.1177/14773708211035305
8. Демидова-Петрова Е. В. Преступность несовершеннолетних в современной России: теоретико-методологические и прикладные проблемы ее познания и предупреждения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Казань, 2019. 53 с.
9. Guy F. Juvenile crime and the age of criminal responsibility // Crime Traveller. 2018, June 27. URL: <https://www.crimetraveller.org/2017/03/juvenile-crime-age-criminal-responsibility> (дата обращения: 15.05.2022).
10. Young S., Greer B., Church R. Juvenile delinquency, welfare, justice and therapeutic interventions: A global perspective // BJPsych Bulletin. 2017. Vol. 41, Issue 1. P. 21–29. DOI: 10.1192/pb.bp.115.052274
11. Сапрунов А. Г. Проблемы правового регулирования профилактики социальных отклонений несовершеннолетних // Общество и право. 2011. № 3. С. 174–179.
12. Понятовская Т. Г. Наказания, назначаемые несовершеннолетним: снисхождение или безнаказанность? // Союз криминалистов и криминологов. 2013. № 1. С. 80–84.
13. Поводова Е. В. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы теории и правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Москва, 2005. 31 с.
14. Губенко А. Надзор за законностью помещения несовершеннолетних в Центры временного содержания // Законность. 2008. № 8. С. 41–44.
15. Дамбиева Т. В. Содержание несовершеннолетних в Центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей в целях предупреждения совершения повторных общественно-опасных деяний и международные стандарты // Десятилетие детства: тенденции и перспективы развития дружественного к ребенку правосудия : материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию Верховного суда Республики Бурятия. 2018. С. 109–115.
16. Галкина Н. В., Пахмутова Е. А. Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей как элемент системы ювенальной юстиции в России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 2 (61). С. 62–66.
17. Сапронова К. А. О правовой неурегулированности процедуры помещения по заявлению прокурора несовершеннолетних в специальные учебные учреждения закрытого типа // Известия Юго-Западного государственного университета. 2021. Т. 11, № 2. С. 80–87.
18. Исмагилова А. Р. Центр временного содержания несовершеннолетних как особый субъект профилактики правонарушений, совершаемых несовершеннолетними // Право: ретроспектива и перспектива. 2020. № 4. С. 32–38.
19. Бутова М. В. Специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа как субъект системы профилактики правонарушений несовершеннолетних: история и современное состояние // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 5, № 2. С. 101–105.

20. Семенец М. Ю. Административно-правовые основы деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. Москва, 2019. 279 с.

21. Коблева М. М. Помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, как мера уголовно-правового характера : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Москва, 2015. 216 с.

Конфликт интересов. Конфликт интересов в материалах данной научной статьи отсутствует.

Conflict of interest. There is no conflict of interest in the materials of this scientific article.

Дата поступления статьи / Received: 22.05.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 01.07.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.06.2022.

ПЕРСПЕКТИВЫ ОСМЫСЛЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Зацепин Михаил Николаевич¹, Зацепин Александр Михайлович²,
Глушкова Елена Михайловна³

¹Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия
mnz-1958@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1006-4660>

²Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия
tr0507@ya.ru

³Уральский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), Екатеринбург, Россия
elena.zatsepina@mail.ru

Аннотация. Уголовная политика является самостоятельной отраслью российского права и одним из направлений социальной политики. Уголовная политика направлена на защиту граждан, их имущества, а также защиту государственных и коммерческих структур от преступных посягательств и базируется на Конституции РФ и Уголовном кодексе РФ. Широкое распространение коррупции, рост количества экономических преступлений и, как следствие, усиление социальной напряженности, указывают на низкую эффективность уголовной политики государства в отношении предпринимательства. Необходима осмысленная уголовная политика, которая будет ориентироваться на наиболее острые проблемы, обуславливаемые преступностью, содержать пути и формы их решения, следовать изменениям в социально-экономической сфере и предусматривать перспективу развития событий, содержать концепцию решений, учитывать положения, подлежащие изменениям, а также положительные и негативные аспекты действующего законодательства.

Новая уголовная политика в виде исчерпывающей концепции еще не оформлена, её понятия и определения размыты, и она не может рассматриваться как программа действий на перспективу. Целью настоящего исследования является формирование и обоснование правовых изменений, определение проблем взаимодействия предпринимательства с органами власти и обществом и методов их решения. Авторами отмечается возможность решения обозначенных проблем на уровне политических и социальных действий, необходимость реформирования законодательства в сфере борьбы с экономическими правонарушениями, постоянного анализа текущей ситуации и прогнозов преступности на будущее, квалифицированной криминологической экспертизы законодательных новелл, сотрудничества и взаимодействия правоохранительных органов на международном уровне.

Ключевые слова: новая уголовная политика, экономические преступления, организованная преступность, коррупция, правонарушения предпринимателей, взаимодействие правоохранительных органов, уголовное законодательство

Для цитирования: Зацепин М. Н., Зацепин А. М., Глушкова Е. М. Перспективы осмысленной уголовной политики в отношении предпринимательства // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 30–38.

PROSPECTS FOR A MEANINGFUL BUSINESS CRIMINAL POLICY

Zatsepin Mikhail Nikolaevich¹, Zatsepin Aleksandr Mikhaylovich²,
Glushkova Yelena Mikhaylovna³

¹Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia
mnz-1958@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1006-4660>

²Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia
tp0507@ya.ru

³Urals Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Russian Ministry of Justice), Yekaterinburg, Russia
elena.zatsepina@mail.ru

Abstract. Criminal policy is an independent branch of Russian law and one of the areas of social policy. Criminal policy is aimed at protecting citizens, their property, as well as protecting state and commercial structures from criminal encroachments and is based on the Constitution of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation. Widespread corruption, an increase in the number of economic crimes and, as a result, an increase in social tension, indicate the low effectiveness of the state's criminal policy in relation to entrepreneurship. A meaningful criminal policy is needed that will focus on the most acute problems caused by crime, contain ways and forms of their solution, follow changes in the socio-economic sphere and provide for the development of events, contain a concept of solutions, take into account the provisions to be changed, as well as positive and negative aspects of the current legislation.

The new criminal policy in the form of an exhaustive concept has not yet been formalized, its concepts and definitions are blurred, and it cannot be considered as a program of action for the future. The purpose of this study is the formation and justification of legal changes, the identification of problems of interaction between entrepreneurship and government authorities and society, and methods for their solution. The authors note the possibility of solving the identified problems at the level of political and social actions, the need to reform legislation in the field of combating economic offenses, a constant analysis of the current situation and future crime forecasts, a qualified criminological examination of legislative novels, cooperation and interaction of law enforcement agencies at the international level.

Keywords: new criminal policy, economic crime, organised crime, corruption, business offences, law enforcement cooperation, criminal legislation

For citation: Zatsepin MN., Zatsepin AM., Glushkova YeM. Prospects for a Meaningful Business Criminal Policy. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(3):30-38. (InRuss.)

Введение

В настоящее время криминологи сходятся на том, что уголовная политика сейчас переживает не лучшие времена, а некоторые специалисты даже говорят о ее кризисе, учитывая серьезные проблемы общества в борьбе с коррупцией, наркоманией, экономической и насильственной преступностью. Так, Н. Ш. Козаев отмечает запаздывание правовой реакции государства на новые виды преступных посягательств и указывает пути преодоления сложившейся ситуации: «...реформирование национального уголовного законодательства должно подчиняться принципу интеллектуально-аналитического и доктринального (криминологического) обоснования,

соответствовать ситуации, сложившейся в государстве, и международно-правовым нормам. Чтобы указанные требования выполнялись... требуется выстроить гармоничную и последовательную систему уголовной политики» [6].

Слово «политика» (*politike*) в переводе с греческого означает «искусство управления государством» [8, с. 692]. Уголовная политика, как одно из направлений социальной политики, — это государственная политика в области борьбы с преступностью. Мы рассматриваем направление деятельности государства в отношении предпринимательства, определение форм, задач, содержания деятельности государства и его органов в борьбе с правонарушениями бизнеса и тесно связанными

с этим другими формами антиобщественного поведения¹.

Описание проводимого исследования

Под уголовной политикой понимают уголовно-правовую защиту граждан и их имущества от преступных посягательств, а также защиту государственных и коммерческих структур, а для выполнения этих задач используются нормы и средства уголовного права, которое, в свою очередь, является частью общей правовой политики. Однако взгляды специалистов на предмет уголовной политики различаются. Так, например, Ю. И. Бытко отмечает, что «...под именем «уголовная политика» сведены воедино все виды деятельности по признаку общей для них цели — противодействие преступности» [1]. Авторы Энциклопедии уголовного права приводят следующее определение уголовной политики: «это система принципов, политических и политико-правовых и иных социальных норм антикриминального цикла, криминологических программ и программ ресоциализации преступника, выработанных на научной основе и осуществляемых государством совместно с субъектами российского гражданского общества по обеспечению правопорядка, предупреждения и борьбы с преступностью, безопасности личности, а в необходимых случаях — национальной безопасности» [9]. А. В. Серебренникова конкретизирует: «...только специальные меры социального предупреждения преступности, основывающиеся на уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве, с привлечением данных науки, включая криминологию и криминалистику, составляют понятие уголовной политики» [7]. В свою очередь, Е. В. Грибанов обращает внимание на сужение уголовной политики до традиционного круга криминальных угроз и высказывает мнение, что «...криминологическому анализу должны быть подвергнуты группы преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина, семьи и несовершеннолетних, в сфере экономической деятельности, против интересов службы в коммерческих и иных организациях» [2].

В начале этого столетия концепция реформы российского уголовного законодательства предполагала приведение его в соответствие

с криминологической реальностью. Изменения в уголовном законодательстве и в других отраслях права криминального цикла предполагали криминологическое обоснование, учет выявленных и прогнозируемых тенденций преступности, ее структуры, новых ее видов [3]. Обоснованная уголовная политика основывается на ясном понимании, каких изменений в состоянии, структуре и динамике преступности возможно добиться только совершенствуя институт предпринимательства и нормы уголовного законодательства. Исключение этих правил при принятии законодателем решений осложняют криминологическую обстановку, вызывают рост рецидивной преступности и отрицательно влияют на общественный порядок в стране.

Уголовная политика представляет собой стратегию и тактику борьбы с правонарушениями предпринимателей. Стратегия и тактика предполагают ответы на два вечных вопроса: что делать и как делать? На первый вопрос ответ дает стратегия, на второй тактика. Корректной (осмысленной) уголовная политика считается в том случае, если в ней предусмотрена перспектива развития событий с учетом настоящего момента, разработана концепция решений, отмечены положения, подлежащие изменениям, и выделены положительные и негативные аспекты действующего законодательства. Задача уголовной политики — ориентироваться на наиболее острые проблемы, обуславливаемые преступностью, содержать пути и формы их решения. Если в уголовной политике происходят изменения, они тесно связаны с изменениями в социально-экономической сфере общественного развития, и концепция уголовной политики следует этим изменениям, или наоборот, противодействуют им.

За последние десятилетия применительно к деятельности по борьбе с преступностью в экономической сфере употребляется несколько терминов: борьба, контроль, предупреждение и другие термины, по своему смысловому значению которые неадекватны и за каждым из них стоит разное содержание. Более широко используется термин борьба с правонарушениями, употребление именно этого термина в отношении предпринимателей представляется нам предпочтительным. Перспектива осмысленной уголовной политики означает активную, наступательную деятельность путем воздействия на процессы детерминации этого антисоциального явления и применения к предпринимателям, нарушающим уголовный закон, соответствующих мер государственного наказания, такая

¹ ЦБ раскрыл почти 150 финансовых пирамид с начала года (29.06.2021) // Право.ру. URL: <https://pravo.ru/news/234052/> (дата обращения: 20.06.2022).

деятельность осуществляется на основе уголовного законодательства¹.

Исходя из динамики развития криминальной обстановки и тех негативных последствий, которые обусловлены этим развитием, впору утверждать, что проводимая в настоящее время уголовная политика не отвечает предъявляемым к ней требованиям, в ней не проявляются новые аспекты изменений уголовного законодательства, будь то толкование понятия «преступление» или система наказания, уголовное преследование или исполнение приговора. За последние десятилетия законы, формирующие материальные и формальные стороны уголовного права, изменились не один раз, что говорит о постоянной потребности в «реформах» и необходимости действий в области уголовной политики, а изменения в уголовном праве воспринимаются законодателем ошибочно как одно целое.

Стремление к обоснованности в уголовной политике просматривалось уже в XIII в., когда «божий суд» сменила инквизиция, далее поворот к разумности был связан с эпохой просвещения, с началом самоанализа, с попытками создать нечто лучшее, чем уголовное право. Изменения уголовной политики связано с настроением оппозиции, расширением свободы прав человека, гражданина, что свойственно к критическим замечкам и нашей современности. Такое восприятие уголовной политики неудивительно, если речь идет не о научном познании и анализе, а о новом социальном переустройстве с помощью уголовной политики. Но так как современная правовая система достаточно подвижна, приспособляется к социальным переменам, восприимчива к реформированию, то и социального переустройства уже недостаточно, возникают новые альтернативы и «встречные» реформы. Речь идет не о «подходящих» компромиссах в отдельных случаях, а о «другом подходе к преступности», о «новой концептуальной и структурной ориентации», словом, об осмысленной государством уголовной политике.

¹ В настоящее время существует проблема взаимоотношений бизнеса и власти в России, находящаяся в стадии кризиса, попытки предпринимателей объединиться и сказать, что они способны ускорить экономические преобразования, ни к чему не приводят. «Поодиночке» предприниматели идут наговор с властью, чтобы иметь конкурентные преимущества, власть превратилась в особую форму бизнеса. См., напр.: Глобальный цифровой налог принесет бюджету десятки миллиардов рублей (08.09.2021) // Право.ру. URL: <https://pravo.ru/news/234585/> (дата обращения: 20.06.2022).

Прежнее движение «социальной защиты» граждан в девяностых годах оказалось беспомощным, уязвимым и бесперспективным. Такую динамику развития уголовной политики следует оценить не как присущую системе управления государства, а скорее как подрывающую эту социальную систему. Существующие направления в уголовной политике пока слабо учитывают материальные возможности, не подчиняются государственному регулированию, а лозунги типа «разоружение или вооружение уголовного права» всегда импонируют массам. Тенденции так называемого аболиционизма ориентируются на «упразднение» уголовного права и предлагают новейшие альтернативы, но они наталкиваются на встречное требование ужесточения уголовного права, особенно в части усиления борьбы с правоэкстремистским насилием, защиты окружающей среды и даже в таких деликатных сферах, как, например, насилие в семье, сексуальные правонарушения, детская порнография и курение в общественных местах. И хотя реформа уголовного права охватывает широкий спектр новых для уголовной политики явлений, вплоть до экономических преступлений, инициативы государства в области реформы все еще представляются обществу недостаточными. Наука и общество испытывают потребность в правовых изменениях, однако противники таковых тормозят дело, мешают определиться, в каком направлении должна развиваться уголовная политика, и здесь нетрудно выделить наиболее убедительные аргументы².

² Власть в государстве и предприниматели (бизнес) уже обо всем договорились, фактически взяли курс на построение государственного капитализма. Государство берет под контроль все основные ресурсы страны (природные богатства, транспорт, коммуникации), поскольку в таких ресурсах основа социальной политики, наполнение бюджетной сферы. Задача предпринимателей (бизнеса) совершать в стране «тихую» экономическую революцию в результате которой бизнес-сообщество получает представительство в выборных властных органах всех уровней. И все же, если мы стремимся к построению гражданского общества, где действуют законы, где совершенна судебная система, обсуждать способы объединения бизнеса с властью необходимо и тогда, когда речь идет не о крупных олигархических структурах, а о среднем и малом бизнесе (предпринимательстве) в рамках уголовной политики. Предпринимательство основа открытого гражданского общества, рыночной экономики, здоровой конкуренции. Невозможно у нас стать олигархом, не взаимодействуя с властью, и так же невозможно удержать власть в стране, не сотрудничая с крупным бизнесом. См., напр.: Малаховский А. Важные для бизнеса позиции экономколлегии за начало 2022 года (14.06.2022) // Право.ру. URL: <https://pravo.ru/story/240679/> (дата обращения: 20.06.2022).

Пути решения проблемы

Мы предлагаем руководствоваться понятием осмысленная уголовная политика. Однако оказалось, что дать определение осмысленности весьма непросто, поэтому будем опираться на принятие обоснованных волевых решений, на прагматическое улаживание отдельных случаев, которые не вписываются в общую концепцию. В данном случае речь идет в основном о создании умеренной системы уголовно-правового социального контроля, которая будет включать в себя общепризнанные нормы уголовной политики и которую можно будет обосновать, перепроверять и корректировать. То, что это возможно, подтверждается парадигмой развития уголовной политики последних лет, и все же осмысленность остается многозначным значением. Если говорить о рационалистичности оценок, то за этим понимаем элементарные нормы поведения, принятые в обществе, т. е. исходим из задач социальной этики и философии права, но если говорить о рациональности целей, то под этим имеем в виду успешное внедрение в жизнь программ уголовной политики. Эти цели общеизвестны: это контроль над преступностью и профилактика преступлений, а вот средства достижения этих целей и очередность решения задач всегда требуют уточнений, этим и должны заниматься специалисты в области уголовной политики, тогда сделать выводы, является ли политика успешной или нет, возможно только на основе изучения ее результатов. Оценки этих результатов, усиливают аргументы в пользу осмысленности целей, когда речь идет о выборе путей и форм совершенствования уголовной политики, оценен процесс исполнения программ и их действенность, что обеспечивает обратную связь с государственными, общественными и физическими лицами.

Таким образом, оценка является контролирующим и управляющим инструментом осмысленной уголовной политики в отношении предпринимателей (бизнеса)¹.

¹ Особенно важна эта оценка в свете того, что предприниматель вынужден сегодня противостоять бюрократической власти, исповедуя принцип «лишь бы не мешали», при этом предприниматель вынужден противостоять еще и крупному бизнесу, который вместе с властью образовал замкнутый круг. Власть требует от предпринимателей быть социально ответственными, что на деле выражается в требованиях власти по отношению к предпринимателям, направленных на вынуждение финансировать различные проекты, помимо тех налогов, которые бизнес платит в бюджет. Проявлением этого является возникновение всевозможных внебюджетных

Существенную помощь в этом плане могла бы оказать квалифицированная криминологическая экспертиза законодательных новелл. Заключение экспертов криминологов будут содержать критические замечания, вероятно такие результаты не устраивают их разработчиков и фактически не учитываются. В настоящее время к услугам криминологов в процессе реформирования законодательства в сфере борьбы с правонарушениями практически не прибегают, а криминологические экспертизы предполагаемых законодательных инициатив не проводятся, и это отрицательным образом сказывается в правоприменительной практике. Криминологическая ситуация в стране в сфере экономических преступлений становится все более неблагоприятной, идет криминализация предпринимательской сферы [4; 5]. Защитить осмысленную уголовную политику возможно через эмпирическую, криминологическую базы и уголовно-правовой анализ, нельзя забывать и о практике ее применения на научно обоснованной информации, но вся трудность заключается в том, что она опирается на политические и социальные реалии. Необходимость опираться на объективное изучение преступления в его юридических и эмпирических проявлениях с другой стороны, как составляющая политику безопасности предпринимательства, неизбежно защищает определенные идеи и интересы государственной власти, эти противоречия затрудняют создание прагматичной и экономической концепции уголовной политики в отношении предпринимателей.

Но экономика вещь упрямая и с таким положением дел у предпринимателей она мириться не желает. Если где-то прибавилось, то где-то должно пойти на убыль, а именно — налоги, сборы и платежи перестают выплачиваться в полном объеме, перестают поступать в соответствующие бюджеты. Существующая модель на практике показывает социально-безответственное поведение, как крупных бизнесменов, так и власти. Она разрушает государство, бюджет страны, создает для чиновников теневые, незаконные источники финансирования различных «желаний», криминализирует власть².

фондов, программ имени того или иного направления. См., напр.: Вараксин М. Пленум ВС разъяснил, как оспаривать решения госорганов // Право.ру. URL: <https://pravo.ru/story/241298/> (дата обращения: 20.06.2022).

² В качестве составных частей осмысленной уголовной политики выделяют уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную (пенитенциарную), криминологическую (профилактическую)

Необходимо искать подходы для объединения различных представлений предпринимателей и государства о прагматизме, т. е. устранять на постоянной основе возможный конфликт, но для его решения пока нет методик и моделей. Для того чтобы достичь соглашения, и при этом опираться на осмысленные аргументы, необходимо признать, что рациональность и плюрализм мнений, как и переоценка ценностей имеют определенные юридические границы.

Для устранения конфликта необходимо политическое решение со всей его хрупкостью и зависимостью от общественного мнения, например, сохранение уголовного права в отношении наркотических средств, несмотря на его невысокую эффективность, при этом условия возможно также определение рамок свободы действий для преступника и жертвы. Свобода действий в принятии политических решений правомерна только тогда, когда признается невозможной, недопустимой или нежелательной конъюнктура этих решений. Осмысленная уголовная политика окажется несостоятельной в отношении бизнеса, если предположить, что возможна нестыковка понятий здравого смысла в теории и на практике, и что различные формы знаний нельзя объединить друг с другом.

Нельзя не признать, что в практической деятельности используются свои формы и методы, образ мышления и исполнительные государственные и общественные саморегулируемые структуры, своя собственная культура. При этом она стыкуется с общепризнанными нормами права, и невозможен контроль над уголовно-политической программой без вклада науки и накопленного практического опыта. Учитывая, что обобщенная теория уголовной политики в отношении предпринимателей еще не состоялась, в обозримом будущем, видимо, более целесообразно двигаться вперед в данной области небольшими шагами, соблюдая требования обоснованности, ясности, очевидности и прав предпринимателей (бизнеса).

Принципиальных различий в идеологической платформе у крупного и малого бизнеса нет. Любой бизнес возможен лишь в условиях гражданского общества и открытой

разновидности такой политики. В реальном состоянии осмысленная уголовная политика осуществляется комплексно с использованием возможностей каждой из политик. См., напр.: Вараксин М. Проверки бизнеса и поправки в Налоговый кодекс: что вступает в силу в июле (30.06.2021) // Право.ру.URL: <https://pravo.ru/story/232817/> (дата обращения: 20.06.2022).

экономики, но крупный бизнес, присвоивший государственную собственность несправедливым путем, всегда будет «должен», «виноват», что, в общем-то, устраивает государственную власть, т. к. позволяет успешно реализовывать описанный выше механизм взаимодействия крупного бизнеса и власти. Вследствие чего власть никогда не будет заинтересована в полной информации по поводу итогов приватизации, т. к. это подорвет экономический базис государства¹.

Правоохранительные органы и правосудие нуждаются в постоянном анализе ситуации и прогнозах преступности на будущее, чтобы соответствовать целям и задачам прогностической и профилактической уголовной политики. На практике же уголовная политика выступает не только в качестве пассивного потребителя анализа и прогнозов, но и сама участвует в их создании, что помогает поднять у населения чувство защищенности, безопасности, которое в настоящее время снижается. Полиция использует опыт и знания, полученные на практике в советский период, для воздействия на общественность и государственные институты. Так, начиная еще с 90-х гг. криминологи предупреждали об опасности экономических преступлений и организованной преступности. Конечно, раннее распознавание уголовных проявлений или развития криминогенной обстановки требовало осторожных подходов, чтобы не получить нежелательные побочные эффекты. Под этим имеется в виду, что иногда предупреждения, наблюдения и прогнозы криминологов используются в своих интересах, а правоохранительные органы заявляют о своем участии в дискуссии о контроле над преступностью более организованно и наглядно, чем правосудие.

---

¹ В настоящее время осмысленная уголовная политика борьбы с правонарушениями предпринимателей несовершенна, т. к. тенденции совершения правонарушений настолько неблагоприятны, что вполне правомерно возможно говорить о том, что правонарушения создают угрозу безопасности предпринимателей, постепенно бизнес превращается в криминальный. Реформирование уголовного законодательства без дифференцированного подхода к различным категориям преступлений и правонарушителей предпринимателей не сопоставляются с криминологическими реалиями, изменения в законодательстве криминального цикла недостаточно обоснованы. См., напр.: Косаков В. Слияние субсидиарной и уголовной ответственности: последствия повышения стандартов доказывания (16.06.2022) // Право.ру. URL: <https://pravo.ru/opinion/241246/> (дата обращения: 20.06.2022).

Осмысленную уголовную политику трудно выявить, её понятия и определения слишком размыты, ими трудно оперировать, а изменения в социальной системе, миграционные процессы, преступность — все это вызывает естественное противодействие при попытках органов правопорядка вмешаться в их развитие, поэтому повлиять на них можно только опосредованно. Там, где полагают, что вмешательство может быть успешным, эффект бывает прямо противоположным; чтобы избежать ложных оценок, необходимы политические и юридические консультации. Используя заключения, выводы и анализы, криминологическая наука будет успевать отвечать на ежедневные острые потребности практической уголовной политики, поэтому решения сегодня вынужденно принимаются при частичном или неполном объеме знаний, и только позже становятся возможными исследования результатов примененных на практике программ.

К сожалению, политические консультации, проходящие в форме экспертиз, слушаний, высказываний точек зрения, зачастую носят бессистемный, неполный характер, и нередко выводы по ним не совпадают с различными прогнозами, например, с прогнозами в области молодежной, социальной политики; сейчас оптимизм, который имел место в начале века по поводу политических, экономических изменений, у предпринимателей постепенно улетучился¹.

Разочарование криминальной практикой нередко оборачивается равнодушием, а иногда и агрессивностью населения. Социальное неравенство, беспрепятственные миграционные потоки, несвоевременное решение политических вопросов приводят к кризису, правовому и государственному либерализму, создают единое криминальное поле. Это осложняет положение и роль правоохранительных органов, и грозит им реформами из-за интернационализированности,

¹ Жертвой этого механизма стал малый бизнес, индивидуальные предприниматели, являющиеся по своей природе разрозненной, наиболее незащищенной частью предпринимательского сообщества, они за все платят сами, и только просят государство не лезть и не мешать. Но государство эти просьбы игнорирует, некоторые переходят в другие системы налогообложения или уходят в тень. Система налогообложения малого бизнеса, надежда получить значительные налоговые платежи в бюджет, получает обратный эффект. См., напр.: Коробка Е. Кто кого: как бизнес судился с государством в 2021 году (02.12.2021) // Право.ру.URL: <https://300.pravo.ru/story/236589/> (дата обращения: 20.06.2022).

консолидированности и фактического контроля криминалом за значительной частью экономических, социальных и политических структур. Правоохранительные репрессии служат в этом случае как бы затычкой и являются признаком отсутствия уголовной политики в экономической сфере. Население не участвует в принятии решений, касающихся его самого, чувствует себя брошенным на произвол судьбы. Политики же избегают четких позиций, если речь идет о движениях протеста или о проблемах миграции. Высказывания, имеющие целью успокоить, ослабить ситуацию, воспринимаются как попытка уйти от решения вопроса.

Тем временем социальные конфликты приобретают уголовный характер, и ими должны заниматься не только правоохранительные органы и правосудие. Решить проблему возможно на уровне политических и социальных действий. Одним из главных завоеваний развития общества является правовое государство, где выражением равенства служит социальный, процессуальный принцип законности, обязанность правоохранительных органов возбуждать уголовное преследование во всех случаях совершения преступления. Однако из-за невозможности его исполнения, особенно в случаях мелких уголовных преступлений, незаинтересованности в этом общественности, принцип законности заменяется принципом целесообразности, при том, что мощностей и средств правоохранительных органов явно не хватает, чтобы все выявленные преступления расследовать «соответствующим» образом. Необходимость исследовать, анализировать практику уголовных дел в отношении предпринимателей со стороны складывающегося общественного мнения и политики государства, улаживается исходя из принципа целесообразности.

Эффективная уголовная политика немыслима без информации, правильно (осмысленно), полно, своевременно и достоверно отражающей современные криминальные явления и меры борьбы с ними, минимизировать уголовную ответственность за мелкие правонарушения предпринимателей нельзя, так как это приведет к лишению гражданских прав лиц, страдающих от «мелких» правонарушений. Осуществляемый выход «найден» в ослаблении принципа законности, чтобы дать правоохранительным органам больше простора для использования целесообразных мер, а также в активизации действий таких представителей судебной власти, как мировых или федеральных судей, которые

в «состоянии» урегулировать незначительные конфликты¹.

Другое дело, когда речь идет о монополии государства на применение силы, например, в борьбе с организованной преступностью. Имеется много признаков того, что разложение и коррупция ослабляют государственную монополию на применение силы, и если мы не хотим, чтобы полицейские, прокуроры и судьи были коррумпированы или убиты, то необходимо точное наблюдение за соблюдением законности, строгая документация соблюдения прав и активные действия общественных институтов. И это тем более необходимо, чем шире становятся границы бесконтрольности (коррупция, наркотики, насильственные преступления и т. п.). Эти виды преступности интернациональны по своему характеру, поэтому криминальная политика также не должна оставаться монополизированной, а должна предполагать сотрудничество между государствами: когда уничтожаются границы, крепнут экономические и политические связи, то возникает и потребность в новых видах контроля за преступностью. Только правовая помощь и помощь в аресте преступника уже недостаточны, необходимо сотрудничество и взаимодействие правоохранительных органов на международном уровне, создание полицейской службы Европейского союза (Европол), выполняющей задачи борьбы с организованной и наркопреступностью, имущественными преступлениями, торговлей людьми и отмыванием денег. Конечно, в основном это работа по координации информационного потока, передача документации, обмен опытом. Преследование преступников

¹ В этой связи возникает вопрос, должна ли уголовная политика в отношении предпринимателей естественной и неоспоримой, «либеральной»? Не все так просто, обращая внимание на то обстоятельство что положение предпринимательства неустойчиво, уголовной политике в отношении предпринимателей суровость наказания находится в определенном соотношении с состоянием социальной политики в данное время. Состояние российского предпринимательства в данное время продолжает пребывать в условиях глубокого экономического, социально-политического и духовного кризиса, обострения множества противоречий, имеющих существенное криминогенное значение. См., напр.: Сергеева А. В Екатеринбурге рассматривают первое дело по статье о воровской иерархии (26.04.2022) // РИА «Новый День». URL: <https://newdaynews.ru/ekaterinburg/757538.html> (дата обращения: 20.06.2022) ; Путин поручил ВС и кабмину ограничить аресты бизнесменов (17.06.2022) // Право.ру. URL: <https://pravo.ru/news/241391/> (дата обращения: 20.06.2022).

должно осуществляться, как и прежде, национальными, региональными и местными органами, но соответствовать европейским и мировым требованиям².

Вывод

Что касается настоящей уголовной политики, то, конечно, она будет опираться на фундаментальные основы права и не упускать из виду тенденции развития преступности. В ней должна предусматриваться дифференциация преступлений по видам, тяжести, частоте и социальной опасности, она должна обращать особое внимание на насильственные и экономические преступления, на преступное отношение к окружающей среде, защищая при этом интересы жертв преступлений. Чтобы не упустить массовые мелкие правонарушения предпринимателей, уголовное право должно повысить роль предварительного следствия и объединить усилия по координации и взаимодействию полиции и прокуратуры. На первых этапах дознания предлагается прозрачная методика следствия и малоформализованное разрешение конфликта, но прокуратура должна будет обеспечить одинаковый подход к рассмотрению мелких правонарушений бизнесом, чем и будет обеспечен принцип законности и соблюдено уголовное право³.

² Усиливаются организованность, профессионализм, вооруженность, техническая оснащенность преступности, она приобретает все более дерзкие, непредсказуемые формы. Масштабы экономической преступности глобализируются и интеллектуализируются, а предпринимателям, попавшим в криминальный капкан, все труднее бывает выбраться. Прежняя система социальной профилактики правонарушений разрушена, а новая еще создается, центр тяжести в борьбе с экономической преступностью фактически перенесен в область правоохранительной и правоприменительной деятельности. См., напр.: Нозикова Е. Расторгнуть договор из-за санкций: пути и перспективы (20.06.2022) // Право.ру. URL: <https://pravo.ru/story/240730/> (дата обращения: 20.06.2022).

³ Осмысленная уголовная политика — в первую очередь политика социальная, но не считаться с реалиями, когда политика — искусство возможного в условиях первоначального накопления капитала, экономических реформ, ресурсного обеспечения, политической воли социальная политика отодвигается на второй план. См., напр.: Президент пообещал навсегда отказать от плановых проверок бизнеса (17.06.2022) // Право.ру. URL: <https://pravo.ru/news/241389/> (дата обращения: 20.06.2022) ; Генпрокуратура будет добиваться сокращения проверок бизнеса (17.06.2022) // Право.ру. URL: <https://pravo.ru/news/241379/> (дата обращения: 20.06.2022).

Список источников

1. Бытко Ю. И. Понятие уголовной политики // Вестник СГЮА. 2015. № 6 (107). С. 144–148.
2. Грибанов Е. В. Кризис современной уголовной политики и пути его преодоления // Современные проблемы уголовной политики : материалы VI Международной научно-практической конференции (Краснодар, 25 сентября 2015 г.). Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2015. С. 22–25.
3. Зацепин М. Н. Оценка уровня преступности и общая характеристика преступлений, посягающих на безопасность предпринимательства // Российский юридический журнал. 1996. № 1 (9). С. 30–43.
4. Зацепин М. Н. Безопасность предпринимательства и организованная преступность // Российский юридический журнал. 1997. № 3 (15). С. 75–84.
5. Зацепин М. Н., Зацепин А. М., Филиппова О. В. Безопасность предпринимательства как криминологическая проблема современного российского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 2. С. 84–86. DOI: 10.23672/SAE.2019.2.26716
6. Козаев Н. Ш. Состояние уголовной политики и вопросы преодоления кризисных явлений в уголовном праве // Юридический вестник ДГУ. 2016. Т. 17, № 1. С. 96–101.
7. Серебренникова А. В. О понятии уголовной политики: постановка проблемы // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. № 2. С. 168–170.
8. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка : Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / сост. под ред. А. Н. Чудинова. Санкт-Петербург : В. И. Губинский, 1894. 989 с.
9. Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права. Санкт-Петербург : Изд. проф. Малинин, 2005.

Вклад авторов. Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of authors. All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

Конфликт интересов. Конфликт интересов в материалах данной научной статьи отсутствует.

Conflict of interest. There is no conflict of interest in the materials of this scientific article.

Дата поступления статьи / Received: 22.06.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.08.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.08.2022.

О ПРОБЛЕМАХ ТОЧНОСТИ И ПОЛНОТЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С АЛЬТЕРНАТИВНЫМИ ПРИЗНАКАМИ СОСТАВА

Николай Вячеславович Сальников

*Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры РФ, Москва, Россия
n.v.salnikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5856-3848>*

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем, связанных с точностью и полнотой квалификации преступлений с альтернативными признаками состава.

Обращается внимание на специфику анализируемого вида преступлений, заключающуюся в возможности усложнения преступного деяния проявлением нескольких альтернативных признаков состава и совершения преступления посредством нескольких взаимосвязанных или функционально близких вариантов нарушения уголовно-правового запрета. Множественность альтернативных проявлений признаков состава преступления в преступном деянии в значительной степени обуславливает возникновение проблем правовой оценки преступлений с альтернативными признаками состава.

Анализ правоприменительной практики демонстрирует актуальность вопросов обеспечения полноты и точности квалификации анализируемого вида преступлений. Несоблюдение основных принципов квалификации преступлений в процессе их правовой оценки негативно влияет на законность, обоснованность и справедливость выносимых судебных решений, приводит к существенным нарушениям прав граждан на судебную защиту.

В этой связи отмечается необходимость обеспечения достаточного уровня конкретизации результатов уголовно-правовой оценки преступлений с альтернативными признаками состава. Во избежание ошибок, связанных с неточностью и неполнотой их квалификации, предлагается ориентировать суды на необходимость обязательного учета в описательно-мотивировочной части приговора всех альтернативных признаков состава преступления, нашедших отражение в преступном деянии, а также на исключение излишне вмененных признаков состава преступления из числа альтернативных, предусмотренных соответствующим составом преступления.

Ключевые слова: преступления с альтернативными признаками состава, принципы полноты и точности квалификации преступлений, конкретизация результатов уголовно-правовой оценки

Для цитирования: Сальников Н. В. О проблемах точности и полноты квалификации преступлений с альтернативными признаками состава // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 39–43.

ON THE PROBLEMS OF ACCURACY AND COMPLETENESS OF THE QUALIFICATION OF CRIMES WITH ALTERNATIVE SIGNS OF COMPOSITION

Nikolay V. Salnikov

*Research Institute of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Moscow, Russia
n.v.salnikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5856-3848>*

Abstract. The article is devoted to the analysis of problems related to the accuracy and completeness of the qualification of crimes with alternative signs of composition.

Attention is drawn to the specifics of the analyzed type of crimes, which consists in the possibility of complicating the criminal act by the manifestation of several alternative signs of the corpus delicti and the commission of a crime through several interrelated or functionally close variants of violation of the criminal law prohibition. It is the multiplicity of alternative manifestations of the signs of the corpus delicti in a criminal act that largely determines the emergence of problems of legal assessment of crimes with alternative signs of the composition.

The analysis of law enforcement practice shows the relevance of issues of ensuring the completeness and accuracy of the qualification of the analyzed type of crimes. Non-compliance with the basic principles of the qualification of crimes in the process of their legal assessment negatively affects the legality, validity and fairness of court decisions, leads to significant violations of citizens' rights to judicial protection.

In this regard, it is noted that it is necessary to ensure a sufficient level of concretization of the results of the criminal legal assessment of crimes with alternative signs of composition. In order to avoid errors related to the inaccuracy and incompleteness of their qualifications, it is proposed to orient the courts to the need for mandatory consideration in the descriptive and motivational part of the sentence of all alternative signs of the corpus delicti reflected in the criminal act, as well as to exclude unnecessarily imputed signs of the corpus delicti from among the alternatives provided for by the relevant corpus delicti.

Keywords: crimes with alternative signs of composition, principles of completeness and accuracy of the qualification of crimes, specification of the results of criminal legal assessment

For citation: Salnikov NV. On the problems of accuracy and completeness of the qualification of crimes with alternative signs of composition. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(3). (In Russ.)

Введение

Конструкции составов преступлений с альтернативными признаками широко представлены в действующем уголовном законе. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) содержит свыше 70 % составов преступлений, изложенных посредством использования сложных разделительных суждений, что обеспечивает условия для альтернативности криминообразующих признаков. Несмотря на это категория преступлений, составы которых содержат альтернативные признаки, не находит своего однозначного доктринального и практического определения.

Преступления с альтернативными признаками состава имеют определенную специфику, заключающуюся в возможности усложнения

преступного деяния проявлением нескольких альтернативных признаков состава преступления. Особенности технико-юридического изложения составов таких преступлений на практике проявляются в возможности совершения преступления посредством как одного, так и нескольких вариантов нарушения уголовно-правового запрета. Именно множественность альтернативных проявлений какого-либо признака или нескольких признаков состава преступления в преступном деянии в значительной степени обуславливает возникновение проблем правовой оценки преступлений с альтернативными признаками состава. При этом вопреки мнению об определенной хрестоматийности правил квалификации преступлений с альтернативными признаками

состава [5, с. 305] перечень вопросов, связанных с их уголовно-правовой оценкой, представляется в достаточной степени обширным.

Следует подчеркнуть, что важным критерием выделения альтернативных признаков состава преступления является их равнозначность, тождественность уголовно-правового значения [1, с. 143; 2, с. 146]. Так, Н. Ф. Кузнецова утверждала, что «альтернативность элементов состава означает однородность характера и близкую степень их общественной опасности» [10, с. 40]. Действительно, составы преступлений с альтернативными признаками, как правило, обеспечивают единую оценку функционально близких или взаимосвязанных вариантов преступного поведения, которые могут быть совершены в устойчивом сочетании.

В этой связи детального внимания при квалификации преступлений с альтернативными признаками состава заслуживает соблюдение принципов полноты и точности квалификации, ориентирующих правоприменителя на обеспечение необходимой и достаточной конкретизации результатов уголовно-правовой оценки деяния, содержащего признаки состава преступления. [7, с. 39–42].

Описание исследования

Анализ правоприменительной практики показывает, что вопросы обеспечения полноты и точности квалификации анализируемого вида преступлений не теряют своей актуальности. В свою очередь, несоблюдение основных принципов квалификации преступлений в процессе их правовой оценки негативно влияет на законность, обоснованность и справедливость выносимых судебных решений, приводит к существенным нарушениям прав граждан на судебную защиту.

В соответствии с общей формулой квалификации преступлений с альтернативными признаками состава, сформулированной А. Н. Трайниным и поддержанной в научном сообществе [3, с. 223; 6, с. 269], для обоснования уголовной ответственности не требуется наличия в преступном деянии всех альтернативных признаков состава преступления при условии присутствия любого из них [9, с. 51].

Основываясь на этом и следуя по пути «наименьшего сопротивления», правоприменитель зачастую сосредотачивает усилия на установлении лишь одного наиболее явного признака из числа альтернативных, в ущерб полноте квалификации. Иллюстрируя данную проблему, приведем высказывание А. В. Козлова, который в результате анализа судебной практики по ч. 2 ст. 146 УК РФ отмечает следующее: «так как диспозиция указанной

статьи является альтернативной, а действия взаимосвязаны между собой, то совершенное преступление будет единичным, независимо от того, лицо только изготовит контрафактные экземпляры либо изготовит и перевезет, либо изготовит, перевезет и будет хранить, либо, наконец, изготовит, перевезет, осуществит хранение и распространит (или будет сдавать в прокат)... А раз так, то даже если известно, что виновный совершил все действия из приведенной цепочки, то для привлечения его к уголовной ответственности нет необходимости все их доказывать. Так правоприменитель и поступает. Он не утруждает себя, например, доказательством происхождения контрафактных экземпляров произведений» [4, с. 312].

Примером может служить кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, в соответствии с которым из осуждения М. по ч. 2 ст. 228 УК РФ исключен признак — незаконное приобретение наркотического средства без цели сбыта.

Так, по приговору Каспийского городского суда Республики Дагестан М. признан виновным, в том числе в том, что в не установленное следствием время незаконно приобрел у не установленного следствием лица наркотические средства в особо крупном размере. Его действия квалифицированы как незаконное приобретение и хранение без цели сбыта наркотических средств, в особо крупном размере по ч. 2 ст. 228 УК РФ.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации при пересмотре уголовного дела отмечено, что, по делу не установлены время, место, способ и другие обстоятельства незаконного приобретения М. наркотических средств. Указанное повлекло исключение из осуждения М. недоказанного признака состава преступления и снижение назначенного наказания¹.

Результатом нарушения требований, предъявляемых к точности квалификации преступлений с альтернативными признаками состава, зачастую выступает ошибка при выборе субъектом квалификации признака состава преступления из числа альтернативных и его отражении в объеме обвинения.

С учетом того, что альтернативные признаки состава преступления, как правило, выступают равнозначными в уголовно-правовом значении и определяют разновидности схожих или взаимосвязанных вариантов

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.03.2018 № 20-УД17-24 // СПС «КонсультантПлюс».

преступного поведения, выбор в полной мере отражающего совершенное преступное деяние признака из числа их множественности может представлять для правоприменителя определенные трудности. При этом, как обоснованно отмечается, при квалификации недопустимо вменять лицу альтернативные признаки состава, которые фактически в его деянии отсутствуют [7, с. 44].

К примеру, А. признан виновным в незаконном хранении боеприпасов организованной группой по ч. 3 ст. 222 УК РФ.

Суд апелляционной инстанции, не согласившись с выводами суда в этой части, переqualificировал действия А. на незаконное ношение боеприпасов организованной группой, указав, что из описания действий А. не следует, где и при каких обстоятельствах он и соучастник хранили боеприпасы, однако установлено, что они перенесли боеприпасы к месту совершения преступления. Тем самым суд апелляционной инстанции, пришел к выводу о наличии в действиях А. одного из альтернативных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ, который ему не вменялся.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации при рассмотрении дела в кассационном порядке отмечено, что указанное нарушение является существенным, повлиявшим на исход дела, в связи с чем осуждение А. по ч. 2 ст. 222 УК РФ за ношение боеприпасов признано незаконным, приговор в указанной части отменен, уголовное прекращено за отсутствием состава преступления с признанием за А. права на реабилитацию¹.

Стоит отметить, что принцип точности квалификации преступлений с альтернативными признаками состава требует обращать внимание, в том числе и на обоснованность включения в объем обвинения дополнительных альтернативных признаков состава преступления.

К примеру, действия Д. квалифицированы судом по ст. 264¹ УК РФ (в редакции Федерального закона от 31.12.2014 № 528-ФЗ) как «нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, то есть управление автомобилем лицом, находящимся в состоянии опьянения, имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного ст. 264¹ УК РФ».

Суд кассационной инстанции пришел к выводу о том, что правовая оценка действий Д. в части нарушения правил дорожного движения как лицом, подвергнутым административному

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 5-УД20-108 // СПС «Гарант».

наказанию, не соответствует обстоятельствам, изложенным в обвинительном акте, в связи с чем осуждение Д. применительно к данным действиям исключено из приговора как излишне вмененное, что повлекло соразмерное смягчение назначенного наказания².

Неточности при квалификации преступлений с альтернативными признаками состава нередко выражаются в полном воспроизведении в обвинении признаков состава преступления, вне зависимости от того, сколько из них нашло отражение в преступном деянии. В этой связи А. И. Рарог справедливо отмечает, что требование полного перечисления всех установленных в деянии признаков состава преступления нельзя подменять перечислением всех признаков, упомянутых в применяемой норме [8, с. 39].

Например, О. признан виновным в угоне автомобиля, а также в нарушении правил дорожного движения, будучи подвергнутым административному наказанию по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 166 УК РФ и ст. 264¹ УК РФ.

При этом, как указал суд апелляционной инстанции, приговор не содержал сведений о квалификации действий О. В нем лишь были изложены диспозиции обозначенных статей с использованием альтернативных формулировок, в том числе признаки преступления, которые в ходе предварительного расследования О. не вменялись.

Данное нарушение признано существенным, ставящим под сомнение законность, обоснованность и справедливость приговора, в связи с чем, приговор суда первой инстанции был отменен³.

В другом случае, несмотря на нарушение принципа точности квалификации, уголовное дело в отношении П., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, было прекращено в связи с примирением с потерпевшим.

В описательно мотивировочной части соответствующего решения указано, что П. органами предварительного расследования обвинялся «в совершении хулиганства, то есть грубом нарушении общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия»⁴.

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.12.2020 № 7У-13224/2020 // СПС «Гарант».

³ Приговор суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 26.04.2021 по делу № 22-402/2021 // СПС «Кодекс».

⁴ Постановление Комсомольского районного суда г. Тольятти Самарской области № 1-407/2017 от 16.08.2017

Во всех перечисленных случаях квалификации ставится под сомнение необходимая и достаточная конкретизация результатов уголовно-правовой оценки преступлений с альтернативными признаками состава. Проблемы точности и полноты учета вариантов преступного поведения закономерно приводят к проблемам определения основных характеристик преступления, что существенным образом влияет на его уголовно-правовую оценку. Указанное обуславливает важность полноты и точности отражения в объеме обвинения всех проявившихся в преступном деянии альтернативных признаков состава преступления.

Заключение

Во избежание ошибок, связанных с неточностью и неполнотой квалификации анализируемых преступлений, предлагается ориентировать суды на необходимость обязательного

по делу № 1-407/2017 // СудАкт.ру. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NnBY6lchJlog> (дата обращения: 20.06.2022).

учета в описательно-мотивировочной части приговора всех альтернативных признаков состава преступления, нашедших отражение в преступном деянии, а также на исключение излишне вмененных признаков состава преступления из числа альтернативных, предусмотренных соответствующим составом преступления.

В этой связи пункт 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» целесообразно дополнить абзацем следующего содержания:

«В случае, когда подсудимый совершил одно преступление, которое квалифицируется по нескольким альтернативным признакам состава преступления, в описательно-мотивировочной части приговора должен быть приведен каждый такой признак. Излишне вмененные подсудимому альтернативные признаки состава преступления подлежат исключению судом из описательно-мотивировочной части приговора с указанием соответствующих мотивов».

Список источников

1. Актуальные проблемы теории и практики борьбы с преступностью: сборник очерков / под ред. В. В. Лунеева. Москва : Юрайт-Издат, 2009.
2. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. Москва : Центр ЮрИнфоР, 2001.
3. Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Москва : Проспект, 2014.
4. Козлов А. В. Альтернативные диспозиции как конструкции в уголовно-правовых нормах об ответственности за преступления против интеллектуальной собственности // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 309–315.
5. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. академика В. Н. Кудрявцева. Москва : Издательский Дом «Городец», 2007.
6. Курс советского уголовного права. Часть Общая / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Ленинград, 1968. Т.1.
7. Проблемы квалификации преступлений : монография / под ред. К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. Москва : Проспект, 2018.
8. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002.
9. Трайнин А. Н. Учение о составе преступления. Москва : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946.
10. Уголовное право России. Особенная часть. Первый полутом : учебник для вузов / под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. Москва : ИКД Зерцало-М, 2005.

Конфликт интересов. Конфликт интересов в материалах данной научной статьи отсутствует.

Conflict of interest. There is no conflict of interest in the materials of this scientific article.

Дата поступления статьи / Received: 24.06.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 10.07.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.06.2022.

СОТРУДНИЧЕСТВО МИНЮСТА РОССИИ И ФСИН РОССИИ С ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Александр Геннадьевич Упоров¹, Оксана Витальевна Драгун²

^{1,2}Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Новокузнецк, Россия

¹uporo65@mail.ru

²oksana.dragun.01@bk.ru

Аннотация. Предмет исследования в статье представлен анализом отдельных организационно-правовых аспектов сотрудничества Минюста России и ФСИН России с институтами гражданского общества, обосновывается социально-правовая ценность данного направления работы, выявлен ряд особенностей и проблем в данной области.

Цель исследования заключается в комплексном анализе проблем и особенностей сотрудничества Минюста России и ФСИН России с институтами гражданского общества.

Область применения результатов: обращение к вопросу взаимоотношений учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, с институтами гражданского общества является актуальным по ряду причин. Прежде всего, необходимо отметить, с одной стороны, факт растущего осознания членами гражданского общества их значимой роли в воздействии на государственные органы, осуществляющие функции принуждения. С другой стороны, не следует забывать, что отечественная уголовно-исполнительная система находится в условиях продолжающегося реформирования и имплементации норм международного права в национальную правовую систему.

Методологию исследования составили такие методы как анализ, синтез и формально-юридический.

Результатом исследования явилось формирование основных положений о сотрудничестве Минюста России и ФСИН России с институтами гражданского общества, обозначение проблемных аспектов в данной сфере.

Проведенное исследование позволило сделать вывод, что дальнейшее укрепление сотрудничества Минюста России и ФСИН России с институтами гражданского общества будет способствовать поддержанию режима законности и правопорядка в исправительных учреждениях на должном уровне, а также обеспечению эффективности уголовной политики российского государства и его авторитету в мировом сообществе.

Ключевые слова: сотрудничество, Минюст России, ФСИН России, институты гражданского общества, общественные организации, осужденные

Для цитирования: Упоров А. Г., Драгун О. В. Сотрудничество Минюста России и ФСИН России с институтами гражданского общества // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 44–49.

COOPERATION OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF RUSSIA AND THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA WITH CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS

Aleksandr G. Uporov¹, Oksana V. Dragun²

^{1,2}*Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, Novokuznetsk, Russia*

¹*uporo65@mail.ru*

²*oksana.dragun.01@bk.ru*

Abstract. The subject of research in the article is presented by the analysis of certain organizational and legal aspects of cooperation between the Ministry of Justice of Russia and the Federal Penitentiary Service of Russia with civil society institutions, the socio-legal value of this area of work is substantiated, a number of features and problems in this area are identified.

The purpose of the study is a comprehensive analysis of the problems and features of cooperation between the Ministry of Justice of Russia and the Federal Penitentiary Service of Russia with civil society institutions.

The scope of the results: addressing the issue of the relationship of institutions and bodies executing criminal penalties with civil society institutions is relevant for a number of reasons. First of all, it should be noted, on the one hand, the fact of the growing awareness by members of civil society of their significant role in influencing State bodies performing the functions of coercion. On the other hand, we should not forget that the domestic penal enforcement system is in the conditions of ongoing reform and implementation of the norms of international law in the national legal system.

The methodology of the study consisted of such methods as analysis, synthesis and formal legal.

The result of the study was the formation of the main provisions on cooperation between the Ministry of Justice of Russia and the Federal Penitentiary Service of Russia with civil society institutions, the designation of problematic aspects in this area.

The conducted research allowed us to conclude that further strengthening of cooperation between the Ministry of Justice of Russia and the Federal Penitentiary Service of Russia with civil society institutions will contribute to maintaining the rule of law and order in correctional institutions at the proper level, as well as ensuring the effectiveness of the criminal policy of the Russian state and its authority in the world community.

Keywords: cooperation, Ministry of Justice of Russia, Federal Penitentiary Service of Russia, civil society institutions, public organizations, convicts

For citation: Uporov AG, Dragun OV. Cooperation of the ministry of Justice of Russia and the Federal Penitentiary Service of Russia with civil society institutions. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(3):44-49. (In Russ.)

Введение

В настоящее время особое звучание приобретает проблема взаимодействия институтов гражданского общества и государства. Актуальность такого взаимодействия особенно отчётливо заявляет о себе в сфере реализации государственного принуждения по отношению к отдельным личностям как членам российского общества. Многочисленные жалобы на незаконное применение силы в государственных структурах к осужденным закономерно вызывают ответную реакцию со стороны общества в виде попытки устранить подобные нарушения [3, с. 169].

В соответствии с ч. 1 ст. 3 Конституции Российской Федерации¹, носителем суверенитета и единственным источником власти в России является ее многонациональный народ. Граждане, передавая власть государственному аппарату, должны иметь механизмы, позволяющие контролировать ее использование.

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.04.2022).

Замечено, что формы народного контроля эволюционируют вместе с обществом, а его природа неизменна с момента создания первых государственных образований [5, с. 189].

Внимание отечественной и зарубежной юриспруденции к проблемам взаимоотношений гражданского общества и государства обусловлено рядом факторов. Во-первых, понятия «государство» и «гражданское общество» являются составляющими элементами предмета юридической науки. Во-вторых, современные политические события демонстрируют нам изменения в правовой сфере, реформирование нормативной базы с учетом гуманизации и демократизации общества. Следствием этого является третий фактор, предлагающий различные варианты усовершенствования законодательства Российской Федерации, показывая тем самым гибкость, своевременность и необходимость не только осмысления, но и внедрения новых нормативно-правовых актов в жизнь.

Одной из важных проблем современности, поддающихся регуляции при активном взаимодействии институтов гражданского общества (общественные организации, религиозные организации, СМИ, ОНК) и государства, является необходимость совершенствования функционирования пенитенциарной системы, а также формирование постпенитенциарной системы, что находит выражение в эффективной интеграции освобожденных из мест лишения свободы граждан в общество. Сложившаяся ситуация определяет многообразие подходов и траекторий взаимодействия [1, с. 302].

Описание проводимого исследования

Понимание гражданского общества как сферы внегосударственных отношений не отменяет факт его тесного взаимодействия с государственной сферой, особенно в условиях современной России, где сохраняется государственный патернализм по отношению к гражданскому обществу. На современном этапе развития гражданского общества в России его институты стремятся к реализации взаимодействия с государственными органами, в том числе Минюста России и ФСИН России, в следующих формах:

- общественная экспертиза нормативно-правовых актов;
- общественный контроль за деятельностью органов власти;
- наблюдение граждан за соблюдением государством принципов открытости;
- консультации в лице общественных и наблюдательных советов [4, с. 52].

Спектр направлений сотрудничества Минюста России и ФСИН России с институтами гражданского общества довольно широк. Рассмотрим некоторые из них.

Так, например, в УФСИН России по Вологодской области налажено тесное сотрудничество с региональным отделением Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест», на базе которого успешно функционирует социально-реабилитационный центр для оказания помощи осужденным, освободившимся из мест лишения свободы. Лицам, обратившимся в социально-реабилитационный центр, оказывается разносторонняя комплексная помощь, направленная в том числе на профилактику противоправного поведения посредством переформатирования смысложизненных ориентаций, формирования общепринятых духовно-нравственных ориентиров, создания конкурентоспособных участников рынка труда.

Процесс реабилитации разделен на 2 этапа, предполагающих плавную адаптацию между колонией и свободной жизнью, а также предусматривающей постепенное наращивание социальной нагрузки на клиентов центра. В рамках проекта предусмотрено тесное взаимодействие различных субъектов постпенитенциарной адаптации осужденных (исправительные учреждения, уголовно-исполнительные инспекции, служба занятости, работодатели, органы социальной защиты населения и здравоохранения, МВД, органы ЗАГС, МФЦ и т. д.), а также с теми религиозными и некоммерческими организациями, которые занимаются решением проблем бывших осужденных. Кроме того, в проекте принимают участие волонтеры из числа курсантов юридического и психологического факультетов Вологодского института права и экономики ФСИН России. Ключевым партнером в реализации проекта является Вологодская епархия Русской Православной Церкви, имеющая православный приход в пос. Васильевское¹.

В УФСИН России по Архангельской области (грантодатель — Государственное автономное учреждение Архангельской области «Молодежный центр») в рамках проекта «Второй шанс» в Архангельской воспитательной колонии проведены конкурсы рисунков на темы: «Миру — мир», «Здоровый образ жизни»,

¹ Вологодское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест». URL: https://vk.com/redcross_35 (дата обращения: 02.04.2022).

«Семья» в рамках кружка «Уроки живописи», проведена летняя Спартакиада, по результатам которого награждены победители и призеры соревнований, организованы волонтерские выезды подростков для оказания помощи пожилым людям, социальным учреждениям, организовано функционирование в учреждении студии кабельного телевидения, обучение воспитанников навыкам видеомонтажа, видеосъемки в учреждении проводимых в рамках проекта мероприятий¹.

УФСИН России по Республике Бурятия (грантодатель — Министерство спорта и молодежной политики Республики Бурятия) реализует проект «Путь к освобождению», который в рамках «Школы подготовки к освобождению» предусматривает широкое и планомерное привлечение пенсионеров УИС, ветеранов боевых действий, сотрудников УФСИН России по Республике Бурятия и ведущих спортсменов Республики Бурятия к работе по физическому воспитанию и развитию осужденных, с целью формирования духа патриотизма через использование потенциала занятия спортом.

Особое внимание в рамках организации территориальными органами ФСИН России работы по данному направлению уделяется системе преемственности (продолжения) проведения после освобождения мероприятий по социализации осужденных начатых в период отбывания ими наказания.

Так, в УФСИН России по Приморскому краю при поддержке Приморского краевого отделения общероссийской общественной организации «Совет общественных наблюдательных комиссий» реализован проект «Социальная и правовая адаптация заключенных к реинтеграции в общество на стадии освобождения от отбывания наказания». Программой проекта предусматривалось заблаговременное решение проблем, имеющих у осужденных и подготовка их к социальной и правовой адаптации к жизни в обществе. Для достижения поставленной цели участники и партнеры проекта реализовывали комплекс взаимосвязанных выездных и дистанционных мероприятий, направленных на подготовку осужденных к жизни в обществе, после их освобождения. Мероприятия проекта организуются и проводятся с каждым осужденным в отдельности, а также

с целевыми группами осужденных непосредственно на территории исправительных колоний. Активное участие в мероприятиях проекта принимают партнеры проекта государственные и негосударственные службы социальной поддержки населения, трудоустройства, пенсионного фонда, миграционной службы, полиции и другие.

В 2020 году ФСИН России и территориальными органами ФСИН России проводился комплекс мероприятий, направленных на реализацию права подозреваемых, обвиняемых и осужденных на свободу совести и свободу вероисповедания, привлечение представителей основных традиционных для России религиозных объединений к разрешению межконфессиональных и межнациональных конфликтов, профилактику рецидивной преступности среди осужденных, отбывающих наказание в учреждениях УИС, а также выработке дополнительных мер по профилактике совершения повторных правонарушений осужденными, отбывающими наказание в учреждениях УИС.

Так, в ГУФСИН России по Нижегородской области на заседании межрелигиозной группы (далее — МРГ) согласован План совместных мероприятий тюремного духовенства и администраций исправительных учреждений Нижегородской области на 2020 год и принято решение о проведении видеообращений и лекций духовно-нравственного характера дистанционно. Также, в рамках деятельности МРГ Нижегородской области подготовлен к передаче в исправительные учреждения региона книжный фонд в размере полторы тысячи книг, состоящий из литературы православного, мусульманского и иудейского содержания².

С 2016 года в учреждениях ГУФСИН России по Кемеровской области — Кузбассу проводится областная акция «Межконфессиональный автопоезд «Дорогами добра» с привлечением представителей православия, ислама и других традиционных для Кузбасса религиозных объединений, а также деятелей культуры и искусства. Одной из основных целей данной акции является профилактика повторных правонарушений через информирование осужденных о возможности после освобождения проживать и нести посильное послушание при приходах Русской Православной Церкви и мечетях [2, с. 120].

---

¹ В Архангельской области стартовал проект по социальной адаптации бывших осужденных // Федеральная служба исполнения наказаний : [сайт]. URL: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=366423 (дата обращения: 02.04.2022).

² Официальный сайт ГУФСИН России по Нижегородской области. URL: <https://52.fsin.gov.ru/news/detail.php?month=9&year=2020&ELEMENTJD=472296> (дата обращения: 02.04.2022).

Результаты исследования и обсуждения

В настоящее время можно констатировать, что существовавшее долгое время противопоставление общества и государства постепенно редуцируется, во многом — по причине повышения гражданской активности общества. В частности, начинается процесс формирования сферы публичных отношений между Минюстом России, ФСИН России и институтами гражданского общества, которые пытаются взаимодействовать на основе согласования позиций государственных и общественных институтов. Правозащитники и представители государственных структур находятся в поиске возможностей конструктивного сотрудничества. Одним из результатов является наличие большого накопленного опыта работы общественных организаций, осуществляющих контроль за местами лишения свободы и оказывающих содействие работе учреждений УИС. Но, к сожалению, не всегда систематизированного и доступного для широкой общественности.

Итак, для решения проблем необходимо эффективное сотрудничество государства, в лице Минюста России и ФСИН России, и общества, одними из результатов которого должны явиться, с одной стороны, модернизация уже существующей системы социальной адаптации в рамках исправительных учреждений (обеспечение свободы совести и вероисповедания, работа психологической службы, организация досуга), с другой стороны, создание реально функционирующей постпенитенциарной системы, формирующей достаточные условия для успешной ресоциализации осужденных. Основными направлениями внимания этого института должны стать: психологическое сопровождение для полноценной реинтеграции, оказание помощи в поиске потенциальных работодателей, в получении необходимого образования, предоставление возможности по оказанию мер материальной поддержки и др.

Наглядным примером является открытие в Зеленограде исправительного центра, при создании которого (строительство помещения) 60 % расходов взяла на себя строительная компания, предоставляя при этом рабочие места на строительстве жилых новостроек для лиц, осужденных к принудительным работам [6, с. 387].

Следует отметить, что национальное законодательство оставляет разрешение некоторых вопросов взаимодействия институтов гражданского общества и государственных органов на субъективное усмотрение последних, и тем самым, лишает возможности органы осуществления контроля, в том числе, за уголовно-исполнительной системой реализовать свое предназначение. Такое правовое несовершенство также свидетельствует и об игнорировании требований международно-правовых актов, в первую очередь, Всеобщей декларации прав человека 1948 г.,¹ которая устанавливает права и свободы человека и гражданина, которые подлежат особой охране.

Заключение и вывод

Таким образом, сегодня гражданское общество находится лишь на стадии формирования, что проявляется, в том числе, в неразвитости осуществления саморегулирования различных государственных институтов.

Дальнейшее укрепление сотрудничества Минюста России и ФСИН России с институтами гражданского общества будет способствовать поддержанию режима законности и правопорядка в исправительных учреждениях на должном уровне, а также обеспечению эффективности уголовной политики российского государства и его авторитету в мировом сообществе.

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998. 10 дек.

Список источников

1. Ковыршина С. В., Пашина Л. А. Некоторые аспекты проблемы регуляции механизмов взаимодействия институтов гражданского общества с уголовно-исполнительной системой // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы XXI Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2021. С. 302–305.
2. Машкин С. Г., Метлин Д. Г., Павлова С. А. Опыт взаимодействия территориальных органов ФСИН России с институтами гражданского общества в части профилактики повторной преступности среди лиц, освобождающихся из мест лишения свободы // Право и государство: теория и практика. 2021. № 6 (198). С. 120–123.
3. Сафонов В. Н. Институты гражданского общества в механизме обеспечения прав граждан, содержащихся в местах принудительной изоляции // Закон. Право. Государство. 2021. № 4 (32). С. 169–180.

4. Сафонова Е. А. Актуальные вопросы взаимоотношений институтов гражданского общества с уголовно-исполнительной системой // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы XXI Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2021. С. 52–55.

5. Упорова Е. Г. Административного надзора за лицами, освобожденными от отбывания наказания: проблемы его реализации и эффективности // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы XXI Всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 20–21 октября 2021 года. Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. С. 186–190.

6. Фортова Л. К., Грунина В. А. Механизм взаимодействия уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сборник тезисов выступлений и докладов участников. В 8 томах. Том 6. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. С. 387–391.

Вклад авторов. Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of authors. All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

Конфликт интересов. Конфликт интересов в материалах данной научной статьи отсутствует.

Conflict of interest. There is no conflict of interest in the materials of this scientific article.

Дата поступления статьи / Received: 11.04.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 04.07.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.06.2022.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Научная статья
УДК 343.7

С. 50–57

МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА: ТРАНСФОРМАЦИЯ В ЗАКОНЕ И ПРАКТИКЕ

Елена Игоревна Думанская¹, Анна Геннадьевна Меньшикова²

^{1,2}Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия

¹uglaw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2066-1012>

²menshikova_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5837-9859>

Аннотация. Авторами в статье рассматривается трансформация мошенничества с использованием электронных средств платежа в уголовном законе, в теории и правоприменительной практике. На основании анализа доктрины уголовного права, изменений УК РФ, разъяснений высшей судебной инстанции, материалов конкретной судебной практики, связанной с рассмотрением вопросов квалификации мошенничества, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ, устанавливаются основные проблемные аспекты. По результатам исследования предлагается включить в действующее постановление Пленума Верховного суда «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» дополнительные разъяснения, раскрывающие правила квалификации преступных деяний по ст. 159.3 УК РФ. Подобные положения будут способствовать единообразию в правоприменительной деятельности, помогут избежать ошибок в квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа.

Ключевые слова: мошенничество, постановление Пленума Верховного Суда РФ, электронное средство платежа, уголовный закон

Для цитирования: Думанская Е. И., Меньшикова А. Г. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: трансформация в законе и практике // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 50–57.

Research article

ELECTRONIC PAYMENT FRAUD: TRANSFORMATION IN LAW AND PRACTICE

Yelena I. Dumanskaya¹, Anna G. Menshikova²

^{1,2}Ural State Law University V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia

¹uglaw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2066-1012>

²menshikova_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5837-9859>

Abstract. The authors of the article consider the transformation of fraud using electronic means of payment in criminal law, in theory and law enforcement practice. Based on an analysis of the doctrine of criminal law, amendments to the Criminal Code of the Russian Federation, clarifications from the highest court, materials of specific judicial practice related to the consideration of issues of qualifying fraud under Art. 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, the main problematic aspects are established. Based on the results of the study, it is proposed to include additional clarifications in the current resolution of the Plenum of the Supreme Court “On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement”, revealing the rules for qualifying

criminal acts under Art. 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. Such provisions will contribute to uniformity in law enforcement activities, help to avoid errors in the qualification of fraud using electronic means of payment.

Keywords: fraud, decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, electronic means of payment, criminal law

For citation: Dumanskaya EI, Menshikova AG. Electronic payment fraud: transformation in law and practice. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(3):50-57. (InRuss.)

Введение

В настоящее время всё чаще преступления совершаются через удалённый доступ. Особенно распространённым становится хищение денежных средств с банковских счетов, а также электронных денежных средств в связи с повсеместным распространением безналичных расчётов.

С 2019 года Министерством внутренних дел Российской Федерации ведётся официальная статистика зарегистрированных преступлений, которые совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также в сфере компьютерной информации. По данным статистики в январе — декабре 2019 года было зарегистрировано 294,4 тыс. преступлений этой категории¹. В 2020 году было зарегистрировано 510,4 тыс. таких преступлений, что на 42,3 % больше, чем за аналогичный период 2019 года². В 2021 году наблюдался незначительный прирост — зарегистрировано 517,7 тыс. преступлений, при этом более чем три четверти из них (78,4 %) совершено путем кражи или мошенничества³. Показательно, что несмотря на рост подобных преступлений, доля совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа в последние годы сокращается.

Так, согласно официальной статистике, представленной на сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации,

в январе — марте 2020 года по ст. 159.3 УК РФ было зарегистрировано 6206 преступлений⁴. Вместе с тем за аналогичный период 2021 года было выявлено 3400 преступлений этой категории⁵, а за январь — март 2022 года зарегистрировано 2440 случаев⁶.

Уменьшение количества случаев мошенничества, квалифицируемых правоприменителями по ст. 159.3 УК РФ, главным образом связано с тем, что отсутствует единый подход в ее применения в редакции Федерального закона от 23.04.2018 № 111-ФЗ, судебная практика крайне противоречива. Прослеживается также недостаточная теоретическая разработанность изучения мошенничества с использованием электронных средств, а также его разграничения со смежными составами преступления, в частности, с иными видами мошенничества и с кражей с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.

Постановка проблемы

Впервые состав преступления, предусмотренный ст. 159.3 УК РФ, появится в уголовном законе в 2012 году, когда УК РФ был дополнен шестью новыми самостоятельными составами мошенничества⁷. С инициативой

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2019 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 03.07.2022)

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 03.07.2022)

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 03.07.2022)

⁴ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – март 2020 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/20016032/> (дата обращения: 03.07.2022)

⁵ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – март 2021 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/23816756/> (дата обращения: 03.07.2022).

⁶ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – март 2022 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/29705686/> (дата обращения: 03.07.2022)

⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.12.2012. № 49. Ст. 6752.

внесения изменений выступил Верховный Суд Российской Федерации, обосновывая это тем, что мошенничество является одним из наиболее распространенных видов посягательств. В пояснительной записке к законопроекту уточняется, что предлагаемые к дополнению уголовного закона ст. 159.1–159.6 предусматривают ответственность за мошенничество, однако это мошенничество специализировано сферой экономической деятельности, в которой оно совершается, а также способом совершения преступления и особым предметом посягательства¹.

Кроме этого, авторы законопроекта указали, что хотя статьей 159 УК РФ охватываются все случаи хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, однако его дифференциация и конкретизация будут способствовать уменьшению числа ошибок в правоприменительной практике и более четкому отграничению уголовно наказуемых деяний от гражданско-правовых отношений².

В науке уголовного права отмечалось, что новые нормы о мошенничестве являются казуистичными, избыточными и охраняют лишь определенную часть общественных отношений [1, с. 23–24].

По мнению Т. О. Кошевой, расширение понятия мошенничества выделением его специализированных видов привело к размытию традиционного уголовно-правового определения и общественной опасности самого деяния [2, с. 74].

Обоснованная критика новых специализированных видов мошенничества в науке уголовного права и неудачно складывающаяся практика их применения привели к новым изменениям УК РФ. В 2018 году редакция ст. 159.3 УК РФ трансформировалась, а в ст. 158 УК РФ включен новый квалифицирующий признак «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 настоящего Кодекса)»³. Подобные изменения вопреки ожида-

ниям, а также отсутствие четких разъяснений высшей судебной инстанции привели к еще большим трудностям в правоприменительной практике главным образом в части разграничения мошенничества с использованием электронных средств платежа от общего вида мошенничества, а также кражи в отношении электронных денежных средств.

Обсуждение проблемы

Исходя из первоначального содержания диспозиции ч. 1 ст. 159.3 УК РФ (до изменений 2018 г.), указанный состав мошенничества выделялся именно в связи со спецификой способа — обман уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации. На это же указывалось и в теории уголовного права [3, с. 142; 4, с. 134].

Есть основания утверждать, что этот вид мошенничества «появился» из пункта 13 утраченного в настоящее время постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», имевшего следующее содержание – «хищение чужих денежных средств, находящихся на счетах в банках, путем использования похищенной или поддельной кредитной либо расчетной карты следует квалифицировать как мошенничество только в тех случаях, когда лицо путем обмана или злоупотребления доверием ввело в заблуждение уполномоченного работника кредитной, торговой или сервисной организации (например, в случаях, когда, используя банковскую карту для оплаты товаров или услуг в торговом или сервисном центре, лицо ставит подпись в чеке на покупку вместо законного владельца карты либо предъявляет поддельный паспорт на его имя)»⁴.

То есть изначально для квалификации подобного деяния как мошенничества предполагалось, что уполномоченный сотрудник кредитной, торговой или иной организации вводит в заблуждение относительно принадлежности платёжной карты предъявившему её лицу путем обмана или злоупотребления доверием в активной форме, поскольку злоумышленник предпринимает определенные действия — предъявляет паспорт, ставит подпись.

Вместе с тем, не заставившие себя ждать проблемы в применении новых составов

¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/53700-6> (дата обращения: 11.06.2022).

² Там же.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 23.04.2018 № 111-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 30.04.2018. № 18. Ст. 258.

⁴ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 // Российская газета. 2008. 12 янв.

мошенничества нашли отражение в новом постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Статье 159.3 УК РФ главным образом был посвящен пункт 17 постановления, причем два из трех описанных случаев противоправного хищения денежных средств с помощью банковской карты образовывали состав кражи: тайное хищение денежных средств через банкомат и хищение безналичных денежных средств самим злоумышленником с помощью переданной ему держателем карты конфиденциальной информации (например, пароля, кода CVV)¹.

Уточнения применения ст. 159.3 УК РФ требовали возникающие на практике ошибки. Так, в соответствии с постановлением Белоярского районного суда Свердловской области действия С. были квалифицированы по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ. В постановлении суда указано, что С. расплатилась чужой банковской картой в магазине за приобретенный товар, а также через банкомат с помощью этой же карты сняла наличные денежные средства².

В данном случае при снятии денежных средств через банкомат виновной не выполнялся способ, предусмотренный ч. 1 ст. 159.3 УК РФ в изначальной редакции — обман уполномоченного работника торговой, кредитной или иной организации, то есть судом была допущена ошибка в квалификации. Причем разъяснения относительного этого случая содержались ещё в пункте 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51.

Это свидетельствует о том, что вопреки ожиданиям, возложенным на новые статьи о мошенничестве, количество ошибок на практике по разграничению общего состава мошенничества, специализированных его видов и кражи только увеличилось.

Соответственно, новые разъяснения Верховного Суда РФ, коснувшиеся именно специализированных видов мошенничества, были приняты правоприменителями в качестве инструкции к применению. Поэтому «классическим» случаем мошенничества по статье 159.3 УК РФ согласно разъяснениям Пленума

Верховного Суда РФ и прежней редакции самой статьи признавалось хищение имущества с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу платежной карты путем сообщения уполномоченному работнику кредитной, торговой или иной организации заведомо ложных сведений о принадлежности карты на законных основаниях либо путем умолчания о незаконном владении ею³.

Указание на умолчание как способ обмана в рамках мошенничества появилось, по всей видимости, в связи с изначальной возникшей проблемой применения ст. 159.3 УК РФ — отсутствием у работников кредитных, торговых и иных организации при приеме платежей удостоверять принадлежность денежных средств, а также самой платёжной карты предъявившему её лицу.

Стоит отметить, что в целом выделение в рамках мошенничества в качестве способа обмана уполномоченного работника подвергалось критике. Л. В. Боровых и Е. А. Корепанова касательно ст. 159.3 УК РФ указывали — «законодатель отошел от исторически сложившегося понятия мошенничества и закрепил возможность направленности обмана в мошенничестве на лиц, не обладающих правом на имущество, что противоречит правовой природе мошенничества» [5, с. 99–100]. В таких случаях, по их мнению, обман является лишь средством облегчения доступа к имуществу, а не способом его изъятия, в связи с чем действия виновного должны квалифицироваться как кража.

В судебной практике в период «господства» ст. 159.3 УК РФ встречаются случаи квалификации по ст. 158 УК РФ. Например, Ленинским районным судом г. Новосибирска в 2015 году действия П., выразившиеся в оплате покупок в присутствии продавца с помощью найденной им чужой платежной карты, были квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ⁴.

Однако разъяснения Пленума Верховного Суда РФ ставились выше, поэтому хищение безналичных денежных средств с помощью поддельной или принадлежащей другому лицу платежной карты при оплате различных благ, как правило, квалифицировалось по ст. 159.3 УК РФ после появления этого

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 года № 48 (п. 17) // Российская газета. 2017. 11 дек.

² Постановление Белоярского районного суда Свердловской области от 19 июля 2016 года по делу № 1-65/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4KBCuTBRXcNB/> (дата обращения: 12.05.2022).

³ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 года № 48 (п. 17).

⁴ Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска от 9 апреля 2015 года по делу № 1-420/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/n1gmRVegiglg/> (дата обращения: 12.05.2022).

состава преступления в Уголовном кодексе РФ в 2012 году.

Причем подход не изменился и после внесения в 2018 году изменений, коснувшихся статей 158 и 159.3 УК РФ.

Можно предположить, что такое изменение ст. 159.3 УК РФ было связано с распространением новых средств осуществления безналичных переводов — электронных кошельков, платежных приложений, поэтому в соответствии с федеральным законодательством использовали для обозначения всех возможных способов обобщающее понятие «электронное средство платежа».

Вместе с тем такой формулировкой было исключено указание на специальный способ данного вида мошенничества — обман уполномоченного работника торговой, кредитной или иной организации, из-за которого этот специализированный вид мошенничества и появился в Уголовном кодексе РФ.

Полагаем, это не было связано со стремлением законодателя нивелировать этот способ обмана в рамках мошенничества, несмотря на нецелесообразность его выделения в условиях распространения бесконтактной функции оплаты, законодатель лишь расширил понятие средства совершения этого преступления.

Соответственно, корреспондирующие изменения в пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» не были внесены. Поэтому несмотря на изменение содержания диспозиции ч. 1 ст. 159.3 УК РФ в теории и на практике сохранялось прежнее её понимание.

Так, П. С. Яни указывал, что несмотря на то, что данные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ касались прежней редакции статьи 159.3 УК РФ, они не теряют своей актуальности, и до сих пор именно такое понимание обмана в ст. 159.3 УК РФ отличает его от иных видов мошенничества [6, с. 42].

В. И. Тюнин отстаивал позицию о том, что с самого момента предъявления чужой карты для совершения оплаты виновный предполагает, что может быть проведена идентификация держателя карты, при этом сознательно вводит уполномоченное лицо в заблуждение относительно законности владения картой путем совершения дальнейших действий, направленных на обман (предъявление паспорта, проставление подписи на чеке), либо путем умолчания [7, с. 122].

Кроме этого, даже пассивное присутствие уполномоченного работника рассматривалось

как исключаящее признак тайности, поскольку предполагалось, что так или иначе сотрудник торговой или кредитной организации в любом случае вводится в заблуждение. П. С. Яни обосновывал правильность этого подхода презумпцией добросовестности участников гражданских правоотношений. Поскольку у работника торговой организации, присутствующего при снятии денежных средств с помощью чужой банковской карты через банкомат, изначально нет оснований подозревать в действиях лица признака недобросовестности и незаконности действий [6, с. 6].

В судебной практике позиция о том, что п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» утратил свою актуальность, как правило, не поддерживалась. Так, Калининградским областным судом были переквалифицированы действия лица с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ на ч. 2 ст. 159.3 УК РФ с указанием того, что судом первой инстанции не учтены положения действующего постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48, и, передавая платежную карту для оплаты продавцам магазинов, производя дистанционно оплату игры через сеть «Интернет», лицо создавало у уполномоченных сотрудников впечатление, будто использует её правомерно, то есть вводило их в заблуждение относительно наличия у него полномочий на использование карты, тем самым совершило активный обман действием¹.

На необходимость обратить внимание на п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» указал также Верховный Суд Удмуртской Республики и, отменяя приговор суда первой инстанции по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ в связи с оплатой чужой картой покупок в магазине, направил дело на новое судебное разбирательство².

Все в совокупности привело к тому, что новая по своей сути норма ч. 1 ст. 159.3 УК РФ применялась с учётом её прежнего понимания,

¹ Апелляционное постановление Калининградского областного суда от 10 декабря 2018 года по делу № 22-1703/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OfjEorXohugB/> (дата обращения: 13.05.2022).

² Апелляционное определение Верховного Суда Удмуртской Республики от 26 марта 2019 года по делу № 22-528 // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://clck.ru/SLKfY> (дата обращения: 15.05.2022).

однако важным шагом в преодолении утраченного актуальность и критикуемого в научной среде способа мошенничества стало дополнение п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ новым квалифицирующим признаком.

Судебная практика после внесенных изменений стала довольно противоречивой и демонстрировала все возможные варианты квалификации. По сути одно и то же деяние, выражавшееся в оплате с помощью чужой банковской карты товаров, работ и услуг в торговых организациях, квалифицировалось либо по ст. 159.3 УК РФ, либо по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Причем в большинстве случаев действия лица переквалифицировались с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ на ст. 159.3 УК РФ, поскольку у правоприменителей сохранялось прежнее понимание ст. 159.3 УК РФ.

Так, действия лица, расплатившегося платёжной картой, ему не принадлежащей, и снявшего через банкомат денежные средства с помощью такой карты, квалифицировались:

1. Чаще всего по совокупности статей: по ст. 159.3 УК РФ (часть в зависимости от наличия квалифицирующих признаков) по эпизоду оплаты товаров в магазине с использованием принадлежащей другому лицу платёжной карты, а по эпизоду снятия денежных средств с данной карты через банкомат (независимо от способа получения самой карты — карта была похищена или предоставлена самим потерпевшим) — по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Так, Приговором Ленинского районного суда С. был осужден по п. «г» ч. 3 ст. 158 и по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ. По обстоятельствам дела установлено, что С. обнаружил оставленный в салоне его машины кошелек, в котором находились банковские карты на имя Н. Затем он снял через банкомат с помощью найденных карт денежные средства и расплатился в продуктовом магазине за покупки¹.

2. Оба эпизода (и хищение денежных средств путём оплаты покупок, и хищение денежных средств через банкомат) — по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Приговором Московского районного суда г. Рязани был осужден Д. по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. По обстоятельствам дела Д. в ходе распития спиртных напитков с Ж. изъясил из кармана его куртки карту. Далее он в магазине расплатился за товар, приложив карту к терминалу с функцией бесконтактной оплаты,

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Пензы от 22 мая 2019 года по делу № 1-101/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zLEOvj2vkmW/> (дата обращения: 15.06.2022).

а затем через банкомат снял с карты денежные средства².

3. Оба эпизода квалифицировались по ст. 159.3 УК РФ.

Приговором Октябрьского районного суда г. Ставрополя Ш. был осужден по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ. По обстоятельствам дела установлено, что Ш. сняла через банкомат принадлежащие Г. денежные средства с помощью платёжной карты, предоставленной Ш. для покупки товаров в магазине. После чего в магазине расплатилась за товары для собственных нужд³.

По сути, это три одинаковые ситуации, но квалификация в каждом случае разная. Менялся лишь характер действий — деньги снимались с чужого банковского счета через банкомат или на них покупались продукты в магазине.

Такая практика сохранялась продолжительное время. Хотя встречались судебные решения, в которых оспаривался сложившийся подход.

Свердловский областной суд в апелляционном постановлении отметил следующее — «работник торговой организации не осознает незаконности изъятия имущества и обмана, так как не знает истинного владельца банковской карты. В соответствии с п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже, разбое», хищение является тайным и в случаях, когда присутствующее при незаконном изъятии чужого имущества лицо не осознает противоправности этих действий. Кроме того, обязанность владельца банковской карты предъявлять документ, удостоверяющий личность, при проведении расчетов не установлена нормативными правовыми актами. Следовательно, при предъявлении банковской карты сотруднику торговой организации без документа, удостоверяющего личность, владелец карты не обманывает сотрудника и не вводит его в заблуждение»⁴.

² Приговор Московского районного суда г. Рязани от 27 февраля 2019 года по делу № 1-56/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DGODljn2c5bP/> (дата обращения: 16.06.2022).

³ Приговор Октябрьского районного суда г. Ставрополя от 4 сентября 2019 года по делу № 1-106/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WY843q410BrB/> (дата обращения: 18.06.2022).

⁴ Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 2 апреля 2018 года по делу № 22-2232/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5X9pnjjcKzlp/> (дата обращения: 13.06.2022).

Такая позиция суда ещё тогда несла в себе «зерно» истины и вместе с тем абсолютно меняла подход к пониманию содержания обмана по ст.159.3 УК РФ.

Принятие этого подхода произошло по происшествии двух лет в связи с тем, что его поддержал Верховный Суд РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в определении указала — «действующими нормативными актами на работников торговых организаций, осуществляющих платёжные операции с банковскими картами, обязанность проверки документов, удостоверяющих личность их держателя, не возлагается»¹.

Также впервые официально признали, что ссылка судов на «разъяснения, содержащиеся в п.17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», является необоснованной. Эти разъяснения были даны применительно к ранее действовавшей редакции ст. 159.3 УК РФ»².

Значимость этого указания проявилась в том, что ст. 159.3 УК РФ фактически перестала применяться в её прежнем понимании. Правоприменители положительно оценили новый подход к пониманию ст. 159.3 УК РФ. Взаимодействие лица с работником торговой организации в процессе хищения денежных средств перестало рассматриваться правоприменителями в качестве обмана как способа мошенничества.

Спустя полгода не применения ст. 159.3 УК РФ в её прежнем понимании судьба этого состава окончательно была решена высшими судебными инстанциями — Верховным Судом РФ и Конституционным Судом РФ.

Из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» исключен абзац первый пункта 17, который касался прежней редакции ст. 159.3 УК РФ, а постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже, разбое» дополнено пунктом 25.1, в силу которого «тайное изъятие денежных средств с банковского счета или электронных денежных

средств, например, если безналичные расчеты или снятие наличных денежных средств через банкомат были осуществлены с использованием чужой или поддельной платёжной карты, надлежит квалифицировать как кражу с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств»³. Однако новые разъяснения по ст. 159.3 УК РФ не появились.

Вслед за этим появилось определение Конституционного Суда РФ от 09.07.2021 № 13-74-О, в котором указано, что отсутствие нормативно закреплённого требования об идентификации владельца платёжной карты исключает возможность обмана или злоупотребления доверием уполномоченного лица и в том случае, когда он может потребовать подписать чек, ввести персональный идентификационный номер, предоставить паспорт⁴.

Таким образом, последовательно внесённые изменения в Уголовный кодекс РФ, разъяснения Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ серьёзно изменили подход к пониманию и применению статьи 159.3 УК РФ.

Вместе с тем, как показывает судебная практика, хищение денежных средств с помощью чужой банковской карты при оплате товаров, работ, услуг непосредственно в торговых организациях или через сеть «Интернет» являлось основной формой деяния по ст. 159.3 УК РФ. Иные случаи квалификации деяния по ст. 159.3 УК РФ носят случайный и несистемный характер.

Пути решения проблемы

Затруднения в применении ст. 159.3 УК РФ связаны с отсутствием разъяснений Пленума Верховного Суда РФ относительно случаев квалификации деяния по ст. 159.3 УК РФ. При этом для всех остальных специализированных составов мошенничества такие разъяснения имеются.

³ О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 года № 22 // Российская газета. 2021. 16 июля.

⁴ О прекращении производства по делу о проверке конституционности пункта «г» части 3 статьи 158 и статьи 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани : Определение Конституционного Суда РФ от 09.07.2021 № 13-74-О // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/law/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-09072021-n/> (дата обращения: 19.06.2022).

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 сентября 2020 года № 12-УДП20-5-К6 // Верховный Суд РФ : [сайт]. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1917106 (дата обращения: 18.06.2022)

² Там же.

Разъяснения по применению ст. 159.3 УК РФ могли быть даны при внесении изменений в постановление от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» в июне 2021 года. Но это не было сделано предположительно по причине отсутствия единообразия практики применения ст. 159.3 УК РФ в её новой редакции.

Таким образом, явно прослеживается необходимость в дополнении постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» положениями о случаях квалификации преступных деяний по ст. 159.3 УК РФ.

Основываясь на результатах анализа правоприменительной практики, предлагаем постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» дополнить пунктом 17.1 следующего содержания: *«По статье 159.3 УК РФ квалифицируется хищение денежных средств с банковского счета и (или) электронных денежных средств в том случае, когда собственник или иной владелец денежных средств осуществляет их перевод в рамках применяемых форм безналичных расчётов под воздействием обмана или злоупотребления доверием другому лицу».*

Список литературы

1. Кленова Т. В. Уголовно-правовая политика в условиях разделения властей // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XII Международной науч.- практ. конф. Москва, 2015. С. 21–27.
2. Кошева Т. О. Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за мошенничество // Журнал российского права. № 5. 2016. С. 74–78.
3. Южин А. А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации мошенничества с использованием платежных карт // Социально-экономические явления и процессы. 2016. № 1. С. 141–146.
4. Чупрова А. Ю. Проблемы квалификации мошенничества с использованием информационных технологий // Уголовное право. 2015. № 5. С. 134–138.
5. Боровых Л. В., Корепанова Е. А. Направленность обмана в составе мошенничества с использованием платежных карт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 1 (31). С. 98–104.
6. Яни П. С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. № 7. С. 39–43.
7. Тюнин В. И. Некоторые вопросы толкования и применения норм о специальных видах мошенничества // Уголовное право. 2015. № 5. С. 116–126.

Вклад авторов. Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of authors. All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

Конфликт интересов. Конфликт интересов в материалах данной научной статьи отсутствует.

Conflict of interest. There is no conflict of interest in the materials of this scientific article.

Дата поступления статьи / Received: 20.07.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 27.07.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.06.2022.

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Ксения Владимировна Шевелева¹, Николай Евгеньевич Честнов²

^{1,2}*Российский технологический университет — МИРЭА, Москва, Россия*

¹*Sheveleva@mirea.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6783-5569>*

²*Chestnov@mirea.ru*

Аннотация. В современном мире проблема искажения истории Великой Отечественной войны становится актуальной, поскольку после распада Советского Союза участились случаи посягательств на причины начала и итоги войны, выражающиеся в умышленном искажении установленных историческими источниками фактов. Авторами исследуются способы фальсификации истории, последствия ложной интерпретации событий 1939–1945 гг., изучаются вопросы правовой регламентации ответственности за умышленное распространение ложных сведений о деятельности СССР в середине XX века. На основе сравнения законодательства некоторых европейских стран о недопущении фальсификации истории и реабилитации нацизма в современном обществе предлагаются пути совершенствования национального законодательства в целях недопущения дальнейшего деструктивного воздействия на историческое сознание населения страны.

Ключевые слова: фальсификация истории, реабилитация нацизма, историческая память, пробелы законодательства, уголовная ответственность

Для цитирования: Шевелева К. В., Честнов Н. Е. О противодействии фальсификации истории Великой Отечественной войны: правовой аспект // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 58–63.

Research article

ON COUNTERING THE FALSIFICATION OF THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE LEGAL ASPECT

Ksenia V. Sheveleva¹, Nikolay Ye. Chestnov²

^{1,2}*Russian Technological University — MIREA, Moscow, Russia*

¹*sheveleva@mirea.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6783-5569>*

²*Chestnov@mirea.ru*

Abstract. In the modern world, the problem of distorting the history of the Great Patriotic War becomes relevant, since after the collapse of the Soviet Union, cases of encroachments on the causes of the beginning and results of the war, expressed in the deliberate distortion of the facts established by historical sources, have become more frequent. The authors study the ways of falsifying history, the consequences of a false interpretation of the events of 1939–1945, and study the issues of legal regulation of responsibility for the deliberate dissemination of false information about the activities of the USSR in the middle of the 20th century. Based on a comparison of the legislation of some European countries on the prevention of falsification of history and the rehabilitation of Nazism in modern society, ways are proposed to improve national legislation in order to prevent further destructive impact on the historical consciousness of the country's population.

Keywords: falsification of history, rehabilitation of Nazism, historical memory, gaps in legislation, criminal liability

For citation: Sheveleva KV, Chestnov NYe. On countering the falsification of the history of the Great Patriotic War: the legal aspect. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(3):58-63. (In Russ.)

Введение

Военные события в середине XX века оставили отпечаток на каждом жителе постсоветского пространства, поскольку Великая Отечественная война стала самым жестоким боевым испытанием для всего Советского народа. «Крупнейшая гуманитарная катастрофа в истории человечества явилась результатом агрессивных устремлений тех, кто был убежден в своем расовом превосходстве, исключительности и праве единолично вершить судьбы других стран и народов»¹.

И поскольку Победа Советской Армии остается предметом гордости и символом объединения народов, чьи предки совершили подвиг и освободили родные земли от фашистских захватчиков, вопросы правовой охраны исторической памяти занимают важное место среди задач государственной политики. «Историческая память — один из главных цивилизационных фундаментов, на котором всегда строилось русское, советское, а сегодня — российское общественное самосознание. Краеугольным камнем этого фундамента была и остается общенародная память о войнах, память о подвигах и страданиях соотечественников» [4, с. 733].

В свою очередь, постоянно повторяющиеся попытки пересмотра исторических фактов в отношении причин начала и итогов Войны, роли и места Советского Союза в Победе, говорят о необходимости глубокой проработки действующего законодательства в сфере охраны исторической памяти ввиду его несовершенства.

Методы исследования

Для достижения цели исследования использовались современные методы познания явлений и процессов, такие как: общенаучные (диалектический, системно-структурный, сравнительно-правовой), частные (формально-юридический, описательно-аналитический).

---

¹ Заявление глав государств — участников Содружества Независимых Государств в связи с 80-летием начала Второй мировой войны // Исполнительный комитет СНГ : [сайт]. URL: <https://cis.minsk.by/news/11711> (дата обращения: 30.06.2022).

Использование перечисленных методов позволило выявить закономерности становления и развития законодательства об охране исторической правды о событиях ВОВ, сформулировать умозаключения относительно его эффективности, а также обозначить направления дальнейшего совершенствования законодательных норм.

Описание и результаты исследования

В настоящее время активно реализуются кампании, оказывающие психологическое воздействие на сознание граждан, целью которых является забвение истинных итогов Второй мировой войны, дискредитация роли Советской армии в Победе. Большинство западных СМИ замалчивают информацию о захватнической миссии пособников Гитлера, и наоборот, активно навязывают общественному сознанию нарративы об освободительном характере их действий. В действительности данное положение используется в качестве «оправдания» совершенных данными лицами военных преступлений. Кроме того, в общественном сознании Советский Союз из государства-освободителя народов Европы трансформируется в государство-агрессор, виновное наряду с нацистской Германией в развязывании войны.

Конечно, развитие информационных технологий, включая сеть Интернет, лишь способствует увеличению преступных проявлений фальсификации истории, поскольку их возможности позволяют распространять ложную информацию повсеместно и анонимно.

Благодаря современным СМИ, сети Интернет, кинематографу и литературе способы необъективного изложения истории активно развиваются и совершенствуются.

Российский историк В. В. Корнеев в качестве способов фальсификации истории выделяет следующие: «фальсификация факта, события, явления, или источника, а также их субъективная интерпретация, которые в совокупности ведут к созданию мифологической картины мира, уводя общество от реальной действительности, что может иметь печальные последствия для функционирования российского общества в условиях глобальных вызовов современности» [1, с. 227].

Если говорить о субъективной интерпретации исторических сведений, условно ее можно разделить на три группы:

1. Историческое «лжепознание», которое опирается на получение эмпирической информации из поддельных, недостоверных исторических источников;

2. Субъективное толкование эмпирической информации, полученной с нарушением процедур установления исторических фактов (к примеру игнорирование «неудобных» фактов);

3. Интерпретация информации, которая вовсе не опирается на исторические источники, а основана на личных суждениях и умозаключениях.

Как видится, указанными способами эффективно пользуются фальсификаторы истории Второй мировой войны. Геополитические противники России в лице специальных служб и организаций отдельных государств, нацистские идеологи и лидеры экстремистских структур ориентируются в своей деятельности преимущественно на молодежь (спортивная и студенческая среда, неформальные объединения националистов и другие) в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей, провоцирования на совершение преступлений и правонарушений, дестабилизации внутриаполитической и социальной обстановки.

Основная опасность использования вышеназванных способов искажения истории заключается в последующей трансформации исторического сознания населения страны и разрушения культурно-исторической основы гражданской идентичности общества.

Последствия такой деятельности наблюдаются уже сейчас. Так, активно распространяемые в информационной среде идеи, дискредитирующие Великую Отечественную войну, развенчивающие образ солдата-героя, спасшего Европу от фашизма, оправдывающие преступления пособников нацистского режима, постепенно приводят к формированию негативного отношения к Победе в Великой Отечественной войне и ветеранам-участникам войны. Примером может служить приговор, вынесенный Московским городским судом по уголовному делу в отношении Ю., 19-летнего жителя Московской области. Он осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 354.1 Уголовного кодекса РФ (осквернение символов воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества, унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны, совершенные публично, с использованием

информационно-телекоммуникационной сети Интернет)¹.

Установлено, что «ночью 25 ноября 2021 года Ю., находясь на объекте мемориального значения — Аллее Славы ветеранов Великой Отечественной войны — жителей района Измайлово г. Москвы, расположенной на Измайловском бульваре, совершил действия, оскорбляющие память защитников Отечества, унижающие честь и достоинство ветерана Великой Отечественной войны, — осквернил стенд, посвященный ветерану Великой Отечественной войны гвардии-лейтенанту Фролову Анатолию Александровичу, награжденному Орденом Великой Отечественной войны I степени, многочисленными медалями, в том числе «За оборону Москвы». Свои преступные действия он снял на камеру мобильного телефона, после чего разместил в социальной сети»².

Чтобы не допустить подрыв национальных интересов, противодействие фальсификации истории должно быть важным составным элементом поддержания исторического сознания общества. «Цель государственной политики в этой связи — эффективно противодействовать попыткам фальсификации истории на разных уровнях формирования общественного сознания посредством формирования и поддержания соответствующего дискурса в информационном поле страны, способствовать преодолению разрывов в общественном сознании и таким образом — укреплению российской, русской идентичности, исторической субъектности российского государства» [3, с. 118].

Далее, если говорить о последствиях, необходимо отметить, что такая деятельность направлена и на рост популярности идеологии нацизма обществе. Распространение в информационном пространстве контента, реабилитирующего нацистов и совершенные ими преступления, а также информационных материалов, дискредитирующих роль Советского Союза во Второй мировой войне могут спровоцировать усиление межнациональной

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 30.06.2022).

² Вынесен приговор по уголовному делу об оскорблении памяти ветерана Великой Отечественной войны [приговор в законную силу не вступил] // Прокуратура города Москвы [сайт]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_77/mass-media/news?item=69196006 (дата обращения: 30.06.2022).

и межэтнической напряженности в государствах, в первую очередь в странах бывшего СССР.

Учитывая изложенное одной из приоритетных задач для всех государств является сохранение исторической памяти о событиях середины XX века, выражающееся в недопущении совершения действий по искажению исторических фактов, а также противодействию подмене понятий и различного рода манипуляциям.

Практическое решение данной задачи должно осуществляться посредством разработки и принятия законодательных актов, пересмотра и обновления существующих, а также применения новых методов и средств правового воздействия, направленных на сохранение исторической памяти и противодействие попыткам героизации нацизма.

Активно данную позицию реализовали и реализуют в настоящее время, путем установления уголовной ответственности за отрицание Шoa¹ такие страны как Франция, Словения, Израиль, Австрия, Германия и др. Имеются и другие примеры реакции государства с использованием мер уголовно-правового воздействия (например, уголовная ответственность во Франции за отрицание геноцида армян 1915–1916 гг.).

Наиболее детально вопросы правового регулирования противодействия реабилитации нацизма и фальсификации исторических сведений проработаны в Республике Беларусь и в Российской Федерации.

Так, в 2021 году Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г. № 275-З дополнен следующими составами преступлений:

- статья 130¹. Реабилитация нацизма;
- статья 130². Отрицание геноцида белорусского народа².

Кроме того, в перечень административных правонарушений Республики Беларусь добавлены:

— статья 19.10. Пропаганда или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики;

— статья 19.11. Распространение, изготовление, хранение, перевозка информационной продукции, содержащей призывы

к экстремистской деятельности или пропагандирующей такую деятельность³.

Следует отметить, что в Республике Беларусь в 2021 г. также был принят закон «О недопущении реабилитации нацизма»⁴, которым установлены:

- основные направления недопущения реабилитации нацизма;
- основные направления профилактики реабилитации нацизма;
- меры противодействия реабилитации нацизма при увековечении памяти погибших;
- меры противодействия реабилитации нацизма.

Для обеспечения эффективной реализации установленных правовых предписаний в Республике Беларусь было принято Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 12 октября 2021 г. № 575 «О мерах противодействия экстремизму и реабилитации нацизма».

Как видится, белорусское правительство активно поддерживает так называемую «политику памяти» в целях недопущения распространения возрождения нацизма в современном обществе, а равно в целях противодействия преступному искажению истории Великой Отечественной войны, где белорусские солдаты также проявили мужество и доблесть в борьбе за освобождение родных земель от «коричневой чумы XX века».

Российская Федерация старается не отставать от «братской республики» и также принимает ряд нормативных правовых актов, направленных на противодействие фальсификации истории и препятствование оправдания и пропаганды нацизма. «Апофеозом» законодательных мер, предпринимаемых Российской Федерацией, стало внесение изменений в Конституцию РФ, сделавших акцент на традиционных ценностях и государствообразующей роли русского народа, а также вносимые на протяжении ряда лет поправки в федеральные законы [2, с. 172].

Так, в 2021 г. был принят Федеральный закон, который направлен на увековечивание Победы, установивший ряд запретов на дискредитацию деятельности руководства СССР,

¹ Шoa — общепризнанное название геноцида евреев в 1930–1940-е годы (то же, что Холокост).

² Уголовный кодекс Республики Беларусь : от 9 июля 1999 года № 275-З // ЮРИСТ : [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 04.07.2022).

³ Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : от 6.01.2021 г. № 91-3 // ЮРИСТ : [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38043824 (дата обращения: 04.07.2022).

⁴ О недопущении реабилитации нацизма : Закон Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-З // БГАТУ : [сайт]. URL: https://www.bsatu.by/sites/default/files/images/u581/zakon_o_nedopushchenii_nacizma.pdf (дата обращения: 30.06.2022).

командования и военнослужащих Советского Союза в период ВОВ, на непризнание решающей роли Советской армии в победе над армией Гитлера, и др.¹

Кроме того, в 2014 году установлена уголовная ответственность² за деяния, связанные с реабилитацией нацизма. Согласно статье 354.1 УК РФ ответственность наступает в случае отрицания фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрения преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенных публично³.

В 2021 статью 354.1 УК РФ существенно модернизировали⁴, включив изменения, в соответствии с которыми в норму введены деяния, направленные на защиту ветеранов Великой Отечественной войны от преступных посягательств. Помимо этого, указанную статью дополнили новыми квалифицирующими признаками: совершение деяния группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; совершение деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, тем самым усилив ответственность.

Вместе с тем, в 2020 году в Уголовный кодекс добавили новую норму 243.4, поскольку за последнее время на территории Российской Федерации значительно возросло количество преступлений, объектом посягательства которых стали военные мемориалы и другие исторические культурные наследия, увековечившие память защитников Отечества, чаще всего, посвященные Великой Отечественной войне. Такие преступления, направлены,

в том числе и на искоренение исторических фактов, в честь которых установлены вышеуказанные объекты историко-культурного наследия. Ввиду этого, перед законодателем появилась необходимость в усовершенствовании уголовно-правовой политики, так как ранее для такого рода преступления в Уголовном Кодексе РФ не существовало самостоятельной уголовно-правовой нормы.

Безусловно, будет неверным утверждать, что введение уголовной ответственности для подобного рода преступлений стало новеллой уголовного законодательства и ранее не регулировалось никакими существовавшими на тот момент уголовно-правовыми нормами. До момента введения статьи 243.4 УК РФ все преступления, посягающие на объекты исторической памяти народов РФ о событиях Великой Отечественной войны, квалифицировались по 243 УК РФ, что уравнивало все объекты историко-культурного наследия страны.

Однако необходимо отметить, что, несмотря на то, что статья 243.4 УК РФ была введена с целью разграничения схожих с ней статей 243 и 244 УК РФ, эта цель все-таки не достигнута в полном объеме на данный момент вследствие наличия недочетов в нововведенной уголовно-правовой норме. Так, например, использование понятия «историко-культурное значение» для объектов, на которые посягает деяние лица, не является полностью верным и создает много вопросов, поскольку таким «значением» обладают только объекты культурного наследия, указанные в Федеральном законе⁵, что не полностью совпадает с объектами посягательства, квалифицирующимся по ст. 243.4 УК РФ. Для решения данного вопроса, по нашему мнению, стоит дополнить перечень объектов культурного наследия непосредственно в самом Федеральном законе, так как неурегулированность подобного рода аспектов в дальнейшем может повлечь трудности для правоприменителей в процессе судебных разбирательств.

Конечно, адекватная реакция государства на случаи осквернения, повреждения или уничтожения объектов материального мира, обладающих особой значимостью для общества ввиду священности подвига советских солдат в 1941–1945 гг., бесспорна. Без дополнительного вмешательства в подобные ситуации невозможно защитить нравственные

¹ О внесении изменения в Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»: Федеральный закон от 1.07.2021 г. № 278-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107010008> (дата обращения: 30.06.2022).

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162575/ (дата обращения: 30.06.2022).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации.

⁴ О внесении изменений в статью 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 5.04.2021 г. № 59-ФЗ // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46591> (дата обращения: 30.06.2022).

⁵ Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 30.06.2022).

устой общества, увековечить память погибших и сохранить историческую память народов РФ о событиях ВОВ.

Следует отметить, что и перечень административных правонарушений также пополнился рядом деяний, направленных на сохранение исторической правды и запрещение публичного распространения недостоверных сведений и информации о событиях 1939–1945 гг.¹

Но, несмотря на активную политику государства, направленную на сохранение исторической памяти народов РФ о событиях Великой Отечественной войны, некоторые вопросы не проработаны законодателем детально. К примеру, нормативно не закреплены наиболее важные дефиниции, такие как: «фальсификация истории», «нацизм», «историческая память» и др. Также дискуссионным является вопрос о необходимости включения в перечень деяний экстремистской направленности вышеуказанных норм.

И говоря об установлении ответственности за фальсификацию исторических сведений, научное сообщество не может не волновать вопрос об установлении таким образом государственной цензуры на продукты научной деятельности. Дабы не допустить необоснованное расширение уголовной

ответственности, конструкции действующих уголовно-правовых и административно-правовых норм требуют существенной доработки.

Заключение

Таким образом, перестановка акцентов в оценке места и роли СССР во Второй мировой войне путем фальсификации исторических сведений, безусловно, является угрозой национальной безопасности Российской Федерации. Участвовавшие случаи преступных посягательств на историческое прошлое РФ в момент обострения международной обстановки говорят об «успешности» информационных атак, идущих, как правило от США и стран Запада. Указанное показывает необходимость совершенствования действующего законодательства по недопущению искажения отечественной истории.

При этом следует подчеркнуть, что правовая регламентация вопросов, связанных с защитой исторической памяти, должна носить многоаспектный и комплексный характер, поскольку охватывает собой различные сферы общественных отношений, подвергаясь нормативному воздействию.

Решение данной задачи предполагается в рамках разработки и принятия рекомендаций по криминализации деяний, связанных с попытками искажения исторической правды о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн, что позволит активно противодействовать указанным явлениям.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 01.07.2022)

Список источников

1. Корнеев В. В. Фальсификация истории как способ разрушения советской идентичности в современной России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 1 (834). С. 223–233.
2. Топилина А. В. Проблемы правового обеспечения национальной безопасности в сфере идеологии посредством борьбы с фальсификациями российской истории // Юристы-Правоведь. 2022. № 1 (100). С. 171–175.
3. Устинкин С. В., Рудаков А. В. О подходах к формированию системы мер по противодействию фальсификации истории и защите исторического сознания народов России // Власть. 2017. Т. 25, № 7. С. 113–119.
4. Цеханская К. В. Великая Отечественная война в современном самосознании: борьба мнений и концепций // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 5-1. С. 733–737.

Вклад авторов. Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов. Конфликт интересов в материалах данной научной статьи отсутствует.

Contribution of the authors. The authors contributed equally to this article.

Conflict of interest. There is no conflict of interest in the materials of this scientific article.

Дата поступления статьи / Received: 05.07.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 06.08.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.08.2022.

ФУНКЦИИ АДВОКАТА КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА И ГРАЖДАНСКОГО ОТВЕТЧИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Татьяна Павловна Макашова

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
t.p.ish@mail.ru*

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию вопроса о понятии и видах уголовно-процессуальных функций. Предметом исследования являются нормы отечественного уголовно-процессуального законодательства, доктринальные позиции российских ученых-процессуалистов, таких как Ф. Н. Фаткуллин, М. С. Строгович, Д. М. Берова, Ю. Ю. Воробьева. Вопрос относительно понятия и видов функций в уголовном процессе является дискуссионным в современных научных исследованиях. Выделение законодателем трех видов функций в настоящее время подвергается сомнению и критике. В современных условиях, в целях реализации назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в УПК РФ, участники реализуют не только функции обвинения и защиты. Следовательно, данный тезис распространяется и на представителей, в частности, адвокатов-представителей, полномочия которых производны от полномочий доверителей. Несостоятельность подхода рассмотрена в работе в контексте функций, реализуемых адвокатом как представителем гражданского истца и гражданского ответчика. Также рассмотрены вопросы относительно специфики их реализации адвокатом-представителем. Гражданский истец и гражданский ответчик являются участниками уголовного судопроизводства. На основе исследования автор пришла к выводу о многофункциональности деятельности адвоката как представителя гражданского истца и гражданского ответчика. Данный вывод обосновывается не только спецификой полномочий адвоката-представителя, также процессуальным статусом доверителя.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, функции, адвокат, адвокат-представитель, гражданский истец, гражданский ответчик

Для цитирования: Макашова Т. П. Функции адвоката как представителя гражданского истца и гражданского ответчика в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 64–69.

Research article

FUNCTIONS OF THE COUNSEL AS A REPRESENTATIVE OF THE CIVIL CLAIMANT AND THE CIVIL DEFENDANT IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Tatiana P. Makashova

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
t.p.ish@mail.ru*

Abstract. This work is devoted to the study of question on concept and types of criminal procedural functions. The subject of research is the norms of Russian criminal procedural legislation, the doctrinal positions of Russian procedural scientists such as F. N. Fatkullin, M. S. Strogovich, D. M. Berova, U. U. Vorobieva. The question about the concept and types of functions in criminal

process is debatable in modern scientific research. The allocation of three types of functions by the legislator is being questioned and criticized now. Under modern conditions, in order to implement the purpose of criminal proceedings, embodied in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, participants implement not only the functions of prosecution and defence. Therefore, this point also applies to representatives, in particular, presenting counsels, whose powers are derived from the powers of assigners. The insolvency of this approach is considered in the work in context of functions performed by a counsel as a representative of a civil claimant and a civil defendant. Questions regarding specifics of their implementation by a representative counsel are also considered. The civil plaintiff and the civil defendant are participants in criminal proceedings. On the basis of this research, author came to the conclusion about the multifunctionality of counsel's activities as a representative of civil plaintiff and civil defendant. This conclusion is justified not only by specifics of powers of presenting counsel, but also by the procedural status of assigner.

Keywords: criminal proceedings, functions, counsel, presenting counsel, civil claimant, civil defendant

For citation: Makashova TP. Functions of the counsel as a representative of the civil claimant and the civil defendant in criminal proceedings. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(3):64-69. (In Russ.)

Введение

Понятие и сущность функций в уголовном процессе является одной из фундаментальных категорий, так как связана с определением направления всего уголовного судопроизводства. Интерес в науке и в практике обусловлен, прежде всего, изменениями, происходящими в обществе, члены которого нуждается в защите своих прав и интересов. Такие принципиальные положения уголовного судопроизводства как равноправие и состязательность сторон позволяют более углубленно рассматривать в том числе его функции. В науке неоднократно предпринимались попытки рассмотрения функций уголовного процесса в различных аспектах и проявлениях.

Материалы и методы

Общий диалектический метод научного познания послужил методологической основой исследования, также использованы методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Описание проводимого исследования

При исследовании понятия «функции» думается, что целесообразно начать с анализа его сущности. Термин «функция» по мнению авторов толкового словаря русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой понимается как «явление, зависящее от другого, изменяющееся по мере изменения этого другого явления; обязанность, круг деятельности»¹.

В энциклопедическом понимании «функция» представляет собой явление (или категорию) изменчивую, в зависимости от обстоятельств, имеющих значение. В контексте настоящей работы интерес представляет более узкое понятие — уголовно-процессуальные функции. В науке уголовного процесса данным вопросом в своих исследованиях занимались многие авторы, результаты работ которых были учтены законодателем. Например, М. С. Строгович вывел понятие функций через виды уголовно-процессуальной деятельности и определил, что «отдельные виды, отдельные направления уголовно-процессуальной деятельности называются уголовно-процессуальными функциями» [8, с. 188]. По нашему мнению, такое определение понятия соответствует общепринятому и отражает предназначение указанной категории. Такой подход к определению понятия функций является традиционным. В свою очередь, Д. Ю. Берова критикует традиционный подход: «следует отметить, что в отличие от единообразного понимания сущности функции в уголовном судопроизводстве в рамках традиционного подхода, авторы, поддерживающие идею множественности функций, часто исходят из совершенно различного понимания этого термина, что во многом и предопределяет множественность функций в их теоретических построениях». Она определяет уголовно-процессуальные функции как «направления (виды) уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой уполномоченными на то субъектами и преследующей достижение определенных целей, реализующих назначение уголовного судопроизводства» [1, с. 227]. Указанный автор при характеристике понятия делает акцент на субъектах

---

¹ Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovar.ozhegova.ru/> (дата обращения: 15.04.2022).

реализации уголовно-процессуальных функций. По мнению П. С. Элькинд: «функции — это специальное назначение и роль участников процесса, определяемые нормами права и выраженные в соответствующих направлениях уголовно-процессуальной деятельности» [11, с. 4]. Думается, что данная позиция предполагает уменьшение понимания уголовно-процессуальных функций до выполнения лишь конкретных обязанностей участниками процесса. В связи с чем ограничивает возможности расширения функций в деятельности одного субъекта.

Результаты исследования и обсуждения

В свою очередь мы разделяем следующую точку зрения: «Процессуальные функции — такие направления уголовно-процессуальной деятельности, которые определяются основными задачами уголовного судопроизводства. Их нельзя смешивать ни с процессуальным положением, ни с процессуальными интересами тех или иных лиц. Один и тот же субъект процесса иногда содействует выполнению различных функций и вместе с тем одна и та же функция подчас находит свое выражение в действиях нескольких лиц, занимающих разные процессуальные положения. Органы предварительного расследования, предъявляя человеку обвинение, собирая отягчающие его вину доказательства, составляя обвинительное заключение и т. д., осуществляют обвинительную функцию, но собирая смягчающие вину обвиняемого доказательства, изменяя обвинение на менее тяжкое, обеспечивая права обвиняемого, охраняя его законные интересы, они в то же время предпринимают действия и вступают в процессуальные отношения, которые составляют судопроизводство» [9]. Думается, что уголовно-процессуальные функции представляют собой некоторые ее направления, которые реализуются специально уполномоченными субъектами, и действия указанных субъектов направлены на достижение цели назначения уголовного судопроизводства посредством полномочий, которыми наделяются. Так, например, адвокат в ходе уголовного судопроизводства выполняет различные функции, посредством предоставленных законодательством полномочий. Это функция защиты, функция обвинения по делам частного обвинения, функция представительства и иные.

В литературе авторами выделяются различные виды функций. Авторы традиционного подхода выделяют основные три вида функций (что нашло отражение в УПК РФ):

«1) обвинение (уголовное преследование), 2) защита и 3) разрешение дела» [8, с. 189]. Данная позиция обоснована и категорична, однако не определен момент, с которого в уголовном судопроизводстве начинают осуществляться та или иная функция. В своей работе В. М. Савицкий предложил выделить четвертую, вспомогательную — функцию расследования уголовных дел, которая реализуется до момента прекращения дела, по предъявлению кому-нибудь обвинения или же в момент вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого [6, с. 43]. По мнению Ю. Ю. Воробьевой указанные виды «должны быть дополнены функциями расследования преступлений, поддержания гражданского иска, защиты от него и вспомогательными функциями, которые осуществляют иные лица (свидетели, эксперты и т. д.)» [2, с. 11]. Из чего можно сделать вывод, что каждый субъект уголовно-процессуальной деятельности должен осуществлять какую-нибудь одну процессуальную функцию. Думается, что данный подход не состоятелен, так как подразумевает необходимость привязанности выполнения одной функции одним субъектом. На практике зачастую возникают ситуации, в которых необходимость одним субъектом реализуется нескольких функций. Так, например, адвокат — представитель по делам частного обвинения может реализовать не только функцию защиты, представительства, но и функцию обвинения, так как назначением уголовного судопроизводства является «защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» (ст. 6 УПК РФ¹). Достаточно жестко и четко законодатель высказывается в реализации функций должностными лицами: «функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо» (ст. 15 УПК РФ).

Действия и отношения органов предварительного расследования и прокуратуры часто не расцениваются как осуществление защиты, это происходит из-за такого понимания процессуальной функции, при котором последняя «привязывается» обязательно к одному субъекту процесса полностью. Между тем это вряд ли оправдано. Защитник расценивается как представитель обвиняемого (подсудимого), являющийся одной из двух составляющих

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2022).

сторон. Но процессуальное положение защитника состоит в том, что он представляет не только интересы доверителя, но и выполняет определенную процессуальную функцию, которая не является единственной. Например, функцию представительства, выступая адвокатом-представителем доверителя как гражданского ответчика.

Представительство весьма дискуссионная функция. Уголовно-процессуальный кодекс не содержит определения понятия «представитель» или «представительство», однако из анализа положений ст. 45, 55 УПК РФ, можно сделать вывод именно о наличии специальных критериев именно у адвоката, как представителя лица, права которого нарушены. Адвокат-представитель осуществляет не просто представительство, а реализует и другие функции, например функцию защиты, функцию обвинения (в зависимости от статуса доверителя). Думается, что выделение лишь трех видов функций уголовного судопроизводства является неполной и требует уточнения. Функции, реализуемые адвокатом-представителем разнообразны, и законодателем предоставлен определенный перечень полномочий для их реализации. Полномочия адвоката дифференцируются в зависимости от статуса доверителя. Например, как представитель гражданского истца, адвокат-представитель имеет право поддерживать гражданский иск, представлять доказательства, давать объяснения по предъявленному иску, заявлять ходатайства и отводы; знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству, отказать от предъявленного гражданского иска, знакомиться по окончании расследования с материалами уголовного дела, относящимися к предъявленному им гражданскому иску, и выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме, знать о принятых решениях, затрагивающих его интересы, и получать копии процессуальных решений, относящихся к предъявленному им гражданскому иску, участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций и т. д. (ст. 44 УПК РФ). Уголовно-процессуальный кодекс РФ не связывает данный статус участника ни со стадией уголовного судопроизводства, ни с другим статусом (например, потерпевшего). Гражданским истцом может быть «физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, при наличии

оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением» (ст. 44 УПК РФ). По мнению Д. А. Москаленко и Н. И. Батуриной «именно специфический характер процессуальной природы гражданского иска в уголовном процессе позволяет по окончании рассмотрения уголовного дела по существу восстановить нарушенную социальную справедливость» [5, с. 224]. Мы поддерживаем данную позицию, так как задача адвоката-представителя состоит в реализации назначения уголовного судопроизводства.

Адвокат-представитель, как представитель гражданского ответчика, вправе знать сущность исковых требований и обстоятельств, на которых они основаны; возражать против предъявленного гражданского иска; давать объяснения и показания по существу предъявленного иска; собирать и представлять доказательства; заявлять ходатайства и отводы и т. д. (ст. 54 УПК РФ). Адвокат — представитель гражданского ответчика так же, как и адвокат — представитель гражданского истца, при осуществлении своей деятельности реализует функции представительства и защиты.

Учитывая специфику функций и назначение уголовного судопроизводства, представитель гражданского истца должен понимать сущность предъявленного обвинения, предмет заявляемого гражданского иска, документы и доказательства, имеющиеся в материалах уголовного дела, посредством которых будет осуществляться доказывание. Так как в Российском законодательстве, «как и в большинстве стран романо-германской правовой семьи, предусмотрена конструкция так называемого «соединенного процесса» [3, с. 163]. То есть требования гражданско-правового характера присоединяются к уголовному делу. Помимо имеющихся в уголовном деле доказательств, для обоснования заявленного гражданского иска могут понадобиться новые доказательства. Кроме того, немаловажным фактором является и время заявления гражданского иска — крайне важно сориентировать доверителя о необходимости заявления гражданского иска. Так, например, в ходе проведения расследования по факту нанесения многочисленных ударов на почве личных неприязненных отношений, умышленно с целью причинения физической боли и телесных повреждений, применяя физическую силу (ч. 1 ст. 112 УК РФ¹), дознаватель сообщила потерпевшей Б. о возможности

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2022).

заявления гражданского иска, однако не разъяснила особенности и процессуальную процедуру. Гражданский иск был подан лишь по инициативе адвоката-представителя при его привлечении в дело, после вынесения дознавателем обвинительного акта. Данное обстоятельство существенно затруднило применение мер по обеспечению гражданского иска на стадии дознания, и проводилось уже в суде.

Актуальным становится вопрос о специфике полномочий, при помощи которых и будет обеспечиваться реализация указанных функций. Е. В. Семенкова в своей работе считает, что «для принятия решения о наличии в деянии какого-либо лица признаков преступления без сомнений требуются определенные юридические познания, которыми лица, претендующие на приобретение статуса гражданского истца, зачастую не обладают, поэтому вывод о причинении имущественного вреда именно преступлением, а не каким-либо иным деянием, должен быть прерогативой должностного лица, осуществляющего расследование по уголовному делу» [7, с. 233]. Мы убеждены, что в практической деятельности должностные лица, осуществляющие расследование заняты своей основной обязанностью — расследованием преступления. Только у адвокатов-представителей есть полномочия, предусмотренные ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» по сбору доказательств, например, адвокатский запрос для получения необходимых документов, опрос свидетелей с их согласия и др.¹,

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ : Федеральный закон от 31.05.2002 № 63 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения : 01.04.2022).

знает специфику доказывания и может определить необходимую совокупность доказательств. Лишь адвокат оказывает квалифицированную юридическую помощь, несмотря на то, что в соответствии с законодательством, представителем гражданского истца может быть один из близких родственников либо иное лицо (п. 1 ст. 45 УПК РФ).

Заключения и вывод

Так как указанные выше обстоятельства и основания обуславливают необходимость предъявления ряда профессиональных и этических требований к представителю гражданского истца, что позволит обеспечить исполнение назначения уголовного судопроизводства — защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и решаемых на предварительном следствии задачи — возмещение причиненного вреда или создание необходимых для этого условий. Мы убеждены, что представителем гражданского истца — физического лица может быть только адвокат. Только адвокат уполномочен законодательством на оказание квалифицированной юридической помощи, обладает необходимым навыками для решения вопросов обоснования и размера возмещения вреда и несет ответственность за неисполнение своих обязанностей. Необходимо исключить иных лиц из категории представителей гражданского истца — физического лица, не умаляя прав потерпевшего. Что позволит не только обеспечить реализацию адвокатом-представителем функций уголовного судопроизводства, но и значительно ускорит сам процесс доказывания гражданского иска, исходя из его полномочий.

Список источников

1. Берова Д. М. понятие и система функций в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2010. № 4. С. 224–232.
2. Воробьева Ю. Ю. К вопросу о видах и назначении уголовно-процессуальных функций // Вестник ОГУ. 2006. № 5. С.11–15.
3. Джелали Т. И., Шараева Я. А. К вопросу о гражданском иске в уголовном процессе // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 4 (87). С. 161–165.
4. Кондрат И. Н. Актуальные вопросы гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского Университета МВД России. 2019. № 2. С. 167–169.
5. Москаленко Д. А., Батурина Н. И. Новый подход к разрешению гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. № 2 (12). С. 220–225.
6. Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора. Москва : Наука, 1975. 383 с.
7. Семенкова Е. В. Некоторые проблемы и несовершенства процессуального статуса гражданского истца как участника, реализующего функцию обвинения в уголовном процессе // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения : сб. материалов 2-й Международной конференции (Уфа, 08 апреля 2021 г.). Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2021. С. 231–236.

8. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Москва : Наука, 1968. 470 с.
9. Фаткуллин Ф. Н., Зинатуллин З. З., Аврах Я. С. Обвинение и защита по уголовным делам : учебное пособие. Казань : Изд-во Казанского университета, 1976. 166 с.
10. Шаршембиев А. О. Участие юридического лица в уголовном процессе в качестве гражданского истца: сравнительно-правовое исследование // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 4 (43). С. 60–63.
11. Элькинд П. С. К вопросу о функции обвинения в советском уголовном процессе // Вопросы теории и практики прокурорского надзора. Межвузовский научный сборник. Саратов, 1974. С. 3–13.

Конфликт интересов. Конфликт интересов в материалах данной научной статьи отсутствует.

Conflict of interest. There is no conflict of interest in the materials of this scientific article.

Дата поступления статьи / Received: 18.04.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 10.06.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.08.2022.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Оксана Витальевна Овчинникова

*Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия
ovchinnikova-ov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8032-2952>*

Аннотация. Автор полагает, что неотъемлемым последствием цифровизации общества и роста вовлеченности населения в цифровую среду является увеличение криминальной активности в сфере информационно-коммуникационных технологий. Указанная тенденция определяет необходимость усиления контроля за поведением подозреваемых (обвиняемых) в виртуальном пространстве. В статье анализируется существующая система мер пресечения на предмет возможности выполнения указанной задачи, делается вывод о недостатке такого рода контроля, в связи с чем предлагается расширение практики применения запрета на использования информационно-коммуникационной сети Интернет совместно и иными мерами пресечения. Рассматривая возможность доступа в глобальную сеть как неотъемлемое конституционное право, автор полагает недопустимым его полное необоснованное исключение. В статье указывается на необходимость возложения на правоприменителя обязанности по установлению конкретных оснований и пределов ограничения доступа в сеть Интернет, указания в судебном решении конкретных действий, для совершения которых обвиняемому запрещается использование глобальной сети, электронных ресурсов и онлайн мероприятий, посещение которых не допускается. Это исключит применение чрезмерного процессуального принуждения, обеспечит возможность участия подозреваемого (обвиняемого) в социальных, финансовых и образовательных цифровых сервисах, что является неотъемлемым элементом цифрового равенства.

Ключевые слова: меры пресечения, цифровизация, уголовный процесс, запрет определенных действий; запрет использования информационно-коммуникационной сети Интернет

Для цитирования: Овчинникова О. В. Совершенствование системы мер пресечения в условиях цифровизации // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 70–75.

Research article

IMPROVING THE SYSTEM OF PREVENTIVE MEASURES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Oksana V. Ovchinnikova

*South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
ovchinnikova-ov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8032-2952>*

Abstract. The author believes that an integral consequence of the digitalization of society and the growing involvement of the population in the digital environment is an increase in criminal activity in the field of information and communication technologies. This trend determines the need to strengthen control over the behavior of suspects (accused) in the virtual space. The article analyzes the existing system of preventive measures for the possibility of performing this task, concludes about the lack of this kind of control, in connection with which it is proposed to expand the practice of applying the ban on the use of the information and communication network Internet together with other preventive measures. Considering the possibility of access to the global network as an

inalienable constitutional right, the author considers its complete unjustified exclusion unacceptable. The article points to the need to impose on the law enforcement officer the obligation to establish specific grounds and limits for restricting access to the Internet, specifying in the court decision specific actions for which the accused is prohibited from using the global network, electronic resources and online events that are not allowed to visit. This will exclude the use of excessive procedural coercion, will ensure the possibility of participation of the suspect (accused) in social, financial and educational digital services, which is an integral element of digital equality.

Keywords: preventive measures, digitalization, criminal procedure, prohibition of certain actions; prohibition of the use of the Internet information and communication network

For citation: Ovchinnikova OV. Improving the system of preventive measures in the context of digitalization. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(3):70-75. (In Russ.)

Введение

В современном мире цифровизация является основным трендом развития общества и экономики. Россия не является исключением. Президент Российской Федерации В. В. Путин в ходе выступления на международной конференции по искусственному интеллекту и анализу данных AI Journey 2021 указал на необходимость наращивания темпов цифровой трансформации, внедрения цифровых решений не только в экономической, но и социальной сфере и системе государственного управления¹.

Целенаправленные усилия государства привели к существенному росту вовлеченности россиян в цифровую среду. К 2020 году доступ к Интернету имели более 80 % домашних хозяйств, более 62 % россиян выходили в Интернет вне дома и работы с использованием мобильных телефонов (смартфонов). Ежедневная аудитория глобальной сети достигла 77 % взрослого населения, что сопоставимо с Италией (76 %) и Францией (77 %) [1, с. 18].

Указанные процессы привели к существенным изменениям в криминальной среде. По итогам 2020 года число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возросло на 73,4 %, в том числе с использованием сети Интернет — на 91,3 %, при помощи средств мобильной связи — на 88,3 %². Однако, даже в тех случаях, когда преступление совершается без использования сети Интернет,

преступники используют мессенджеры и социальные сети для координации действий на этапе подготовки, при сбыте похищенного, сокрытии следов преступления.

Сложившаяся ситуация привела к тому, что у правоприменителя возникает необходимость ограничения не только физической, но и «цифровой» свободы подозреваемого (обвиняемого). Из числа существующих мер пресечения решение данной задачи могут обеспечить только запрет определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ), а также домашний арест (ст. 107 УПК РФ) и залог (ст. 106 УПК РФ) при избрании которых на подозреваемого может быть возложен запрет на использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Однако практика применения данного запрета еще не сформировалась и требует дальнейшего совершенствования.

Целью настоящего исследования является изучение возможности применения мер пресечения в целях ограничения «цифровой» свободы лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления.

Полагаем, что для получения практических результатов необходимо решение следующих задач:

- проанализировать соотношение запрета на использование информационно-коммуникационной сети Интернет с другими мерами пресечения, определить условия, необходимые для расширения его применения;
- рассмотреть содержание запрета на использование информационно-коммуникационной сети Интернет, установить основания и пределы его применения в условиях цифровизации общества.

Эффективное решение данной задачи возможно только путем совершенствования законодательной регламентации и правоприменительной практики в соответствии с постоянно растущим уровнем цифровизации общества.

¹ Путин призвал наращивать темпы цифровой трансформации в России // Ведомости : [сайт]. 2021. 12 нояб. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2021/11/12/895706-putin-prizval-naraschivat> (дата обращения: 28.06.2022).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> (дата обращения: 28.06.2022).

1. Соотношение запрета на использование информационно-коммуникационной сети Интернет с другими мерами пресечения

Изменение государственных и общественных отношений в условиях цифровизации привело к тому, что существующие меры пресечения не могут обеспечить эффективность уголовного судопроизводства. О «дефиците» мер пресечения постоянно говорят в научном сообществе. Так, К. Б. Калиновский отмечает, что системы из семи мер явно недостаточно [2, с. 9]. Е. В. Марковичева указывает на ограниченность выбора и отсутствие вариативности в традиционной системе мер пресечения, что, по ее мнению, побуждает правоприменителя к избранию наиболее строгой меры пресечения — заключения под стражу [3, с. 83].

Тем не менее, введение в уголовно-процессуальное законодательство запрета определенных действий позволило правоприменителю отойти от положения ч. 1 ст. 97 УПК РФ, в соответствии с которым дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных УПК РФ. Возможность комбинирования ограничений и запретов, налагаемых различными мерами пресечения, является позитивной тенденцией развития уголовного судопроизводства. Это позволит индивидуализировать меры уголовно-процессуального принуждения не только по степени общественной опасности подозреваемого (обвиняемого), но и в зависимости от способов совершения преступления и сокрытия его следов; предотвратит продолжение преступной деятельности, в том числе и в «цифровой» среде.

Полагаем, что при существующем уровне цифровизации общественных отношений, переносе экономической и социальной активности в глобальную сеть Интернет целесообразно усилить контроль за поведением подозреваемых (обвиняемых) в виртуальном пространстве. Этому может способствовать развитие вариативности применяемых ограничений при применении различных мер пресечения. Считаем возможным возложение на подозреваемого (обвиняемого) запрета на использование сети Интернет при избрании таких мер пресечения как присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, наблюдение командования воинской части, личное поручительство. При этом на поручителя (лицо, осуществляющее присмотр) можно возложить контроль за соблюдением подозреваемым (обвиняемым) этого ограничения.

Так, в Китайской народной республике активно используется такая мера пресечения как личное поручительство. Эффективность применения данной меры определяется жесткими требованиями к личности поручителя и строгой ответственностью за нарушение взятых обязательств. Поручитель должен не иметь отношение к делу, обладать возможностью выполнения обязанностей поручителя, не быть ограниченным в политических и личных правах, иметь постоянное местожительства и стабильный доход. На поручителя накладываются обязательства следить и своевременно докладывать о случаях нарушения подозреваемым или обвиняемым данной меры пресечения. Если поручитель не выполняет данное требование, он подлежит привлечению к уголовной ответственности [4, с. 471].

В научном сообществе рассматриваются следующие пути совершенствования системы мер пресечения: разрешение избрания нескольких мер пресечения одновременно, либо создание «комплекс мер пресечения по типу «конструктора», собирая из отдельных запретов и обеспечительных мер оптимальный механизм воздействия на обвиняемого в целях достижения назначения уголовного процесса. В. Ю. Стельмах считает, что «избрание нескольких мер пресечения создаст внутренние противоречия, и приведет к фактическому применению принудительных средств воздействия, предусмотренных более строгих мерой. Создание «процессуального конструктора» он полагает более оправданным» [5, с. 147]. В этой связи, среди ученых-процессуалистов существует мнение об отсутствии необходимости выделения запрета определенных действий в качестве отдельной меры пресечения. Например, Н. Н. Загвоздкин предлагает «предусмотреть возможность дополнительных запретов при избрании любой предусмотренной уголовно-процессуальным законодательством меры пресечения» [6, с. 85]. По данному пути пошли законодатели Республики Казахстан. Например, в ст. 137, 138 УПК Казахстана прямо указывает на возможность применения мер пресечения и наложения дополнительных ограничений. При этом перечень возможных ограничений носит открытый характер и законодательно не закреплен¹.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан : от 4 июля 2014 года № 231-V // Информационная система ПАРАГРАФ. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852&pos=3062;71#pos=3062;71 (дата обращения: 18.06.2022).

Полагаем, что внедрение «гибкого» правового регулирования может усовершенствовать систему мер пресечения, предоставить правоприменителю возможность подобрать индивидуальные механизмы воздействия для каждого подозреваемого (обвиняемого). Это существенно повысит уровень правовой культуры и обеспечит баланс между необходимостью применения мер процессуального принуждения и обеспечением базовых прав и свобод человека.

2. Основания и пределы применения запрета на использование информационно-коммуникационной сети Интернет в условиях цифровизации общества

Рассмотрим применение запрета на использование информационно-коммуникационной сети Интернет на основе существующей судебной практики. Как правило, судебное решение предусматривает фактически полное исключение доступа в Интернет. Формулировки, как правило, носят стандартный характер и выглядят следующим образом: «суд считает необходимым подвергнуть обвиняемого ограничениям и запретам, а именно... использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, за исключением использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а так же для общения с контролирующим органом и следователем, обязав о каждом таком звонке, информировать контролирующий орган и следователя¹».

Отметим, что вышеуказанная формулировка содержит существенное упущение, не указав в качестве разрешенного вида общения использование средств связи для консультации с защитником. Подобная фраза в решении Тверского районного суда г. Москвы по делу № 10-19995/2018 об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий послужила основанием для его отмены. В апелляционной жалобе защитник указал на незаконность запрета, пояснив, что звонки посредством средств связи необходимы для подготовки к защите, поскольку обвиняемый постоянно проживает

в г. Владивостоке, а защитник находится в Москве. Суд апелляционной инстанции согласился с доводами защитника, указав на положения ст. 47 УПК РФ, закрепляющие право обвиняемого на защиту от предъявленного обвинения, право иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите, право без ограничения пользоваться помощью защитника. Суд принял решение об исключении этого запрета, поскольку отсутствие у обвиняемых возможности общаться со своими защитниками посредством использования средств телефонной связи может повлечь нарушение их права на защиту, в том числе по причине удаленности места проживания обвиняемого².

Кроме того, возложение на подозреваемого (обвиняемого) запрета на использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет без каких-либо изъятий или допущений является неконституционным. Современный уровень цифровизации общества привел к тому, что большая часть населения использует глобальную сеть для реализации повседневных, в том числе жизненно важных потребностей. Право на доступ в Интернет становится неотъемлемым элементом социализации, а, следовательно, новым универсальным правом человека [7, с. 147].

Однако судебная практика пока не признает конституционного характера этого права. Так, в уже рассматриваемой нами апелляционной жалобе по делу № 10-19995/2018 адвокат высказал требование об отмене запрета использования сети Интернет, поскольку ограничение доступа исключит возможность трудоустройства обвиняемого и ухудшит финансовое положение его семьи, так как Интернет необходим ему для поиска работы и выполнения трудовых обязанностей на новом рабочем месте. В удовлетворении жалобы в этой части было отказано³.

В современных научных исследованиях указывается на необходимость признания возможности доступа в сеть Интернет одним из неотъемлемых прав личности. В соответствии с ч. 1 ст. 97 УПК РФ избрание меры пресечения производится с целью помешать обвиняемому скрыться от дознания, предварительного следствия или суда; продолжить

¹ Постановление об избрании меры пресечения по делу № 3/1-296/18 Московского городского суда // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases> (дата обращения. 21.06.2022).

² Апелляционное постановление Московского городского суда по делу № 10-19995/2018 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/a0dc7f5e-c970-4006-b7b4-9d20e6f7699f> (дата обращения: 27.06.2022)

³ Там же.

заниматься преступной деятельностью; угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Соответственно, при наложении ограничений на использование сети Интернет рациональным подходом является наложение запрета на те формы виртуальной активности, которые могут повлечь наступление вышеуказанных последствий. Например, общаться с участниками судопроизводства, в том числе с использованием сети Интернет, посещение социальных сетей, либо конкретных сайтов. В этом случае обвиняемый (подозреваемый) сможет продолжить использование портала государственных услуг, онлайн банкинга, личного кабинета налогоплательщика и других социальных сервисов, посещение которых необходимо для исполнения текущих социальных и финансовых обязательств. Особенно актуальной данная проблема является для одиноких граждан; женщин, имеющих маленьких детей и лиц с ограниченными возможностями здоровья. Данной категории граждан также может быть важным использование сервисов по доставке продуктов и лекарственных препаратов. Ограничение вышеуказанных видов виртуальной активности является явно чрезмерным, при этом ни оказывающим никакого влияния на обеспечение интересов правосудия.

Полагаем, что определение суда по наложению запрета на использование сети Интернет, будучи законными, обоснованными и мотивированными, должно содержать перечисление конкретных действий, для совершения которых обвиняемому запрещается использование глобальной сети. При полном запрете доступа в сеть в решении должны быть указаны конкретные обстоятельства уголовного дела, определяющие эту необходимость. При избрании данной меры пресечения правоприменительные органы должны нести обязанность установления возможности использования обвиняемым (подозреваемым) информационно-коммуникационной сети в безрисковой для интересов правосудия зоне. Необходимо четко определять пределы использования сети Интернет при возложении на подозреваемого или обвиняемого соответствующего запрета, разумеется, принимая во внимание и то обстоятельство, что даже в этом случае под негоне должна попадать та часть социального поведения, представленная в сети Интернет, которая никак не связана с совершением предполагаемого преступления [8, с. 21].

Считаем возможным формирование правоприменительной практики по аналогии с наложением запрета выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения (п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). В этом случае к судебным решениям предъявляется обязательное требование об указании конкретных доказательств, достоверных сведений, либо аргументированных суждений, подтверждающих период времени, в течение которого должно соблюдаться ограничение. Так, Благовещенский городской суд в постановлении от 8 декабря 2019 года, избирая в отношении Н., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, меру пресечения в виде запрета определенных действий, возложил на подозреваемого, в том числе запрет на выход из жилого помещения, за исключением периода времени с 8.00 часов до 21.00 часов. Однако суд первой инстанции не учёл то обстоятельство, что Н. обучается в образовательном учреждении и ему необходимо предоставить время следования к учёбе. Суд апелляционной инстанции постановлением от 24 декабря 2019 года изменил судебное решение, указал о возложении на Н. запрета не выходить за пределы жилого помещения, за исключением периода времени с 07.00 часов до 21.00 часа¹. Приведенный пример тем более релевантен, что одной из форм виртуальной активности подозреваемого (обвиняемого) может являться дистанционное обучение. В этом случае исключение доступа к сети Интернет одновременно ограничит его право на образование.

Таким образом, полный запрет на использование сети Интернет выглядит анахронизмом, не соответствующим современному уровню цифровизации общества. Представляется целесообразным адаптировать рассматриваемые положения УПК РФ к существующей «цифровой реальности», с учетом возросшей роли онлайн сервисов в жизни общества и государства.

Заключение

Совершенствование системы мер пресечения в условиях цифровизации общества необходимо направить на их индивидуализацию не только по степени общественной опасности

¹ Обобщение практики применения судами Амурской области требований закона при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и её продлении, применении домашнего ареста, запрета определённых действий и залога в 2019 году // ГАС РФ «Правосудие». URL: http://oblsud.amr.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=152 (дата обращения: 21.06.2022).

подозреваемого (обвиняемого), но и по способу совершения преступления, в том числе в «цифровой» среде.

В этом случае, для обеспечения задач уголовного судопроизводства целесообразно усилить контроль за поведением подозреваемых (обвиняемых) в виртуальном пространстве, расширив практику применения запрета на использования информационно-коммуникационной сети Интернет совместно и иными мерами пресечения.

При этом следует исключить полное ограничение доступа к информационно-коммуникационной сети Интернет, обязав правоприменителя указывать конкретные основания

и пределы налагаемого запрета. Представляется целесообразным сформулировать запрет на доступ в глобальную сеть следующим образом: использовать средства связи и информационно-коммуникационную сеть Интернет для посещения определенных сайтов, общения с определенными лицами, посещения определенных онлайн мероприятий и участия в них.

Данная формулировка исключит применение необоснованного процессуального принуждения, обеспечит возможность участия подозреваемого (обвиняемого) в социальных, финансовых и образовательных цифровых сервисах, что является неотъемлемым элементом цифрового равенства.

Список источников

1. Цифровая экономика: 2022 : краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневецкий [и др.]. Москва : НИУ ВШЭ, 2022. 124 с.
2. Калиновский К. Б. Запрет определенных действий как мера пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 6. С. 7–12.
3. Марковичева Е. В. Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 82–83.
4. Петрухина А. Н. Модернизация залога как компонента института уголовно-процессуального пресечения в России и за рубежом // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 4. С. 466–475. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(4).466-475
5. Стельмах В. Ю. Виды ограничений, применяемые в рамках мер пресечения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (13). С. 145–154. DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10019
6. Загвоздкин Н. Н. Запрет определенных действий. Анализ правоприменительной практики // Закон и право. 2018. № 12. С. 84–86. DOI: 10.24411/2073-3313-2018-10273
7. Щербович А. А. Реализация конституционных прав и свобод в Интернете. Москва : ТЕИС, 2015. 148 с.
8. Бакрадзе А. А., Белов Д. О., Калинин А. Н. О конституционности запрета на использование сети Интернет подозреваемым или обвиняемым // Юридические исследования. 2022. № 3. С. 19–32. DOI: 10.25136/2409-7136.2022.3.37644

Конфликт интересов. Конфликт интересов в материалах данной научной статьи отсутствует.

Conflict of interest. There is no conflict of interest in the materials of this scientific article.

Дата поступления статьи / Received: 04.07.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 10.08.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.08.2022.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ В СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ РЕЗУЛЬТАТОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО ДЕЛАМ О ЗАНЯТИИ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ

Евгений Александрович Игнатенко

*Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия
ignatenko_ea@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0871-2585>*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности поддержания государственного обвинения по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии. Автором исследуется проблематика, касающаяся особенностей использования государственным обвинителем в судебном заседании доказательств, полученных на предварительном следствии. Изучив наиболее распространенные следственные действия (допрос подозреваемого (обвиняемого), свидетеля, специалиста; освидетельствование подозреваемого (обвиняемого), осмотр предметов (документов)) по делам о преступлениях, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 210.1 УК РФ, автор указывает на доказательственное значение данных следственных действий на этапе судебного следствия по рассматриваемым составам преступлений. В целях улучшения правоприменительной практики автором указывается на возможность использования специальных знаний и полученных на их основе доказательств (заключений культурологической и криминологической судебных экспертиз) по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии.

Ключевые слова: судебное следствие, следственные действия, судебное разбирательство, государственный обвинитель, преступная иерархия, высшее положение, криминальный лидер

Для цитирования: Игнатенко Е. А. Особенности использования государственным обвинителем в судебном следствии результатов следственных действий по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 76–81.

Research article

FEATURES OF THE USE OF THE PUBLIC PROSECUTOR IN THE JUDICIAL INVESTIGATION OF THE RESULTS OF INVESTIGATIVE ACTIONS IN CASES OF OCCUPATION OF THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY

Yevgeny A. Ignatenko

*University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia
ignatenko_ea@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0871-2585>*

Abstract. The article discusses the features of maintaining public prosecution in cases of occupying a higher position in the criminal hierarchy. The author investigates the problems concerning the peculiarities of the use by the public prosecutor in the court session of the evidence obtained during the preliminary investigation. Having studied the most common investigative actions

(interrogation of the suspect (accused), witness, specialist; examination of the suspect (accused), inspection of objects (documents)) in cases of crimes, liability for which is provided for in Art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author points to the evidentiary value of these investigative actions at the stage of the judicial investigation on the elements of crime under consideration. In order to improve law enforcement practice, the author points out the possibility of using special knowledge and the evidence obtained on its basis (conclusions of cultural and criminological forensic examinations) in cases of occupying a higher position in the criminal hierarchy.

Keywords: judicial investigation, investigative actions, trial, public prosecutor, criminal hierarchy, highest position, criminal leader

For citation: Ignatenko EA. Features of the use of the public prosecutor in the judicial investigation of the results of investigative actions in cases of occupation of the highest position in the criminal hierarchy. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(3):76-81. (In Russ.)

Введение

Структурно в деятельности государственного обвинителя можно выделить три взаимосвязанных элемента: обвинение, надзор, правозащита. Именно данные функциональные элементы являются факторами, обеспечивающими рассмотрение уголовного дела с учетом требований законности, полноты и объективности уголовного судопроизводства, а также обеспечивающими государственную защиту интересов лиц и организаций, пострадавших от совершенного преступления.

Одним из факторов эффективного поддержания государственного обвинения является организация взаимодействия по реализации надзорных полномочий органов прокуратуры на досудебной и судебной стадиях уголовного судопроизводства.

Досудебный порядок надзорной функции органов прокуратуры регламентирован приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного следствия». Так, п. 1.14. данного Приказа предусматривает, что при изучении уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, необходимо проверять соответствие выводов следователя установленным в ходе расследования обстоятельствам дела, достаточность собранных доказательств, правильность квалификации содеянного, соблюдение уголовно-процессуальных норм при производстве следственных и иных процессуальных действий.

С учетом специфики предмета доказывания по делам о преступлениях, связанных с занятием высшего положения в преступной иерархии и возможным противодействием со стороны защиты, государственному обвинителю необходимо разработать комплексную тактику организации своей деятельности в суде.

Тактика судебного доказывания, составляющая основу тактики обвинения, представляет собой совокупность средств и приемов представления и исследования доказательств, аргументирования, толкования норм права, логических операций, используемых для достижения намеченной цели [1, с. 10].

Описание исследования

В рамках нашего исследования, для установления особенностей поддержания государственного обвинения по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 210.1 УК РФ, считаем необходимым рассмотреть специфику использования в суде первой инстанции результатов следственных действий, проведенных на досудебном этапе расследования.

Одним из основных следственных действий, имеющим наибольшее информативное значение при доказывании факта принадлежности лица к занятию высшего положения в преступной иерархии является допрос.

При изучении государственным обвинителем уголовного дела необходимо обратить внимание на возможно имеющиеся в материалах недостатки процессуального характера, влияющие на допустимость полученных на предварительном следствии показаний. К таковым могут быть отнесены: первоначальный допрос лица в качестве свидетеля при наличии оснований для допроса в качестве подозреваемого; нарушение времени проведения следственного действия (допрос в ночное время, допрос с превышением установленного лимита по времени в день и т. д.); нарушение права лица на защиту (допрос в отсутствие защитника, при отсутствии отказа от него со стороны подозреваемого (обвиняемого)), а также другие нарушения.

В ходе судебного следствия особую важность в формировании доказательственной базы по ст. 210.1 УК РФ приобретает допрос

государственным обвинителем самого подсудимого.

В юридической литературе существует различные разработанные рекомендации, касающиеся наибольшей оптимальности и эффективности проведения допроса подозреваемого (обвиняемого), подсудимого, свидетеля, специалиста, эксперта [2; 3].

С учетом специфики нашего исследования, не вдаваясь в преимущество и недостатки каждой из разработанных методик, рассмотрим наиболее значимые, по нашему мнению, обстоятельства, входящие в предмет доказывания по рассматриваемым составам преступлений, которые подлежат установлению при проведении допроса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, на предварительном следствии и в ходе судебного заседания.

Анализ проведенной нами судебной практики показывает, что допрос подозреваемого (обвиняемого), а в последующем подсудимого проходит в конфликтной ситуации. Лицо не признает свою вину в инкриминируемом ему составе преступления, ответственность за совершение, которого предусмотрена ст. 210.1 УК РФ. Им всячески отрицается факт принадлежности к занятию «высокой ступени власти» в преступном мире, либо указывается на отсутствие у него существенных или вовсе каких-либо организационно-распорядительных полномочий, свойственных данному кругу лиц.

Государственному обвинителю необходимо детально проанализировать показания, данные лицом в ходе предварительного следствия, чтобы в дальнейшем, при допросе в судебном заседании, иметь возможность предъявить лицу изобличающие доказательства. К таковым могут быть отнесены протоколы следственных действий (например, протокол освидетельствования лица, протокол задержания, протокол осмотра предметов (документов)), в ходе которых были получены доказательства, косвенно подтверждающие «преступный статус» лица (наличие графических рисунков на теле; изъятые атрибуты принадлежности к преступному миру (тематические изделия: «четки», «портсигары», ножи с соответствующей символикой)).

Указанные предметы и полученные данные подлежат соответствующей экспертной оценке (судебно-культурологической, судебно-криминологической экспертизам), с высокой долей достоверности, указывающей на наличие у лица определенного статуса в преступном мире.

С учетом выбранной позиции по уголовному делу и осуществляемой подсудимым линией защиты, в основу которой положено не признание вины в инкриминируемом деянии, государственному обвинителю необходимо выяснить у подсудимого ряд обстоятельств:

1) считает ли он себя лицом, систематически осуществляющим преступную деятельность;

2) являются ли для него преступления основным источником дохода;

3) имеет ли он значимость и «авторитет» среди других «криминально-ориентированных» лиц;

4) принадлежит ли он к числу лиц, занимающих высшую ступень в преступной иерархии (наличие у него «преступного статуса» «вора в законе» или «положенца» — «на положении вора в законе»);

5) каким образом был приобретен им статус, связанный с занятием высшего положения в преступном мире (когда и при каких обстоятельствах была осуществлена его коронация; кто принимал в ней участие; со стороны каких других лиц, обладающих высоким статусом в преступном мире, последовало об этом предложение и т. д.);

6) наличие у лица криминальных связей в преступном мире;

7) имеется ли у подсудимого функциональные возможности и полномочия для дачи указаний другим лицам в преступном мире;

8) обязательны ли его указания к выполнению и наличие мер воздействия, связанных с их невыполнением или отказом от выполнения;

9) соблюдение подсудимым традиций и принципов, установленным в криминальной среде;

10) особенности отбывания лицом уголовного наказания;

11) характер взаимоотношения с администрацией уголовно-исполнительного учреждения;

12) наличие у лица возможностей по привлечению денежных средств (сбор «общака») и дальнейшее их использование в преступной деятельности, в том числе для помощи другим лицам (подозреваемым, обвиняемым, осужденным, их родственникам);

13) участвовал ли он при отбытии наказания в разрешении конфликтных ситуаций в исправительном учреждении, обращались ли к нему с соответствующей просьбой другие осужденные;

14) каковы полномочия лица и каким образом осуществляется им функциональная

деятельность на закрепленной за ним территории (город, район, учреждение), связана ли данная деятельность с преступлениями, в основе которых лежит систематическое получение преступных доходов.

Немаловажное доказательственное значение в ходе предварительного следствия и судебного рассмотрения дела является допрос свидетелей, обладающих сведениями об общих принципах устройства криминального мира и роли подсудимого в происходящих процессах.

В качестве свидетелей по таким уголовным делам, как показал анализ проведенного нами изучения следственной и судебной практики, выступают сотрудники правоохранительных органов, наделенные полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности (органов полиции, УИС, ФСБ) и обладающие сведениями, имеющими доказательственное значение о причастности лица к высшему положению в преступном мире.

Государственному обвинителю необходимо в ходе судебного разбирательства по уголовному делу установить следующие обстоятельства:

- 1) осуществляется ли подсудимым преступная деятельность на системной основе;
- 2) связан ли доход подсудимого с совершением им преступлений;
- 3) каков статус лица в преступном мире, имеет ли он значимость и «авторитет» среди других «криминально-ориентированных» лиц;
- 4) принадлежит ли подсудимый к числу лиц, занимающих высшую ступень в преступной иерархии;
- 5) порядок и особенности приобретения подсудимым преступного статуса;
- 6) наличие у подсудимого связей в преступном мире, а также возможностей оказывать влияние на происходящие в нем процессы;
- 7) являются ли указания подсудимого обязательными к исполнению для других «криминально-ориентированных» лиц;
- 8) соблюдается ли подсудимым традиции, установленные в преступном сообществе, и в чем конкретно они заключаются;
- 9) особенности отбытия лицом уголовного наказания (привлекался или выступал ли он в качестве «третьего судьи» при разрешении споров между осужденными; осуществлял ли сбор финансовых средств («общака»); выполнял ли требование администрации исправительного учреждения и т. д.);
- 10) наделено ли лицо осуществлением «властных полномочий» по регулированию преступных процессов на закрепленной

за ним территорией и в чем конкретно это выражается;

11) имеет ли лицо легальный источник дохода, либо создаются ли подсудимым условия для придания видимости законного получения им денежных средств от осуществляемой преступной деятельности.

В ходе предварительного расследования по уголовным делам о занятии высшего положения в преступной иерархии целесообразно проводить допрос специалиста. В качестве такового может выступать ученый, занимающийся научной деятельностью по изучению криминальной среды России и ее субкультуры [4, с. 177].

С учетом специфики уголовного дела в предмет доказывания входят обстоятельства, связанные с установлением факта принадлежности лица к «элитам» преступного мира, наделением его «властными» полномочиями в отношении неопределенного круга лиц, относящихся к криминальной субкультуре и использующего эти функции (полномочия) для совершения преступлений, целью которых является систематическое получение преступных доходов.

В ходе судебного рассмотрения дела по обвинению лица в занятии высшего положения в преступной иерархии государственному обвинителю при допросе специалиста целесообразно установить следующие обстоятельства:

- 1) каково значение и сущность идеологии криминальной среды;
- 2) каков статус лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии;
- 3) какова в целом структура преступной иерархии и кто в нее входит;
- 4) каков порядок приобретения лицами статуса принадлежности к высшей ступени в преступной иерархии;
- 5) особенности криминальных традиций и обычаев;
- 6) объем полномочий лиц, наделенных статусом «вора в законе» и «положенца»;
- 7) характер взаимоотношения между лицами, занимающими разные уровни в преступной иерархии;
- 8) отнесение подсудимого к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии;
- 9) значение имеющихся на теле подсудимого рисунков (татуировок) и их статусная роль.

Проведенный нами анализ уголовных дел, рассмотренных в суде первой инстанции, по преступлениям, предусмотренным ст. 210.1 УК РФ, показывает, что в ходе судебного

разбирательства могут возникнуть определенные сложности, связанные с допросом свидетелей из числа «представителей» криминального мира, отказывающихся являться в судебное заседание или изменяющих в ходе его ранее данные ими на предварительном следствии показания в связи с боязнью наступления в последующем неблагоприятных последствий, после их участия в суде. С учетом требований уголовно-процессуального закона (ст. 281 УПК РФ) при оглашении таких показаний данных на этапе досудебного производства по делу, может быть поставлена под сомнение реализация одного из основополагающих принципов уголовного судопроизводства, устанавливающего равноправие и состязательность сторон.

С учетом изложенного полагаем, что для минимизации рисков наступления данных последствий целесообразно при допросе в суде в качестве свидетелей лиц, относящихся к числу представителей криминального мира, реализовывать положения ч. 5 ст. 278 УПК РФ. Для обеспечения безопасности «криминально-ориентированных» свидетелей не оглашать их полные данные о личности и производить допрос в условиях, исключающих возможность визуального наблюдения другими участниками процесса.

Получение и исследование доказательств по делам о преступлениях, связанных с занятием высшего положения в преступной иерархии, тесно связаны с использованием специальных знаний.

Государственным обвинителем могут быть использованы в доказывании по уголовным делам заключения ряда судебных экспертиз: культурологической, криминологической, почерковедческой, лингвистической и других.

С учетом специфики нашего исследования считаем необходимым остановиться на рассмотрении особенностей доказательственного значения культурологической и криминологической экспертиз.

Отметим, что именно данные экспертизы, по нашему мнению, для государственного обвинителя имеют наибольшее значение с учетом формирования доказательственной базы по составам преступлений, предусмотренным ст. 210.1 УК РФ.

При проведении судебной культурологической экспертизы могут быть исследованы рисунки (татуировки) на теле подсудимого с позиций их оценки на предмет статуса их обладателя (его криминальной ориентированности) и значения содержания (отношения к преступной идеологии).

Для проведения указанной экспертизы, как при назначении ее на досудебном этапе расследования, так и в ходе судебного разбирательства, могут быть использованы протоколы освидетельствования подозреваемого (обвиняемого), содержащие сведения о имеющихся на теле человека перманентных рисунков.

Немаловажное значение в доказывании факта занятия лицом высшего положения в преступной иерархии отводится заключению судебной криминологической экспертизы. В результате ее проведения государственным обвинителем в суде могут быть представлены доказательства в виде суждения (выводов) экспертов по следующим вопросам:

1. Что представляет собой преступная иерархия?

2. Что является высшим положением в преступной иерархии?

3. Кого называют «вором», «вором в законе», «положенцем», «смотрящим», «бродягой» в криминальной субкультуре?

4. Кто из перечисленных занимает высшее положение в преступной иерархии: «вор», «вор в законе», «положенец», «смотрящий», «бродяга»?

5. Обладает ли подозреваемый (обвиняемый), имеющий прозвище «...», статусом «вор», «вор в законе», «положенец», «смотрящий», «бродяга», или иным статусом в уголовно-преступной среде? Если да, то каким именно, и какими материалами уголовного дела это подтверждается?

6. Является ли подозреваемый (обвиняемый), имеющий прозвище «...», лидером преступной среды? Если да, то в чем это выражается и какими материалами уголовного дела это подтверждается?

7. Занимает ли подозреваемый (обвиняемый), имеющий прозвище «...», согласно представленным материалам уголовного дела, высшее положение в преступной иерархии?

Так, в ходе судебного следствия по уголовному делу, рассмотренному в Верховном Суде Чувашском Республики, государственным обвинителем было представлено заключение судебной криминологической экспертизы, в которой содержались выводы комиссии экспертов о занятии подсудимым высшего положения в преступной иерархии, выполнении им в ходе осуществления преступной деятельности «организационно-распорядительных, нормативных, карательных и судебных функций», с указанием их содержательной характеристики.

Кроме того, в ходе экспертизы было осуществлено исследование содержания

диалогов с участием подсудимого, представленных на стенограммах аудиозаписей, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий, содержащихся в материалах уголовного дела, с целью установления криминологических признаков приобретения лицом высшего положения в преступной иерархии¹. Данные выводы экспертизы, в совокупности с другими доказательствами, были учтены коллегией присяжных заседателей при вынесении вердикта о виновности

лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ.

Заключение

Таким образом, основными следственными действиями, результаты которых могут быть использованы государственным обвинителем на этапе судебного следствия в качестве доказательств занятия лицом высшего положения в преступной иерархии являются следующие: допрос подозреваемого (обвиняемого), свидетеля, специалиста; протоколы освидетельствования подозреваемого (обвиняемого) и осмотра предметов (документов); заключения культурологической и криминологической судебных экспертиз.

---

¹ Приговор Верховного Суда Чувашской Республики от 28.12.2021 года по делу № 2-07/2021. Архив Верховного суда Чувашской Республики.

Список источников

1. Антипова Н. Т. Государственное обвинение в суде: проблемы законодательного регулирования и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 27 с.
2. Ганичева Е. А. Особенности поддержания государственного обвинения по делам о кражах, грабежах, разбоях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011. 33 с.
3. Мельник В. В., Решетова Н. Ю. Речь прокурора в суде с участием присяжных заседателей. Москва, 2010. 115 с.
4. Ретюнских И. А., Колосович О. С. Особенности производства некоторых следственных действий при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 3 (58). С. 174–180. DOI: 10.25724/VAMVD.WFGH

Конфликт интересов. Конфликт интересов в материалах данной научной статьи отсутствует.

Conflict of interest. There is no conflict of interest in the materials of this scientific article.

Дата поступления статьи / Received: 20.06.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 29.06.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.08.2022.

АРЕСТ ИМУЩЕСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Екатерина Викторовна Мельник

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
melnikkate@mail.ru*

Аннотация. Автор обращает внимание на неоднородную практику применения норм наложения ареста на имущество, как меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Такое положение указывает на различное у правоприменителей понимание целей и задач названной меры принуждения, а также на нетождественное толкование уголовно-процессуальных норм.

Рассмотрены причины создавшегося положения. В основе подхода к изучению названной проблемы лежит комплексный подход. Основным методологическим средством исследования выбран историко-правовой метод изучения исторического пути формирования института меры принуждения в виде наложение ареста на имущество.

Результатами исследования явились выработка критериев дифференции и авторская классификация исторических этапов становления этого правового института.

Деление истории становления наложения ареста на имущество на пять этапов, по мнению автора, создаёт благоприятные условия для системного подхода. То есть разрозненные факторы влияния на правовой режим функционирования института в каждый период изучаются как взаимосвязанные и обусловленные социальными, экономическими и ментальными особенностями российского общества.

Ключевые слова: уголовный процесс России, арест на имущество, история

Для цитирования: Мельник Е. В. Арест имущества в уголовном судопроизводстве: историко-правовой аспект // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 82–87.

Research article

SEIZURE OF PROPERTY IN CRIMINAL PROCEEDINGS: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Yekaterina V. Melnik

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
melnikkate@mail.ru*

Abstract. Attention is drawn to the heterogeneous practice of applying the norms of seizure of property as a measure of procedural coercion in criminal proceedings. This situation indicates that law enforcement officers have a different understanding of the goals and objectives of the said coercive measure, as well as a different interpretation of criminal procedural norms.

The author of the article tries to find the reasons for the situation. The approach to the study of this problem is based on an integrated approach. The main methodological means of research is the historical and legal method of studying the historical path of the formation of the institution of coercive measures in the form of seizure of property.

The results of the study were the development of criteria of differentiation and the author's classification of the historical stages of the formation of this legal institution.

Dividing the history of the formation of the seizure of property into five stages, according to the author, creates favorable conditions for a systematic approach. That is, the disparate factors influencing the legal regime of the functioning of the institute in each period are studied as interrelated and conditioned by the social, economic and mental characteristics of Russian society.

Keywords: Russian criminal procedure, seizure of property, history

For citation: Melnik EV. Seizure of property in criminal proceedings: historical and legal aspect. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(3):82-87. (In Russ.)

Введение

Арест имущества в рамках уголовного судопроизводства, является неотъемлемой мерой процессуального принуждения, которая регламентирована статьей 115 действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)¹.

Данная мера предполагает изъятие и хранение имущества подозреваемого, обвиняемого, либо иных третьих лиц, которым это имущество было передано в результате совершенного преступления, а также накладывает ограничения в отношении собственника или владельца имущества, в части его пользования и распоряжения.

В рамках действующего УПК РФ данная мера была введена с началом принятия российского уголовно-процессуального законодательства в 2001 году. Между тем, институт ареста имущества в процессе уголовного судопроизводства известен в ранних источниках розыскного и уголовно-процессуального права России.

История возникновения «ареста имущества» в контексте меры пресечения позволяет определить эволюцию данного института в отечественной правовой системе и выделить основные этапы его развития.

Материалы

и методы исследования

Как и все другие институты права, институт ареста имущества в уголовном процессе прошел становление, и развитие в течение длительного времени своей истории. По мере формирования норм права, которые охраняли имущественные права членов общества, появлялись нормы, направленные на возмещение причиненного ущерба. Но это был длительный исторический процесс и в первых сборниках права нормы, действующие арест имущества, непосредственно отсутствовали.

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

Основополагающим для предпринимаемого исследования является историко-правовой метод, включающий в себя наблюдения, интерпретации, сопоставления и обобщения. На основе комплексного подхода с использованием метода диахронического анализа нормативно-правового законодательства различных исторических эпох России стало возможным проанализировать ретроспективу возникновения и развития института наложения ареста на имущество.

Результаты исследования и дискуссия

«Русская правда», наиболее древний источник права, который был принят на Руси не устанавливал положения, которые могли бы являться прообразом мер обеспечения уголовного производства в виде ограничения права собственности лица подозреваемого, либо обвиняемого в совершении преступления.

При этом, мерой наказания в «Русской правде» были «Поток и разграбление», когда в отношении имущества правонарушителя производилась конфискация, а его вместе с семьей выгоняли за пределы общины или обращали в рабов. В основном, такой вид наказания применялся к тем, кто совершил поджог, разбой и конокрадство.

Однако подобную меру нельзя отождествлять с мерой процессуального принуждения, в силу иного характера правовой природы.

Б. В. Искандиров, отмечает, что в древний памятниках русского права не было такой категории, как «меры процессуального принуждения», в силу особенностей самого уголовного процесса, который на тот момент был исковым, и потерпевшие от преступления самостоятельно обеспечивали взыскание с обвиняемого в преступлении [1, с. 36].

Первые упоминания удаленного упоминания «мер процессуального принуждения», многие авторы связывают с Соборным уложением 1649 года, когда появились нормы регулировавшие изъятие похищенного имущества.

Так, в статье 52 главы XXI Соборного уложения 1649 года упоминалось следующее: «а будет кто купит лошадь... или в огородах и в уездах: и то лошади купцом записывать в таможенные книги в шерсть, и в лето и в приметы, а кто купя лошадь, в книги не запишет, а сыщется о том к прямая: и по нему за то взяты протаможье, по указу Государеву. А кто будет у него за такую незаписанную лошадь поймаема и взыщется с той лошадью чего другого: и у него ту лошадь взял, отдать истцу, а в достальном иске на него дать суд, и из суда сделать указ, к нему придется»¹.

Статья 87 Соборного уложения 1649 года, содержала положение о проведении обыска с целью установления похищенного имущества. При этом о мерах, направленных на арест имущества, в Соборном уложении речь не идет, но речь идет об определенных средствах процессуального обеспечения по установке похищенного имущества и его беспрепятственного изъятия.

В. К. Случевский, исследуя проблему временного изъятия имущества, пришел к выводу, что до конца XVIII века, процесс уголовного преследования за совершение преступления сложился в качестве определенного вида государственной деятельности [2, с. 511–512]. Вместе с тем, отмечается, что он не был развит до такой степени, чтобы меры процессуального принуждения стали его составной частью.

Во многом, на исторические тенденции в развитии правовых основ ареста имущества в рамках уголовного процесса, повлияло введение «выемки», в качестве следственного действия, подразумевающего изъятие имущества, полученного преступным путем с согласия злоумышленника.

С «Петровского» периода правления в России активно начинает развиваться розыскной процесс, а вместе с ним возникает институт «обеспечения иска». Это больше относится к гражданскому производству того периода времени, что создает основания говорить о том, что в уголовном процессе «арест имущества» появился в силу влияния гражданского производства того периода времени.

До XIX века институт ареста имущества в рамках уголовного судопроизводства, фактически не существовал. Коренной перелом

возник после Судебной реформы 1864 года, которая во многом изменила подходы в ряде отраслей отечественного законодательства.

Б. Б. Булатов и А. С. Дежнев отмечают, что в Российской империи после судебной реформы 1864 г. произошла отмена инквизиционного процесса. По их мнению, судебная реформа 1864 г. имела большое значение для судебного производства в Российской империи [3].

Статья 268 Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. предполагала возможность следователю принять неотложные меры к обеспечению иска при расследовании преступления. Данная статья ввела возможность ареста имущества лица, находящегося под следствие на основании последующего решения окружного суда².

Реальное формирование института ареста имущества, в качестве меры процессуального принуждения в Российской империи [4, с. 309] стало происходить именно после проведения судебной реформы 1864 года.

В 1892 году в статьи 602–626 Устава гражданского судопроизводства были включены положения, позволяющие осуществить запрет или арест имущества обвиняемого лица³. То есть соответственно с этого момента арест мог быть осуществлен в отношении недвижимого имущества обвиняемого лица.

После революционных событий 1917 года, предыдущая правовая система, существовавшая в период существования Российской империи, была упразднена, несмотря на сохранения юридической силы ряда нормативных правовых актов имперского периода.

Постановлением Народного комиссариата по внутренним делам и юстиции в 1918 г. была утверждена Инструкция «Об организации советской Рабоче-Крестьянской милиции»⁴, где новому органу государственной власти, предоставлялась возможность предпринимать действия для недопущения сокрытия следов совершенного преступления.

² Устав уголовного судопроизводства : от 20 ноября 1864 года // Сайт Конституции РФ. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137> (дата обращения: 23.06.2022).

³ Устав гражданского судопроизводства : с извлечениями из решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената. 2-е изд. Москва : В. Н. Маракуев и Л. Ф. Снегирев, 1885. 478 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003546416?page=4&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 23.06.2022).

⁴ Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции (Инструкция) : Постановление НКВД РСФСР, Наркомюста РСФСР от 13.10.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 75. Ст. 813.

¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е : в 33 т. Т. 1. Со дня восшествия на престол государя императора Александра Александровича по 31 декабря 1881 года. Санкт-Петербург : Гос. тип., 1885. 623 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003921497?page=2&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 23.06.2022).

В отсутствие процессуального законодательства в сфере уголовного судопроизводства, предпринимаемые действия осуществлялись на усмотрение сотрудников милиции.

Декрет от 16 апреля 1920 г. Совета Народных Комиссаров «О реквизиции и конфискации», ввел в правовой оборот понятие «реквизиция» и «конфискация». Под конфискацией, понималось изъятие имущества из частного владения, предпринимаемое представителями государственной власти¹. Безусловно, «конфискация» в понимании указанного нормативного правового акта не имела признаков «ареста», однако сам нормативный правовой акт, подразумевал введение института «ареста имущества».

Во время каждой реквизиции, конфискации и аресте имущества составлялся особый акт с указанием следующих данных:

— формальные основания конфискации, реквизиции;

— индивидуальные характеристики реквизируемого, конфискованного или арестованного имущества.

Копия составленного акта представлялась собственнику или владельцу имущества не позднее трех дней с момент конфискации, реквизиции имущества.

Опять же, в данном случае нельзя говорить о том, что подобная мера являлась формой процессуального принуждения. В целом, необходимость конфискации и реквизиции имущества являлось результатом смены экономической системы общества, при которой частная собственность упразднилась. Помимо этого, был и политический аспект в данном процессе, который в первую очередь продиктован необходимостью пополнения собственных доходов в целях революции и противодействия контрреволюции.

При этом после Октябрьского переворота 1917 г. определенное время действовало уголовно-процессуальное законодательство Российской империи.

Согласно статье 8 Декрета от 07 марта 1918 г. № 2 «О суде», судопроизводство после революции осуществлялось на основании императорских нормативных правовых актов до отмены их органами новой власти².

Помимо прочего, в 1921 году был принят Декрет СНК РСФСР от 17.10.1921 «О порядке реквизиции и конфискации имущества

частных лиц и обществ»³, который расширил полномочия советской власти по осуществлению мероприятий связанных с конфискацией и реквизицией имущества.

13 сентября 1922 г. был утвержден УПК РСФСР⁴, который закреплял принципы судопроизводства и другие вопросы, связанные с привлечением к уголовной ответственности. 1922 год, также характеризуется началом проведения «Новой экономической политики» (далее — НЭП), что было обусловлено необходимостью кратковременного возвращения мелких частных собственников и коммерсантов для восстановления советской экономики после Гражданской войны. Именно в УПК РСФСР 1922 года, впервые появляется возможность подачи гражданского иска для потерпевших лиц.

УПК РСФСР 1922 года, ввел положение об обеспечительных мерах иска в рамках расследования преступления. Обеспечительные меры вводились, либо по ходатайству потерпевшего, либо по решению самого следователя. Основная цель обеспечительных мер, заключалась в сохранении возможности возмещения вреда, который был причинен в результате совершения преступления⁵.

Так, следователь, который в ходе расследования выявил факт причинения потерпевшему материального ущерба, а также присутствуют основания для последующей подачи гражданского иска, должен принять меры по обеспечению иска, не смотря на его фактическое отсутствие в рамках имеющегося производства [5, с. 307–310].

То есть в данном случае, следователь до момента подачи гражданского иска в рамках расследования, определял необходимости применения обеспечительных мер.

В 1960 году был принят УПК РСФСР⁶, в соответствии с которой, следователь в случае наличия гражданского иска в уголовном производстве, мог ходатайствовать о принятии

¹ О реквизициях и конфискациях : Декрет СНК РСФСР от 16.04.1920 // Известия ВЦИК. 1920. 22 апр. (№ 85).

² О суде : Декрет ВЦИК от 07.03.1918 № 2 // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

³ О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ : Декрет СНК РСФСР от 17.10.1921 // Известия ВЦИК. 1921. 26 окт. (№ 240).

⁴ Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР) : Постановление ВЦИК от 25.05.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 20, 21. Ст. 230.

⁵ Там же.

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 27.10.1960 (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) [документ утратил силу] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275 (дата обращения: 23.06.2022).

мер к обеспечению этого иска. Помимо этого, новый УПК РФ ввел возможность ареста и наложения ограничений на имущество, которое подлежало ограничению в целях обеспечения прав и интересов потерпевшего, в том числе возможной конфискации имущества [6].

УПК РСФСР просуществовал в качестве основного уголовно-процессуального закона до 2001 года, фактически до принятия действующего УПК РФ.

В связи с переходом на состязательные начала уголовного процесса, обеспечением равенства сторон в уголовном судопроизводстве [7], нормативном закреплении принципа презумпции невиновности, а также распространением преступности в сфере экономических отношений [8, с. 124], преступлений в сфере компьютерной информации и пр. в 2001 году был принят уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Таким образом, при решении вопроса периодизации, исторического развития института ареста имущества в уголовном процессе необходимо брать за основу периодизации переход на качественно новый, отличный от предыдущего уровень развития данного правового института.

Заключение

Полагаем, что наиболее целесообразно, выделяет следующие периоды становления института ареста имущества в уголовном процессе:

— введение межотраслевых обеспечительных мер иска до судебной реформы 1864 года;

— постепенное формирование института ареста имущества в рамках период с 1864 по 1917 год;

— с 1917 по 1960 год — период активного применения обеспечительных мер в рамках расследования уголовного дела;

— с 1960 по 2001 год — активное внедрение и реализация института ареста имущества в качестве процессуальной меры принуждения в рамках расследования уголовных дел.

С 2001 г по настоящее время — этап дальнейшего совершенствования и развития института ареста на имущество в уголовном судопроизводстве.

Дальнейшее развитие уголовного процессуального законодательства, в том числе института ареста имущества в уголовном процессе, невозможно без знания истории возникновения определенной юридической проблематики для учета недостатков и отдельных положительных элементов.

Современное состояние института ареста имущества в уголовном процессе сложилось в процессе формирования в разные этапы становления российского государства мер процессуального обеспечения, которые стали активно внедряться сначала в рамках гражданских правоотношений, а затем заняли место в системе уголовно-процессуальных институтов.

Список источников

1. Искандиров В. Б. Исторический аспект развития и становления наложения ареста на имущество как меры принуждения в России // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2010. № 38 (214). С. 35–39.
2. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса : судоустройство — судопроизводство. 3-е изд., предел. и доп. Санкт-Петербург, 1910. 664 с. URL: <http://hdl.handle.net/11701/18190>.
3. Булатов Б. Б., Дежнёв А. С. Место наложения ареста на имущество в системе уголовно-процессуального законодательства: история и современность // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 2 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-nalozheniya-aresta-na-imuschestvo-v-sisteme-ugolovno-protsessualnogo-zakonodatelstva-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 02.06.2022).
4. Вискребцев Б. С., Сергеев А. Б. Влияние социокультурной идентичности российского общества на формирование отечественного уголовно-процессуального законодательства и правовые позиции России в Европейском суде по правам человека // Евразийский юридический журнал. 2020. № 6 (145). С. 307–310.
5. Сергеев А. Б. Состояние и перспективы научного разрешения проблем дифференциации и унификации форм уголовно-процессуальных производств // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 20 (349). С. 119–124.
6. Никулочкин Е. О., Сергеев А. Б. Нормативно-правовая база и судебная практика в обеспечении гражданско-правовыми средствами конфискации имущества в уголовном судопроизводстве // Социум и власть. 2013. № 5 (43). С. 69–74.
7. Никулина А. В., Сергеев А. Б. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве: понятие, содержание, признаки // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1 (33). С. 40–46.
8. Сергеев А. Б., Сергеев М. А., Сергеев К. А. Особенности расследования преступлений, связанных с присвоением прав на владение и управление предприятиями и организациями : монография. Челябинск : ГОУ ВПО ЧЮИ МВД России, 2008. 127 с.

Конфликт интересов. Конфликт интересов в материалах данной научной статьи отсутствует.

Conflict of interest. There is no conflict of interest in the materials of this scientific article.

Дата поступления статьи / Received: 01.07.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 10.07.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.08.2022.

ПРАВозАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Научная статья
УДК 343

С. 88–93

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ ПОДДЕРЖКИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Евгений Владимирович Никитин

*Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
nikitinev@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8603-070X>*

Аннотация. В статье акцентируется внимание на том, что осуществление эффективной правоохранительной деятельности невозможно без проработки и принятия эффективных решений в этой сфере. Исследуются возможности по повышению эффективности правоохранительной деятельности с помощью новейших информационных технологий. Анализируется возможность применения теории принятия решений и технологий искусственного интеллекта для организации и деятельности правоохранительных органов, выделяются проблемные аспекты указанных технологий и предлагаются пути их решения. Проведено системное исследование правоохранительной деятельности на основе объективных закономерностей ее организации, функционирования и управления, в результате чего, выявлены потенциальные возможности совершенствования деятельности правоохранительных органов при помощи интеллектуальных информационных систем поддержки принятия решений.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, теория принятия решений, информационные технологии, искусственный интеллект

Для цитирования: Никитин Е. В. Организация правоохранительной деятельности с использованием информационных систем поддержки принятия решений: проблемы и перспективы // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 88–93.

Research article

ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES USING DECISION SUPPORT INFORMATION SYSTEMS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Yevgeny V. Nikitin

*South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
nikitinev@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8603-070X>*

Abstract. In article focuses on the fact that the implementation of effective law enforcement activities is impossible without the elaboration and adoption of effective decisions in this area. The possibilities of improving the effectiveness of law enforcement activities with the help of the latest information technologies are being investigated. The possibility of applying the theory of decision-making and artificial intelligence technologies for the organization and activities of law enforcement agencies is analyzed, problematic aspects of these technologies are highlighted and ways to solve them are proposed. In article a systematic study of law enforcement activity based on objective patterns of its organization, functioning and management was carried out, as a result of which, potential opportunities for improving the activities of law enforcement agencies with the help of intelligent information systems for decision support were identified.

© Е. В. Никитин

Keywords: law enforcement, decision theory, information technology, artificial intelligence

For citation: Nikitin EV. Organization of law enforcement activities using decision support information systems: problems and prospects. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(3):88-93. (In Russ.)

Введение

Комплексность и сложность задач, возникающих в правоохранительной деятельности любого вида, обуславливают необходимость применения новейших технологий при анализе методологического, информационного и программного аспектов процессов принятия решений при ее осуществлении. Высокие требования, предъявляемые к содержанию принимаемых решений в процессе правоохранительной деятельности, обуславливают необходимость выбора оптимального варианта из возможного набора действий. Однако, принятие правильного решения в сложных условиях осуществления и организации правоохранительной деятельности не всегда возможно без использования интеллектуальных систем поддержки принятия решений. С другой стороны, цена ошибки в случае принятия неверного решения может дорого обойтись как для обычного гражданина, так и для самого лица, осуществляющего правоохранительную деятельность.

Описание исследования

Любое научное исследование основывается на понятийном и терминологическом языке описания, и принципиально важным является определиться в понятиях. В бытовом плане еще французский философ и математик Рене Декарт справедливо отмечал, что «люди избавились бы от половины своих неприятностей, если бы смогли договориться о значении слов». Тем более важное значение эта мысль приобретает для научных исследований. Учитывая сложность и многогранность такого понятия как правоохранительная деятельность единого подхода в учебной и научной литературе не найдено. Дефиниция «правоохранительная деятельность» не нашла своего и нормативного закрепления. Эти обстоятельства обуславливают сложность выработки единых универсальных подходов по отнесению той или иной видов юридической деятельности к правоохранительной, а также тех или иных органов к правоохранительным.

В современной учебной литературе под правоохранительной деятельностью понимается урегулированный нормами права вид государственной деятельности, осуществляемый гражданами состоящих на должностях правоохранительной службы

в государственных органах, службах и учреждениях в целях обеспечения общественной безопасности, охраны общественного порядка, а также выявления причин и условий, способствующих совершению правонарушений и принятие мер по восстановлению нарушенных прав, свобод, законных интересов личности и общества [4, с. 31].

Виды правоохранительной деятельности характеризуются большим разнообразием. В зависимости от точки зрения правоведа меняется правовая природа, число, наименование и содержание правоохранительной деятельности. Традиционно в учебных источниках выделяются следующие виды правоохранительной деятельности: конституционный контроль, судебный контроль, управление правосудия, прокурорский надзор, выявление и расследование преступлений и административных правонарушений, ОРД, охрана общественного порядка и безопасности, исполнение судебных решений, оказание юридической помощи и защиты по уголовным делам, предупреждение преступлений и иных правонарушений [4, с. 31].

Каждый вид правоохранительной деятельности имеет свою специфику с учетом, которой внедряются информационные технологии для более эффективного ее осуществления. Применительно к противодействию преступности правоохранительными органами О. Ю. Новикова в своем исследовании отмечала следующее: «происходящие изменения требуют совершенствования методов анализа преступности, процедур выработки на основе этого анализа управленческих решений по противодействию последней со стороны, в первую очередь, подразделений полиции. <...> Реализация данного требования предполагает необходимость обрабатывать большие объемы сведений, поступающих из самых разных источников: отчетов, сообщений сотрудников, опросов населения, средств массовой информации, Интернета, зачастую недостоверных или содержащих большой элемент неопределенности. <...> Эффективное использование этой информации аналитиком или руководителем ОВД (субъектом управления) становится возможным лишь в результате внедрения в деятельность подразделений органов внутренних дел современных методов и алгоритмов поддержки принятия как

стратегических, так и тактических решений» [3, с. 4].

Думается, эти рассуждения справедливы не только исключительно для деятельности по противодействию преступности. Поскольку, несмотря на разноплановость и разнообразие правоохранительной деятельности указанных нами выше, очевидно, что при любом ее виде необходимо принимать решения, в основе которых лежат универсальные подходы к их выбору.

Теория поддержки принятия решений применима к любому виду правоохранительной деятельности, поскольку на наш взгляд любую правоохранительную деятельность можно, во-первых, «разбить» на алгоритмы принятия решений, а во-вторых, представить через «призму» управления обществом в целях обеспечения безопасности личности, общества и государства от угроз, связанных с противоправным поведением человека.

Для того чтобы принятые решения в процессе осуществления правоохранительной деятельности были эффективны и оптимальны для достижения поставленных перед ними целей они должны объединять две важные составляющие: грамотное и достоверное информационное обеспечение этого решения и процедурная составляющая как совокупность последовательности мероприятий. Системы поддержки принятия решений как раз предназначены для оказания помощи при осуществлении полного и объективного анализа в определенной предметной области (в нашем случае правоохранительная сфера) для принятия оптимальных управленческих решений. Логика развития указанных систем на наш взгляд состоит в упорядочении процедур и методов принятия решений, с использованием новейших информационных технологий.

Безусловно, любое решение принимается на основании какой-нибудь информации, вопрос заключается в степени качества указанной информации, умении ее адекватно интерпретировать и проработке на основании этой оптимального решения по осуществлению правоохранительной деятельности. Вот на этом этапе возможны проблемы, поскольку эти обстоятельства очень часто зависят от лица, принимающего решения и его личностных качеств, его объективности, беспристрастности, аналитических способностей, соответствия занимаемой должности, соответствия компетенции человека сложности решаемых проблем и особенностям конкретной ситуации. И не всегда лицо, принимающее решение, по своим психологическим, моральным

и деловым качествам способен принять оптимальное решение в данных условиях и эффективно осуществить правоохранительную деятельность.

Очевидно, в процессе правоохранительной деятельности используются различные информационные технологии и используются они относительно давно. Однако необходимо широко внедрять инновационные информационные разработки из других сфер практической деятельности и адаптировать их для нужд правоохранительных органов. На основе прогнозирования тенденций развития IT-индустрии важно обеспечить правоохранительные органы современными разработками для полного и эффективного использования информации для оптимального решения задач правоохранительной деятельности, в том числе в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Анализ изменений информационных технологий с течением времени позволяет сделать вывод, что возможности данных систем по выполнению юридической работы и обработки юридически значимой информации увеличиваются, в том числе за счет автоматизации процессов и сокращения человеческой составляющей. На начальном этапе автоматизированные системы обработки данных позволяли только хранить и элементарно обрабатывать информацию по простейшим статистическим алгоритмам. Затем появились информационно-поисковые системы, которые помогали выдавать по запросу актуальную правовую информацию, то есть осуществлялось обновление и несложное преобразование необходимых данных. На третьем этапе информационные системы позволили пользователю прогнозировать развитие ситуации, осуществлять поиск недостающей информации. Экспертные системы позволяют осуществлять выбор оптимального решения и объяснять логику этого выбора. Проследив вышеуказанные этапы развития возможностей систем по обработке информации, очевидно становится тот факт, что будущее правоохранительной деятельности в использовании современных компьютеризированных интеллектуальных информационных систем поддержки принятия решений нового уровня с применением искусственного интеллекта.

Как отмечено в разделе 2, «Развитие искусственного интеллекта в России и в мире» Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490:

на смену экспертным системам пришло машинное обучение, благодаря которому информационные системы самостоятельно формируют правила и находят решения на основе анализа зависимостей используя исходные наборы данных (без предварительного составления человеком перечня возможных решений), что позволяет говорить о появлении искусственного интеллекта¹.

Исследовав понятие и содержание термина «искусственный интеллект» И. Р. Бегишев и З. И. Хисамова приходят к выводу, что ему характерны ряд ключевых характеристик: описание программы или алгоритма, способность проводить анализ окружающей среды, присутствие автономности в реализации алгоритма, возможность самообучаться, присутствие «интеллектуальности» (т. е. способности «мыслить» как человек) [1, с. 16].

Делом ближайшего будущего является применение информационных систем на основе искусственного интеллекта, которые позволят разграничивать нужную и ненужную информацию, искать недостающую информацию, обрабатывать большие массивы данных, самообучаться, распознавать звук и речь, давать обоснованные рекомендации по решению правоохранительных задач. То есть искусственные нейронные сети позволят запрограммировать те виды деятельности, которые считались сугубо человеческими и интеллектуальными.

Как справедливо отметил Президент РФ В. В. Путин, «Механизмы искусственного интеллекта обеспечивают в режиме реального времени быстрое принятие оптимальных решений на основе анализа гигантских объемов информации, что дает колоссальные преимущества в качестве и результативности. Если кто-то сможет обеспечить монополию в сфере искусственного интеллекта, то последствия нам всем понятны — тот станет властелином мира»².

За технологическими решениями, разработанными на основе искусственного интеллекта будущее, поскольку позитивные тенденции его применения очевидны по другим сферам общественной жизни. Указанные тенденции применения искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности обусловлены следующими факторами: сквозной характер применения технологических

решений, разработанных на основе искусственного интеллекта к различным видам правоохранительной деятельности, высокая результативность деятельности человека, использующие такие решения и необходимость обработки больших объемов данных для повышения эффективности правоприменительной деятельности.

Тенденцию по использованию возможностей технологии искусственного интеллекта в общественной жизни «уловили» и планируют применять при осуществлении правосудия. Как отмечают авторы аналитического доклада «Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир» в российском арбитражном производстве в ближайшей перспективе будут внедрены сервисы по автоматизации и «роботизации» рассмотрения дел в порядке приказного производства, основанные на применении технологий искусственного интеллекта, что повысит качество и прозрачность судопроизводства по соответствующим категориям дел. Технологизация поможет повысить качество аналитической работы [2, с. 25]. И совершенно очевидно, что это только начало.

Вместе с тем широкое внедрение интеллектуальных систем поддержки принятия решений в правоохранительную деятельность имеет ряд проблем и ограничений. Условно мы разделили эти проблемы на три группы, обозначив статистической проблемой, проблемой оценки эффективности и психологической проблемой внедрения технологий принятия решений и искусственного интеллекта.

Первую проблему условно назовем «статистической». Основой управления в любой сфере человеческой деятельности является полученная информация. Правильная организация правоохранительной деятельности основана на анализе необходимой информации. Основная проблема состоит в том, что иной раз трудно получить полную, качественную и достоверную информацию для принятия какого-либо решения на любом уровне. Для поиска вычислительной системой эффективно и оптимального решения требуется ввести репрезентативный, релевантный и корректно размеченный набор данных. Отечественная правовая статистика такие данные, к сожалению, приводит не всегда.

Внедрение и развитие современных информационных технологий позволяет качественно решать вышеназванную проблему. Частным примером этого, может являться информационная методика «Big data», которая заключается в обработки данных огромных объемов для получения воспринимаемых

---

¹ Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

² Путин: монополист в сфере искусственного интеллекта может стать властелином мира // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6489864> (дата обращения: 05.07.2022).

человеком результатов, в условиях непрерывного увеличения этих данных. Данную технологию в правоохранительной деятельности можно использовать, например, предупреждение преступной деятельности в сети Интернет, выявление банковских и других экономических преступлений, пресечение незаконного оборота запрещенных предметов, противодействия незаконной миграции и т. п.

При достижении релевантности статистических данных главным научным средством решения проблем правоохранительной деятельности становится метод формализации. Метод формализации подразумевает рассмотрения правоохранительной деятельности в таком виде, чтобы можно было применять количественные методы исследования. К количественным методам относят большое разнообразие математических методов исследования. Математические методы исследования позволяют описывать элементы правоохранительной деятельности в качестве параметров или параметрических функций. Ценность формализованных методов заключается в том, что исследуемая проблема может быть эффективно решена на основе четкого формулирования ряда задач («древа задач») и их оценки с помощью современных компьютерных систем.

Вторая проблема внедрения информационных систем поддержки принятия решения — это оценка эффективности принятых решений. Зачастую конкретная правоохранительная деятельность не имеет четких критериев достижения результата. При этих условиях оценить эффективность принятого решения невозможно. В общем виде эффективность — это достижение результата при наименьшем количестве затраченных ресурсов. Если нет четко поставленной цели и конкретных индикаторов ее достижения, то невозможно оценить оптимальность принятого решения. Другая сторона этой проблемы, это несколько целей у одной юридической деятельности, которые могут слабо коррелировать друг с другом, либо иметь различные критерии их достижения. Возьмем для примера такой вид деятельности суда как назначение уголовного наказания. Согласно статье 43 УК РФ в процессе назначения наказания преследуются три цели: восстановление социальной справедливости, предупреждение преступлений и исправление виновного. Однако преступник может исправиться от назначенного наказания, а социальная справедливость этим наказанием не восстановлена и наоборот. Применения в таких случаях информационных систем поддержки принятия

решений, на наш взгляд, затруднительно ввиду возможных «конфликтов» критериев достижения поставленного результата правоохранительной деятельности.

Третью проблему можно назвать психологической, поскольку часть юристов негативно настроены к информатизации юридической деятельности. На наш взгляд, этому способствуют три основных стереотипа восприятия цифровизации правоохранительной деятельности. Одна группа юристов относятся к цифровизации юридической (в том числе и правоохранительной) деятельности «свысока», «с превосходством» над «компьютером», считая такую деятельность сугубо человеческой. В своих рассуждениях они исходят из убеждений, что только человек может «лечить», «учить», «судить» и т. д. других людей и помощь техники им не к чему. Вторая группа людей считает технологические процессы, проходящие в юридической деятельности как угрозу их рабочим местам. «Вот внедрят программу составления договоров, меня сократят и выгонят на улицу» — рассуждают они. Из этих обстоятельств начинают противодействовать всем инновационным преобразованиям юридической деятельности, не желая ее совершенствовать. Третья часть правоприменителей противодействуют информационным технологиям, потому что с их точки зрения это «сложно, он учился на юриста, а не компьютерщика». Большинство людей психологически настроены против любых нововведений и изменений, связано с дополнительными трудностями по освоению новых компетенций в сфере компьютерных программ, автоматизированных рабочих мест и т. п. И психологическая проблема на наш взгляд самая серьезная.

Очевиден тренд на информатизацию всех сфер человеческой деятельности, в том числе и тех, которые традиционно считались «сугубо человеческими», в том числе и в правоохранительной деятельности. В новейших технологических решениях нужно видеть не конкурента, а помощника, который автоматизирует рутинные, повторяющиеся виды юридической деятельности, «освободив» время для юридического творчества. При таком подходе цифровизация правоохранительной деятельности выведет ее на новый содержательный и смысловой уровень. Поскольку, на наш взгляд, в юридической деятельности наблюдается тенденция не «превращения работа в юриста», а наоборот «превращения юриста в работа» при осуществлении многих видов правоохранительной деятельности как на «юридическом конвейере», когда

содержательная, смысловая сторона дела подменяется процессуальной, процедурной и формальной.

Методы и методология

В общем, методологическую основу исследования составляют общефилософские принципы диалектики и системный подход, а также, специальные методы познания: формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный. Особое место, как «инструменту» исследования, уделено системно-структурному методу благодаря которому мы сформулировали выводы, изложенные в заключении статьи.

«Системный анализ — совокупность принципов, методов и средств, позволяющих исследовать системы, явления или процессы в целом, их структуру, функции и свойства, движения со всеми межэлементными связями и взаимодействиями, а также взаимодействиями с окружающей средой». [5, с. 10].

Ценность системного подхода состоит в том, что рассмотрение категорий системного анализа создает основу для логического и последовательного подхода к проблеме принятия решений не только в правоохранительной деятельности, но и при проведении научного исследования. Данный подход нацеливает любого исследователя на системное мышление, на рассмотрение научной проблемы в ее полноте и сложности.

Заключение

Системное исследование правоохранительной деятельности нами проведено на основе объективных закономерностей ее организации, функционирования и управления,

в результате чего, выявлены потенциальные возможности совершенствования деятельности правоохранительных органов при помощи информационных систем поддержки принятия решений.

Правоохранительная деятельность, направленная на решение сложных проблем обеспечения безопасности личности, общества и государства, требует использования автоматизированных интеллектуальных систем поддержки принятия решений в указанной сфере. Для эффективного решения этих проблем необходимо использование новейших достижений в сфере IT-технологий (которыми на сегодня являются технологии искусственного интеллекта, принятия решений при многих критериях, статистического моделирования) для управления ресурсами, кадрами, документооборотом, осуществления практической правоохранительной и другой юридической деятельности, более скоординированного взаимодействия различных подразделений правоохранительных органов между собой и с общественными институтами.

Внедрение вышеперечисленных информационных технологий в правоохранительную деятельность будет осуществляться по двум основным направлениям:

1) управление правоохранительной деятельностью как видом государственной деятельности, с помощью интеллектуальных систем поддержки принятия управленческих решений;

2) осуществление конкретных видов правоохранительной деятельности по обеспечению безопасности личности, общества и государства, охране общественного порядка и противодействию преступности.

Список литературы

1. Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Искусственный интеллект и уголовный закон : монография. Москва : Проспект, 2021. 192 с.
2. Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир. Аналитический доклад. Москва : НИУ «Высшая школа экономики», 2020. 192 с.
3. Новикова О. Ю. Методы и алгоритмы поддержки принятия решений центрами оперативно-разыскной информации : дис. ... канд. тех. наук. Москва. 2015. 195 с.
4. Правоохранительные органы : учебник и практикум для вузов / М. П. Поляков [и др.] ; под общей редакцией М. П. Полякова. Москва : Юрайт, 2022. 362 с.
5. Системный анализ : учебник и практикум для вузов / В. В. Кузнецов [и др.] ; под общей редакцией В. В. Кузнецова. Москва : Юрайт, 2022. 270 с.

Конфликт интересов. Конфликт интересов в материалах данной научной статьи отсутствует.

Conflict of interest. There is no conflict of interest in the materials of this scientific article.

Дата поступления статьи / Received: 12.07.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 10.08.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.08.2022.

БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА КАК ЭЛЕМЕНТА МИРОВОГО СООБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ОРУЖИЯ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ

Александр Дмитриевич Магденко¹, Алимйрзе Алимович Алимов²

¹*Российский государственный университет правосудия, Уральский филиал, Челябинск, Россия
dozent0760@mail.ru*

²*Центр профессиональной подготовки ГУ МВД России по Челябинской области, Челябинск, Россия
alimow@mail.ru*

Аннотация. В предлагаемой вниманию читателя статье рассматриваются вопросы правового регулирования оборота оружия массового уничтожения в контексте обеспечения безопасности государства как элемента мирового сообщества. Актуальность представленного исследования, прежде всего, заключается в отсутствии международно-правового контроля за нераспространением биологического (бактериологического) оружия. Данный факт приобретает особое значение для обеспечения безопасности отдельных государств так и мирового сообщества в целом на фоне неустраненной природы происхождения коронавирусной инфекции COVID-19, а также распространением иностранных бактериологических лабораторий вблизи границы Российской Федерации. В статье соответствующему анализу подвергнуты действующие международно-правовые основы, запрещающие полностью либо ограничивающие оборот существующих видов оружия массового уничтожения. Особое внимание уделено роли отдельных государств, глобальных и региональных международных организаций и мирового сообществ в целом в поддержании режима нераспространения. Авторами проведено исследование деятельности Совета Безопасности ООН, специальных международных организаций, действующих в сфере нераспространения оружия массового поражения, международных организаций обеспечения безопасности и иных объединений государств, не имеющих статус международных межправительственных организаций. При подведении итогов исследования авторами сделан ряд выводов, касающихся системного характера международных правовых основ регулирования оборота оружия массового уничтожения, их сущностного характера для всего международного права. Кроме того, высказаны предложения об объекте безопасности в данной сфере общественных отношений и о наличии определенных тенденций в развитии организационно-правовых основ регулирования вопросов оборота оружия массового уничтожения.

Ключевые слова: оружие массового уничтожения, безопасность мирового сообщества, безопасность государства, региональные организации безопасности, коллективная безопасность

Для цитирования: Магденко А. Д., Алимов А. А. Безопасность государства как элемента мирового сообщества в контексте международно-правового регулирования оборота оружия массового уничтожения // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 94–100.

STATE SECURITY AS AN ELEMENT OF THE WORLD COMMUNITY IN THE CONTEXT OF THE INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE CIRCULATION OF WEAPONS OF MASS DESTRUCTION

Aleksandr D. Magdenko¹, Alimirze A. Alimov²

¹Ural Branch of the Russian State University of Justice, Chelyabinsk, Russia
dozent0760@mail.ru

²Center for Professional Training of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs
of Russia for the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, Russia
alimow@mail.ru

Abstract. The article brought to the attention of the reader examines the issues of legal regulation of the circulation of weapons of mass destruction in the context of ensuring the security of the state as an element of the world community. The relevance of the presented research, first of all, lies in the absence of international legal control over the non-proliferation of biological (bacteriological) weapons. This fact is of particular importance for ensuring the security of individual states and the world community as a whole against the background of the unknown nature of the origin of the coronavirus infection COVID-19. The article analyzes the current international legal framework that completely prohibits or restricts the circulation of existing types of weapons of mass destruction. Particular attention is paid to the role of individual states, global and regional international organizations and the world community as a whole in maintaining the nonproliferation regime. The authors conducted a study of the activities of the UN Security Council, special international organizations operating in the field of non-proliferation of weapons of mass destruction, international security organizations and other associations of states that do not have the status of international intergovernmental organizations. When summing up the results of the study, the authors made a number of conclusions regarding the systemic nature of the international legal framework for regulating the circulation of weapons of mass destruction, their essential nature for all international law. In addition, proposals were made on the object of security in this area of public relations and on the presence of certain trends in the development of the organizational and legal framework for regulating the issues of trafficking in weapons of mass destruction.

Keywords: weapons of mass destruction, security of the world community, security of the state, regional security organizations, collective security

For citation: Magdenko AD, Alimov AA. State security as an element of the world community in the context of the international legal regulation of the circulation of weapons of mass destruction. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(3):94-100. (In Russ.)

Введение

Вспышка коронавирусной инфекции COVID-19 и прокатившаяся по миру глобальная пандемия не только повлекли за собой человеческие жертвы и значительный экономический ущерб. Они позволили в реальности оценить состояние безопасности всего мирового сообщества, а, по сути, обозначить и вновь напомнить о незащищенности всего мира, несмотря на его социальный прогресс и технические возможности.

Политический эффект и большой ажиотаж в мире вызвали слова нобелевского лауреата

в области медицины и физиологии Люка Монтанье о возможном искусственном происхождении вируса¹. Мнение авторитетного ученого «вкуче с отсутствием международных правовых механизмов контроля за разработками и оборотом биологического оружия дало существенный толчок публичному обсуждению

---

¹ Переверзев А. Правда ли, что новый коронавирус — это бактериологическое оружие? // АиФ Пермь. 30.04.2020 : [сайт]. URL: https://perm.aif.ru/health/pravda_li_chto_novyy_koronavirus_eto_bakteriologicheskoe_oruzhie (дата обращения: 17.07.2022).

вопроса защиты человечества от угроз оружия массового уничтожения (далее — ОМУ) биологического характера»¹. К примеру, на «состоявшемся недавно впервые совместном заседании глав оборонных ведомств ШОС, СНГ и ОДКБ вопросы распространения биологического оружия обсуждались совместно с вопросами преодоления последствий распространения коронавирусной инфекции»².

Биологическое оружие, наряду с другими видами ОМУ, безусловно, является одним из наиболее опасных источников угроз безопасности для всего мирового сообщества. С этим согласны все государства мира, которые единогласно утвердили специальную резолюцию Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (далее — СБ ООН). В ней СБ ООН подтвердил, что «распространение ядерного, химического и биологического оружия, а также средств его доставки представляет угрозу для международного мира и безопасности»³.

Описание исследования

В международном праве существуют международные соглашения как в целом запрещающие отдельные виды ОМУ, так и ограничивающие его оборот. В их числе можно назвать Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств (1925 г.), Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (1972 г.), Конвенцию о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (1993 г.), Договор о нераспространении ядерного оружия (1968 г.).

Однако следует отметить, что важной правовой составляющей в сфере международного регулирования режима нераспространения ОМУ являются двухсторонние

соглашения. Для государств заключение договоров на двухстороннем уровне по сравнению с соглашениями глобального уровня, является более предпочтительным, поскольку позволяет в большей мере учесть индивидуальные позиции государств. При этом, владение ОМУ во многом связано не только с режимом государственной тайны, но и в целом представляет собой важнейший аспект национальной безопасности.

Российская Федерация юридически и фактически является неотъемлемой частью мирового сообщества [1, с. 79]. Осознавая свою долю ответственности за безопасность всего мирового сообщества, она неоднократно заключала подобные договоры с различными государствами мира (Соглашение между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки относительно безопасных и надежных перевозки, хранения и уничтожения оружия и предотвращения распространения оружия. Заключено в г. Вашингтоне 17.06.1992; Соглашение между Правительством РФ и Правительством Французской Республики о сотрудничестве в области безопасного уничтожения ядерного оружия в России и использования в мирных целях, высвобождаемых оружейных ядерных материалов. Заключено в г. Париже 12.11.1992; Соглашение между Правительством РФ и Правительством Французской Республики о сотрудничестве в области безопасности и мониторинга радиационной обстановки при транспортировке, складировании и уничтожении ядерного оружия в России. Заключено в г. Париже 12.11.1992; Меморандум о договоренности между Правительством РФ и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в отношении помощи РФ в безопасной перевозке сокращаемого ядерного оружия в целях ускорения его демонтажа и уничтожения. Подписан в г. Лондоне 09.11.1992; Соглашение между Правительством РФ и Правительством Французской Республики о хранении в безопасных условиях водородсодержащих литиевых материалов, полученных при демонтаже ядерного оружия в России. Заключено в г. Париже 17.11.1994).

В основном подобные соглашения были нацелены на сокращение запасов ОМУ путем непосредственного уничтожения. Кроме того, договоры были направлены на регулирование и различных стадий оборота оружия при его сокращении. В частности, это обеспечение демонтажа, складирования, хранения, а также использования в мирных целях. При этом особое внимание в заключенных соглашениях уделялось регулированию вопросов,

¹ Мякишева Ю. Академик РАН рассказал, можно ли считать COVID-19 биологическим оружием // RG.RU. 22.04.2020. URL: <https://rg.ru/2020/04/22/reg-urfo/akademik-ran-rasskazal-mozhno-li-schitat-covid-19-biologicheskim-oruzhiem.html> (дата обращения: 17.07.2022).

² В Подмоскowie под руководством Министра обороны России прошло совместное заседание глав военных ведомств стран ШОС, СНГ и ОДКБ / Официальный сайт МО РФ. 05.09.2020. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12312384@egNews (дата обращения: 17.07.2022).

³ Резолюция 1540 (2004) СБ ООН, пр. 28.04.2004 // Совет Безопасности ООН : [сайт]. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions> (дата обращения: 17.07.2022).

связанных с оказанием помощи в осуществлении безопасной перевозки сокращаемого ядерного оружия в целях ускорения его демонтажа и уничтожения.

Как показывает история международных отношений, отдельные государства могут значительно влиять на международно-правовое регулирование в сфере оборота ОМУ. В основном, это крупные государства-обладатели подобного оружия. Наиболее показательным в этом отношении являются США, которые в начале 1990 г. провозгласили во внешней политике стратегию предотвращения распространения ОМУ — контрраспространение.

Стратегия предусматривала возможность применения санкций¹, в том числе «применение силы в одностороннем порядке или с разрешения СБ ООН в отношении государств, подозреваемых в незаконном приобретении или распространении ОМУ. С тех пор стратегия является одной из концептуальных основ национальной безопасности США и стала основой Инициативы по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения (далее — ИБОР), провозглашённой администрацией президента США Дж. Буша-мл». [2, с. 233].

ИБОР на сегодняшний день представляет собой коалицию государств, объединённых идеей борьбы с ОМУ. Основными направлениями работы ИБОР являются разрушение нелегальных маршрутов поставок технологий, оборудования и комплектующих для производства ОМУ.

Несмотря на «декларируемую комплексность специальной резолюции СБ ООН 1540 (2004) деятельность государств в рамках партнерства не вполне соответствует требованиям современного международного права» [3, с. 72]. Разделяя дух коалиции, Российская Федерация присоединилась к группе государств-основателей, но сделала при этом важные заявления. В частности, для Российской Федерации ИБОР является дополнением и не рассматривается как противопоставление существующим механизмам контроля за распространением ОМУ. Российская Федерация готова принимать активное участие в деле нераспространения путем реализации ИБОР только в соответствии с нормами международного и национального права, а также с учетом общих интересов нераспространения. И Российская Федерация рассматривает

¹ Евстафьев Г. М. Контрраспространение / ПИР-Центр : [сайт]. URL: http://pircenter.org/sections/view/section_id/110 (дата обращения: 17.07.2022).

ИБОР как часть глобальной стратегии укрепления режимов нераспространения ОМУ и контроля за экспортом ОМУ. В официальном сообщении МИД также указывается на недопущение ограничений экономического и научно-технического сотрудничества в связи с деятельностью в рамках ИБОР [4].

ИБОР не является международной организацией в классическом понимании — она не имеет формальной структуры, секретариата, штаб-квартиры или представителя. Но, тем не менее, при создании коалиция нашла широкую поддержку среди действующих международных организаций как на региональном, так и глобальном уровнях.

В частности, в своей резолюции СБ ООН призвал все государства «в соответствии с их национальными системами правового регулирования и законодательством, и в соответствии с международным правом предпринимать совместные действия для предотвращения незаконного оборота ядерного, химического или биологического оружия, средств его доставки и относящихся к ним материалов»². Аналогичной позиции придерживаются и государства-участники ОДКБ, «готовые сотрудничать с государствами-участниками ИБОР в деле противодействия распространению ОМУ в соответствии с нормами международного права и национального законодательства. ОДКБ в заявлении по вопросу политики в области нераспространения рассматривает ИБОР в качестве одного из важнейших элементов усилий мирового сообщества, направленных на недопущение распространения ОМУ»³.

Таким образом, обеспечение должного контроля за оборотом ОМУ требует активного сотрудничества государств на международном уровне. Соответственно, значимая роль в указанной сфере принадлежит международным организациям и их специализированным органам. Достойным примером, может служить Организация по запрещению химического оружия, деятельность которой направлена исключительно на реализацию контрольных функций в области контроля за нераспространением химического оружия, в том числе путем заключения соглашений с государствами (например: Соглашение по объекту между

² Резолюция СБ ООН 1540 (2004).

³ Заявление Организации Договора о коллективной безопасности по вопросам политики в области нераспространения // Официальный сайт МИД России. 15.11.2004. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/-/asset_publisher/rp0fiUBmANaH/content/id/455862 (дата обращения: 17.07.2022).

Российской Федерацией и Организацией по запрещению химического оружия относительно проведения инспекций на месте на объекте по хранению химического оружия «Марадыковский» (Кировская область); Соглашение по объекту между Российской Федерацией и Организацией по запрещению химического оружия относительно проведения инспекций на месте на объекте по хранению химического оружия «Камбарка» (Удмуртская Республика)). Кроме реализации контрольных функций, существенна роль международных организаций в правотворчестве. К примеру, в рамках Комиссии по разоружению были приняты множество важнейших документов — Договор о нераспространении ядерного оружия (1968 г.), Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (1976 г.), Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов ОМУ (1971 г.), Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (1972 г.), Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (1993 г.) и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (1996 г.).

Вместе с тем, следует отметить активную деятельность в данной сфере международных организаций безопасности. Такая международная организация как ОДКБ неоднократно подчеркивала в своих международных документах важность и приверженность режиму нераспространения ОМУ¹. В Заявлении ОДКБ по данному вопросу отмечается: «Государства-члены ОДКБ выражают уверенность, что только совместными последовательными и настойчивыми усилиями можно предотвратить распространение ОМУ, и готовы внести свой достойный вклад в коллективные усилия всего международного сообщества в этой области»².

¹ Декларация государств-членов ОДКБ : принята 10.12.2010 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/808> (дата обращения: 17.07.2022).

² Заявление Организации Договора о коллективной безопасности по вопросам политики в области нераспространения : принято 12 ноября 2004 г. // Официальный сайт ОДКБ. 12.11.2004. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/zayavlenie-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti-po-voprosam-politiki-v-oblasti-neraspro> (дата обращения: 17.07.2022).

Следует отметить, что деятельность международных организаций постоянно совершенствуется в организационно-правовом плане. В частности, для достижения установленных целей создаются профильные органы. «Подобный конструктивный подход находит позитивный отклик у многих государств мира и международных организаций»³.

Эффективные механизмы контроля за соблюдением государствами соглашений в сфере ограничения ОМУ созданы в отношении Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. и Конвенция о запрещении химического оружия 1993 г. В отношении контроля за разработкой ядерного оружия Международное агентство атомной энергии (МАГАТЭ) осуществляет контроль за мирным применением ядерной технологии. В отношении химического оружия, которое находится под абсолютным запретом, контроль за соблюдением запрета на его использование, ликвидации его запасов, содействие развитию сотрудничества в области мирной химии, помощь государствам в обеспечении защиты от химического оружия, обеспечение нераспространения химического оружия осуществляет Организация по запрещению химического оружия (ОЗХО).

События, связанные с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 вновь заставляют задуматься о необходимости создания контрольного механизма Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1971 года. Известно, что международное право призвано не только поддерживать существующие и формировать новые отношения, но предупреждать появление отношений, противоречащих его целям и принципам, и функция предупреждения нежелательного развития событий является одной из основных функций международного права в целом.

Необходимость присутствия должного контроля со стороны мирового сообщества

³ Совместное заявление об укреплении диалога и сотрудничества по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе, по проблемам нераспространения и разоружения Президента Российской Федерации В. В. Путина, Председателя Европейского совета Г. Верхофстадта, при содействии Генерального секретаря Совета ЕС / Высокого представителя по вопросам общей внешней политики и политики в области безопасности ЕС Х. Соланы и Председателя Комиссии Европейских сообществ Р. Проди // Дипломатический вестник, № 11, 2001. С. 23–24.

за соблюдением положений Конвенции 1971 г. обосновывается также и положениями Устава ООН, в преамбуле которого указывается на решимость народов объединённых наций создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров. Сама по себе преамбула Устава ООН является не просто частью его контекста, она носит содержательный характер и может быть основой для создания материально-правовых норм. Таким образом, создание контрольного механизма будет способствовать реализации и общепризнанных принципов международного права, в первую очередь, принципа добросовестного выполнения международных обязательств.

Заключение

Подводя итог проведенного анализа юридического регулирования оборота оружия массового уничтожения, можно указать на системный характер соответствующих международных правовых основ. Таким образом, обеспечение и поддержание безопасности государства как элемента мирового сообщества требует принятия как основополагающих универсальных международных соглашений, так и значительного количества двухсторонних международных договоров, а также активной правотворческой деятельности международных организаций на глобальном и региональном уровнях. Кроме того, можно сделать ряд следующих выводов:

1. Правовое регулирование вопросов, связанных с оборотом оружия, является не только актуальным вопросом нынешней международной правовой жизни. Оно сущностно присуще международному праву и соответственно имманентно безопасности современного государства как элементу мирового сообщества. Следует помнить, что международное право изначально создавалось как право войны и мира. Соответственно, изначально в нем особое внимание уделялось совершенствованию механизма контроля над распространением и совершенствованием орудия войны. При этом, кроме отдельных государств, значительный вклад в этот процесс внесли иные элементы мирового сообщества как на глобальном, региональном и национальном уровнях — система ООН (ранее Лига наций), международные, региональные и национальные организации и учреждения, а также неправительственные организации и учреждения. Таким образом, со временем сформировался значительный спектр правовых норм, а также различных организационных механизмов,

направленных на обеспечение легального оборота оружия.

2. Современная тенденция организационно-правовых основ регулирования вопросов оборота ОМУ позволяет говорить о наличии двух, в чем-то противоречивых тенденций.

Первая — полное запрещение всего ОМУ, которое, по сути, доступно в современных условиях для разработки большинству государств. Без сомнения, на полный запрет ОМУ изъявила согласие значительная часть мирового сообщества. Последним ярким примером подобной тенденции является Договор о запрещении ядерного оружия, который был открыт подписания 20 сентября 2017 г.

Однако, отказ ряда государств-участников «ядерного клуба» от его подписания позволяет говорить о наличии второй тенденции — ограничение в обороте того оружия, на запрет которого еще недостаточно политической воли государств. Условиями существования последней является, во-первых, владение таким ОМУ рядом государств как залог обеспечения национальной безопасности и соответственно поддержания суверенитета (ядерное оружие), а во-вторых, отсутствие консенсуса в некоторых аспекта оборота ОМУ (биологическое оружие).

3. В международных правовых актах рассмотренной сферы конкретный объект безопасности не обозначен. При этом вопрос определения объекта безопасности в международном праве представляет значимый академический интерес [5, с. 105]. На наш взгляд, в данном вопросе следует опираться на декларируемую в международных соглашениях цель «достижения эффективного прогресса в направлении всеобщего и полного разоружения под строгим и эффективным международным контролем, включая запрещение и ликвидацию всех видов оружия массового уничтожения». В частности, об этом говорится в Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13 января 1993 г., Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении от 10 апреля 1972 г. и Договоре о запрещении ядерного оружия от 20 сентября 2017 г. Соответственно в качестве общего объекта безопасности можно обозначить международный правопорядок, а в качестве конкретного частного объекта устоявшийся принцип характерный для всего современного международного права — *pacta sunt servanda*.

В целях реализации принципа добросовестности в отношении международных обязательств в сфере производства и оборота бактериологического (биологического) и токсинного оружия необходим должный международный контроль. Создание контрольного

механизма, подобного ОЗХО и МАГАТЭ позволит предупреждать возможные нарушения Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1971 года.

Список источников

1. Магденко А. Д., Алимов А. А. Мировое сообщество: конституционный статус России и вопросы международно-правовой защиты // Социум и власть. 2013. № 6 (44). С. 79–83.
2. Тарасов К. С. Политика контрраспространения США в конце XX — начале XXI вв. // Вестник МГИМО-Университета. № 1 (28). 2013. С. 229–235. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-1-28-229-235>
3. Бердыев М., Прохорова М. Инициатива по безопасности в области распространения ОМУ: взгляд из России // Ядерный Контроль. 2005. № 3. С. 69–78.
4. Сообщение МИД России от 31.05.2004 «Об участии России в Инициативе по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения» // Дипломатический вестник. 2004. № 6. С. 113–114.
5. Юнусов А. А., Юнусов С. А., Алимов А. А. К вопросу об объекте безопасности в международном праве // Современное право. 2019. № 11. С. 105–113.

Вклад авторов

Алимов А. А. — концепция работы; сбор, анализ и интерпретация результатов работы, написание текста, согласие нести ответственность за все аспекты работы, надлежащее изучение и решение вопросов, связанных с достоверностью данных или целостностью всех частей статьи.

Магденко А. Д. — научное редактирование окончательного варианта статьи для публикации, согласие нести ответственность за все аспекты работы, надлежащее изучение и решение вопросов, связанных с достоверностью данных или целостностью всех частей статьи.

Конфликт интересов

Конфликт интересов отсутствует.

Authors' contributions

Alimov A. A. — the concept of work; collection, analysis and interpretation of the results of the work, writing the text, agreement to be responsible for all aspects of the work, proper study and resolution of issues related to the reliability of data or the integrity of all parts of the article.

Magdenko A. D. — approval of the final version of the article for publication, agreement to be responsible for all aspects of the work, proper study and resolution of issues related to the reliability of data or the integrity of all parts of the article.

Conflict of interests

No conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 25.07.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 18.08.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.08.2022.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЕАЭС

Ирина Владимировна Хмил

*Следственный отдел по Симферопольскому району
Главного следственного управления Следственного комитета России
по Республике Крым и г. Севастополю, Симферополь, Республика Крым, Россия
irina_hmyl5@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы международно-правового регулирования образовательной интеграции стран-членов Евразийского Экономического Союза (далее — ЕАЭС), установления единых евразийских образовательных стандартов и реализации совместных образовательных программ стран ЕАЭС. Автором проведен сравнительно-правовой анализ общеевропейского и евразийского образовательного пространства, на основе которого определены тенденции дальнейшего сотрудничества стран-членов ЕАЭС по формированию регионально-правового обеспечения евразийской образовательной интеграции. В работе анализируются основные направления образовательной интеграции стран-членов ЕАЭС, показаны проблемы ее реализации и существующие на сегодняшний день барьеры в создании единого образовательного пространства ЕАЭС. Обращается внимание на необходимость принятия Соглашения по реализации перекрестного образования странами ЕАЭС, с целью формирования его кадрового потенциала и повышения международного авторитета и конкурентоспособности. На основе проведенного анализа автором сформулированы выводы, содержащие предложения по усовершенствованию международно-правового регулирования образовательной интеграции ЕАЭС, созданию единого механизма образовательного сотрудничества по выработке евразийских стандартов образования с целью устранения препятствий взаимного признания документов об образовании, ученых степеней и ученых званиях, а также с целью повышения конкурентоспособности образовательной среды и рынка труда ЕАЭС.

Ключевые слова: право на образование, образовательная интеграция, ЕАЭС, евразийское право

Для цитирования: Хмил И. В. Международно-правовые аспекты образовательной интеграции ЕАЭС // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 101–107.

Research article

INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF EDUCATIONAL INTEGRATION OF THE EAEU

Irina V. Khmil

*Investigative Department for Simferopol district Main Investigative Directorate
of the Investigative Committee of Russia Republic of Crimea and Sevastopol,
Simferopol, Republic of Crimea, Russia
irina_hmyl5@mail.ru*

Abstract. The article deals with topical issues of international legal regulation of educational integration of the member states of the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as the EAEU), the establishment of common Eurasian educational standards and the implementation of joint educational programs of the EAEU countries. The author conducted a comparative legal analysis of the pan-European and Eurasian educational space, on the basis of which the trends

of further cooperation of the EAEU member states on the formation of regional legal support for Eurasian educational integration were determined. The paper analyzes the main directions of educational integration of the EAEU member states, shows the problems of its implementation and the barriers existing today in the creation of a unified educational space of the EAEU. Attention is drawn to the need to adopt an Agreement on the implementation of cross-education by the EAEU countries, in order to form its human resources and increase its international prestige the educational environment and the labor market of the EAEU.

Keywords: right to education, educational integration, EAEU, Eurasian law

For citation: Khmil IV. International legal aspects of educational integration of the EAEU. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(3):101-107. (In Russ.)

Введение

Международно-правовое оформление евразийской образовательной интеграции на сегодняшний день представляется одним из перспективных направлений, нацеленном на достижение, обозначенных в Договоре об ЕАЭС¹ целей создания единого экономического пространства, эффективной системы обмена квалифицированными кадрами, объединение ресурсов стран-участников. По словам А. Р. Дарбинян для достижения вышеуказанных целей необходимо создание особой «технологической цепочки»². Для этого требуется наличие «стимулятора», способного обеспечить подготовку кадрового ресурса, единое трудовое и экономическое пространство. Таким стимулятором выступает образование. В этой связи тема правового сотрудничества в сфере образовательной интеграции евразийского пространства, как основы для дальнейшего интеграционного процесса ЕАЭС, представляется актуальной для дальнейшего рассмотрения.

Постановка проблемы

ЕАЭС является молодой и динамично развивающейся региональной организацией. Для Российской Федерации сотрудничество в евразийском направлении является приоритетным и соответствует национальным интересам [1, с. 7–8]. Кроме того, с учетом новых геополитических реалий, изменения вектора развития России, представляется необходимым более тесное политико-правовое сотрудничество ЕАЭС. Концентрация на евразийском сотрудничестве предполагает и совершенствование образовательной интеграции ЕАЭС.

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 04.04.2022).

² Евразийская интеграция: современные вызовы и новые горизонты : ежегодн. доклад интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации за 2016 г. С. 20.

На современном этапе развития ЕАЭС правовое закрепление образовательной интеграции носит фрагментарный характер. Договор об ЕАЭС не содержит в качестве самостоятельного интеграционного направления образовательную сферу [2, с. 51]. Об этом же говорится в отчете Евразийской экономической комиссии (далее — ЕЭК) первого этапа интеграционных процессов в ЕАЭС за 2015–2019 г.³ Кроме того, как указывает ЕЭК, ее полномочия в сфере образовательного сотрудничества не закреплены в ключевых документах ЕАЭС⁴. Указанные обстоятельства показывают проблему недостаточного институционально-правового обеспечения образовательной интеграции ЕАЭС.

Как отмечают В. И. Матвиенко, В. А. Садовничий «безусловным императивом» интеграционного процесса и основой будущего развитие ЕАЭС является образование⁵. Соглашаясь с мнением Н. Н. Зипунниковой о значимости образования «как скрепы, способной сформировать любое пространство» [3, с. 15], дальнейшее регионально-правовое сотрудничество ЕАЭС в сфере образования представляется стратегически важным, что обуславливает потребность в скорейшем разрешении обозначенных проблем.

Отметим, что региональное образовательное сотрудничество в рамках ЕАЭС основывается на Соглашении о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и ученых звания в ЕАЭС,

³ Меморандум по вопросам образовательного и научно-технологического сотрудничества на евразийском пространстве // ИА «Северная Звезда». URL: https://nstar-spb.ru/news/federal/podpisan_memorandum_po_voprosam_obrazovatel'nogo_i_nauchno_tekhnologicheskogo_sotrudnichestva_na_evra/ (дата обращения: 04.04.2022).

⁴ Доклад Департамента макроэкономической политики Евразийской экономической комиссии по вопросу взаимного информирования о планах в области фундаментальных и прикладных научных исследований. С. 25.

⁵ Евразийская интеграция: современные вызовы и новые горизонты. С. 18.

которое реализуется в части не противоречащей Договору о ЕАЭС. Это показывает, что пока целостная нормативная база и институциональные основы образовательного пространства ЕАЭС отсутствуют.

Таким образом, сектор образования остается в сфере компетенции государств-членов ЕАЭС. Представляется, что разрешение проблемы правового оформления образовательной интеграции ЕАЭС будет способствовать развитию образовательного сектора Российской Федерации, а также позволит сформировать полноценный интеграционный процесс ЕАЭС, что повысит потенциал и авторитет ЕАЭС.

Описание исследования

Думается, что в настоящее время возникла необходимость выделения в рамках ЕАЭС образовательной интеграции в качестве самостоятельного направления. Это определяется следующими обстоятельствами.

Во-первых, общее образовательное пространство способствует совместной разработке инновационных технологий и технологического прорыва, что необходимо для современного инновационно-направленного экономического развития. Как отмечается в докладе Департамента макроэкономической политики ЕЭК, одним из наиболее перспективных видов деятельности с точки зрения возможностей инновационного технологического развития является образование, которое целесообразно рассматривать как возможность реализации совместных межгосударственных проектов и инновационно-технологического развития ЕАЭС¹. Кроме того, Председатель Коллегии ЕЭК М. В. Мясникович отметил, что «сотрудничество в области образования и науки стран-членов ЕАЭС позволяет создавать конкурентоспособные наукоемкие технологии и внедрять инновационные разработки во все сферы экономической интеграции»².

¹ Мониторинг технологических разработок инновационных компаний и внедрение современных методов технологического прогнозирования в целях информационного обеспечения развития экономик государств-членов на передовой технологической основе : доклад Департамента макроэкономической политики Евразийской экономической комиссии. С. 26–29.

² Научно-техническое сотрудничество — в фокусе внимания Михаила Мясниковича в рамках визита в Минск // ЕЭК : [сайт]. URL: https://eec.eaeunion.org/news/nauchno-tekhnicheskoe-sotrudnichestvo-v-fokuse-vnimaniya-mikhaila-myasnikovicha-v-ramkakh-vizita-v-m/?sphrase_id=81160 (дата обращения: 04.04.2022).

Во-вторых, образование является основой для подготовки квалифицированных кадров, способных обеспечить адекватный ответ на стремительно развивающиеся условия функционирования экономики и рынка труда, что во многом предопределяет высокие производительность и квалифицированность труда, в том числе и на цифровом рынке [4, с. 200]. Так, в этой связи Евразийский экономический совет отметил, что квалификация и навыки трудовых ресурсов окажут существенное влияние на эффективность процессов трансформации экономики, что повлечет за собой необходимость создания условий для развития профессиональных цифровых навыков и творческого потенциала людей, которые являются важными составляющими для последовательного повышения производительности труда³.

В-третьих, как продолжение предыдущего суждения, цифровая трансформация общества предполагает развитие образовательной сферы для соответствия новым требованиям информационного и технологического прогресса. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (далее — Стратегия 2025), одним из направлений выделяют проведение совместных исследований государств-членов ЕАЭС в сфере научно-технологического и инновационного развития на основе совместно определяемых приоритетов научно-технологического прогресса⁴. Это, в свою очередь, как отмечает Департамент макроэкономической политики ЕЭК⁵, а также согласно совместным исследованиям Всемирного банка и ЕЭК⁶, создает условия для повышения рейтинга евразийской системы

³ Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г. (утв. Решением Высшего евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 2).

⁴ О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года : Решение Высшего евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 // Правовой портал Евразийского экономического союза. URL: <https://docs.eaeunion.org> (дата обращения: 04.04.2022).

⁵ Доклад Департамента макроэкономической политики Евразийской экономической комиссии по вопросу взаимного информирования о планах в области фундаментальных и прикладных научных исследований. С. 27–28.

⁶ Обзор совместного исследования Всемирного банка и Евразийской экономической комиссии : Цифровая повестка ЕАЭС 2025: перспективы и рекомендации // ЕЭК : [сайт]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/Pages/digital_agenda.aspx (дата обращения: 04.04.2022).

образования в мировом образовательном пространстве.

В-четвертых, развитие образовательной интеграции позволяет повысить мобильность педагогического состава, увеличить образовательный туризм, а также привлечь в экономику государств дополнительные доходы [4, с. 199]. Особую роль образовательной интеграции отмечает бывший советник Президента РФ (2012–2019 гг.), действующий член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК С. Ю. Глазьев. Так, он отмечает, что «образовательное пространство является действенным способом для эффективного диалога между представителями различных культур. В силу этого залогом успешного сотрудничества в международной сфере, в сфере функционирования единых рынков товаров, услуг и капитала является консенсус между государствами на основе эффективного сопряжения образовательных и научно-технических политик» [5, с. 47]¹.

Представляется необходимым совершенствовать международно-правовое обеспечение в рамках ЕАЭС и механизмы образовательной интеграции по следующим, наиболее актуальным и важным направлениям.

Во-первых, гармонизация образовательных программ стран ЕАЭС, а также создание эффективного механизма эквивалентности документов об образовании, ученых званиях и ученых степенях. Так, в 2005 году была предпринята попытка создать правовую основу для эквивалентности документов об ученых степенях². Тем не менее, как было указано ранее в настоящей работе, единого правового документа, регламентирующего прямое признание документов об ученых степенях в рамках ЕАЭС так и не был создан. Отсутствие единого правового регулирования эквивалентного признания документов об ученых званиях и ученых, как неоднократно отмечается в докладах ЕЭК порождает множество проблем и барьеров [6, с. 78], например, таких, как право государства проводить дополнительную экспертизу диссертаций по присуждению ученых степеней другого государства, а также наличием разноуровневых систем

¹ Из интервью советника Президента РФ С. Ю. Глазьева корреспонденту Московского комсомольца от 29 декабря 2016 г. //МК.RU. URL: <http://www.mk.ru/> (дата обращения: 04.04.2022).

² Соглашение о механизме взаимного признания и установления эквивалентности документов об ученых степенях в государствах-членах Евразийского экономического сообщества (Душанбе, 27 сентября 2005 г.) // Бюллетень международных договоров. 2008. № 9. С. 3–4.

образования. Кроме того процедура нострификации (признания) различается в странах ЕАЭС по степени сложности и длительности, что усложняет передвижение в пространстве ЕАЭС работников высшей научной квалификации³.

На сегодняшний день страны ЕАЭС заключают двусторонние соглашения о взаимном признании документов об ученых званиях и степенях⁴. Наличие таких соглашений говорит о стремлении стран членов-ЕАЭС к правовой регламентации отношений по взаимному признанию документов об ученых званиях и ученых степенях, что в свою очередь является возможностью создания единого правового документа для всех ЕАЭС. Тенденция к созданию единого правового документа ЕАЭС была отражена в Стратегии 2025 и поддержана Коллегией ЕЭК, которая рассмотрела проект Соглашения о взаимном признании документов об ученых степенях в странах ЕАЭС⁵.

Пока неразрешенным остается вопрос о синхронизации образовательных программ и взаимном признании документов об образовании, которое также сталкивается с выше-названными проблемами. Думается, что данное направление также нуждается в правовом регулировании, что объясняется следующим.

Синхронизация образовательных программ служит развитию академической мобильности и неразрывно связана с процессом эквивалентности, признания документов

³ В странах ЕАЭС будет действовать прямое признание документов об ученых степенях. // ЕЭК : [сайт]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/v-stranakh-eaes-budet-deystvovat-pryamoe-priznanie-dokumentov-ob-uchenykh-stepenyakh/> (дата обращения: 04.04.2022).

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях (Ереван, 15 сентября 2001 г.) // Бюллетень международных договоров. 2002. № 7 ; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях (Москва, 27 февраля 1996 г.) // Бюллетень международных договоров. 1996. № 6. С. 60.

⁵ В странах ЕАЭС будет действовать прямое признание документов об ученых степенях. // Евразийская экономическая комиссия // ЕЭК : [сайт]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/v-stranakh-eaes-budet-deystvovat-pryamoe-priznanie-dokumentov-ob-uchenykh-stepenyakh/> (дата обращения: 04.04.2022) ; О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года : Решение Высшего евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12. // Правовой портал Евразийского экономического союза <https://docs.eaeunion.org> (дата обращения: 04.04.2022).

об образовании, ученых званиях и ученых степенях. Развитие партнёрских отношений между вузами стран ЕАЭС, реализация совместных образовательных программ, программ академического обмена позволяет обеспечить создание единого подхода к организации системы и реализации образования в странах ЕАЭС [2, с. 53].

Нацеленность на разрешение существующих проблем поставлена в Стратегии 2025, где отмечается, что перспективными направлениями интеграции ЕАЭС является проведение анализа сопоставимости систем и программ образования государств-членов, проработка вопроса о необходимости последовательного сближения государствами-членами квалификаций специалистов в различных видах профессиональной деятельности для повышения эффективности функционирования рынка трудовых ресурсов в рамках ЕАЭС.

В этой связи интересным является опыт Болонского процесса в части создания системы понятных и сопоставимых ступеней получения образования для содействия трудоустройству граждан. Некоторые страны ЕАЭС в разное время присоединились к Болонскому процессу (Армения в 1999 г., Россия в 2003 г., Казахстан в 2010 г.)¹, что позволяет сделать вывод о его применимости и возможности использования при создании правового документа об унификации программ образования в рамках ЕАЭС [7, с. 268; 3, с. 15]. Думается, что ЕАЭС также нуждается в подобной системе унифицированных образовательных стандартов с целью устранения существующих барьеров в образовательной интеграции, а также с целью повышения взаимного и легального трудоустройства граждан в странах ЕАЭС.

Во-вторых, создание институциональных основ образовательного сотрудничества стран ЕАЭС. Пока, в ЕАЭС отсутствует специализированный международно-правовой механизм образовательного сотрудничества. Институты ЕАЭС, например ЕЭК, обладают лишь косвенной компетенцией в области образовательной интеграции. Отметим, что попытка к созданию институциональной основы образовательной интеграции была предпринята в 2016 году, путем проведения встречи министров образования и науки стран ЕАЭС, по итогам которой был принят Меморандум

о сотрудничестве по вопросам образовательного и научно-технологического сотрудничества (далее — Меморандум) декларативно заявляющего о формировании консультативных советов в сфере высшего образования и науки². Однако, до настоящего времени подобного международно-правового механизма ЕАЭС по вопросам образования не создано.

В этой связи для формирования единого образовательного пространства представляется необходимым сформировать международно-правовой механизм образовательного сотрудничества. Такой международно-правовой механизм может быть представлен двумя способами:

1. регулярное проведение совещаний министров образования и науки стран-членов ЕАЭС;

2. создание вышеуказанного Консультативного совета по вопросам образования и науки (далее — Консультативный совет).

Наиболее перспективным представляется образование Консультативного совета. При этом, отметим, что Консультативный совет не должен ограничиваться определенным уровнем образования, как это было заявлено в Меморандуме, а иметь компетенцию на разрешение вопросов получения образования на всех его уровнях. Кроме того, в состав Консультативного совета по вопросам образования предлагается включение не только министров образования и науки стран ЕАЭС, но и представителей образовательных учреждений, научных работников.

Создание такого международно-правового механизма позволит усовершенствовать правовую основу образовательной интеграции, путем разработки проектов международных документов ЕАЭС по вопросам образовательного сотрудничества. Также Консультативный совет, имея в своем составе представителей национальных органов по вопросам образования и образовательных организаций, будет иметь возможность сформировать нормативное выражение образовательных стандартов стран-членов ЕАЭС и их сопоставимость. Кроме того, наличие международно-правового механизма ЕАЭС в сфере образовательной интеграции будет служить основой для разрешения

¹ Страны-участницы Болонского процесса // Санкт-Петербургский государственный университет. URL: <http://bologna.spbu.ru/members.html> (дата обращения: 04.04.2022).

² Меморандум по вопросам образовательного и научно-технологического сотрудничества на евразийском пространстве // ИА «Северная Звезда». URL: https://nstar-spb.ru/news/federal/podpisan_memorandum_po_voprosam_obrazovatel'nogo_i_nauchno_tekhnologicheskogo_sotrudnichestva_na_evra/ (дата обращения: 04.04.2022).

возникающих барьеров в получении образования, признании документов об образовании, ученых званиях, ученых степенях, а также трудоустройства на основе указанных документов.

В-третьих, подготовка «евразийских кадров». Важность данного направления образовательной интеграции вызывается отсутствием специалистов по евразийскому праву, способных заполнить кадровый резерв институциональных органов ЕАЭС [9, с. 166]. Кроме того, это позволит сформировать целостную систему знаний о структуре ЕАЭС, его праве, интеграции, что необходимо для правильного понимания и ориентации обучающихся с целью повышения авторитета и конкурентоспособности, в том числе образовательной и рынка труда, ЕАЭС.

На сегодняшний день образовательные учреждения высшего образования реализуют специальные магистерские образовательные программы по евразийскому праву¹. Однако, это представляется недостаточным в целях образовательной интеграции ЕАЭС.

Думается, что для совместной подготовки кадров стран-членов ЕАЭС требуется унифицированная система, построенная по принципу единых программ «перекрестного обучения», в рамках которой реализовывались бы собственные образовательные программы, так и других стран-членов ЕАЭС [10, с. 184]. Так, идея о реализации совместной подготовки кадров стран-членов ЕАЭС была выдвинута А. Н. Морозевичем на форуме деловых людей государств-членов Единого экономического пространства в 2013 году². Тем не менее, реальной реализации такая система подготовки кадров пока не получила и находится

на стадии выработки социально-общественных подходов³.

Тем не менее, на современном этапе совместная подготовка евразийских кадров является крайне актуальной. Как отмечает В. А. Никонов (2013–2021 — Председатель комитета Государственной Думы РФ по образованию; 2021 — н. в. — Первый заместитель председателя комитета Государственной Думы по международным делам) на данный момент существует большая потребность, выраженная уже в прямых просьбах, предложениях со стороны руководства интеграционных структур ЕАЭС, в подготовке кадров для работы в этих структурах и для повышения их квалификации⁴.

Думается, что правовое основание реализации совместного обучения кадрового потенциала ЕАЭС предполагает принятие Соглашения о реализации совместных образовательных программ обучения специалистов права ЕАЭС. Данное Соглашение позволит сформировать организационное, техническое и учебно-методическое обеспечение реализации образования позволяющего взаимное привлечение сотрудников образовательных учреждений стран-членов ЕАЭС к преподаванию дисциплин, а также механизм согласования совместных учебных программ евразийского права.

Заключение

Подведем итоги.

Во-первых, образование играет одну из ключевых ролей в интеграции с целью создания единого образовательного, научного пространства, единого рынка труда и мобильности кадров в ЕАЭС. Однако, анализ евразийского опыта образовательной интеграции показал, что она в настоящее время не достаточно развита в качестве самостоятельного направления, что выражается в недостаточно оформленной регионально-правовой основы.

Во-вторых, предлагается использовать позитивный опыт Болонского процесса для гармонизации образовательных программ стран-членов ЕАЭС. Предпосылки для его использования основываются на вступлении в Болонский процесс некоторых стран-членов ЕАЭС.

Установлено, что в ЕАЭС отсутствует подобный нормативно унифицированный

¹ Юрист в сфере международного бизнеса и евразийской интеграции : магистерская программа кафедры международного права Российского Государственного Университета Правосудия // РГУП : [сайт]. URL: <https://rgup.ru/?mod=pages&id=5621> (дата обращения: 04.04.2022) ; Евразийская интеграция: политика, право, торгово-экономическое взаимодействие : магистерская программа ТГУ // Центр евразийских исследований ТГУ : [сайт]. URL: <https://eurasian-studies.tsu.ru/magistratura/> (дата обращения: 04.04.2022) ; Международное право и право интеграционных объединений : магистерская программа БФУ им. И. Канта // БФУ им. И. Канта : [сайт]. URL: <https://kantiana.ru/abiturientu/obrazovatelnye-programmy/mezhdunarodnoe-pravo-i-pravo-integracionnyh-obedineni/#> (дата обращения: 04.04.2022).

² Форум деловых людей государств-членов Единого экономического пространства // БелИСА : [сайт]. URL: http://belisa.org.by/ru/actions/conference/Forum_31_05_2013.html (дата обращения: 04.04.2022).

³ Евразийская экономическая перспектива : материалы Четвертого Международного форума (Санкт-Петербург, 19 мая 2016 г.). Москва : Издание Государственной Думы, 2016. 240 с.

⁴ Евразийская интеграция: современные вызовы и новые горизонты : ежегодный доклад интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации за 2016 г. С. 18.

механизм и евразийские стандарты образования. Это порождает барьеры по признанию документов об образовании и трудоустройстве граждан стран-участниц ЕАЭС.

В-третьих, как продолжение предыдущих выводов, для создания собственного самостоятельного правового механизма образовательной интеграции ЕАЭС требуется:

— разработка международно-правовых документов по гармонизации образовательных программ и устранению барьеров по взаимному признанию документов об образовании, ученых званиях и ученых степенях;

— принятие Соглашения о совместной подготовке специалистов евразийского права по программам перекрестного обучения.

Список источников

1. Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России : докл. к XX Апрельской междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 9–12 апреля 2019 г.) / Т. В. Бордачев, К. О. Вишневский, М. К. Глазатова [и др.] ; отв. ред. Т. А. Мешкова. Москва: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2019. 125 с.

2. Шугуров М. В., Шугурова И. В. Научно-образовательная интеграция ЕАЭС как фактор технологической модернизации: правовые и организационные вопросы // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2020. № 3. С. 37–68.

3. Зипунникова Н. Н. Роль образования и науки в формировании европейско-азиатского пространства (историко-юридические аспекты) // Евразийский юридический журнал. 2010. № 7 (26). С. 15–19.

4. Кранова Г. А., Полушкина Е. А. Образовательные альянсы Европейского Союза и Евразийского Экономического Союза: состояние и перспективы разрешения // Экономика науки. 2015. Т. 1, № 3. С. 198–210.

5. Глазьев С. Ю., Чушкин В. И., Ткачук С. П. Европейский союз и Евразийское экономическое сообщество: сходство и различие процессов интеграционного строительства. Москва : ВИКОР МЕДИА, 2013. 240 с.

6. Либерализация сектора услуг по проведению научно-исследовательских работ и внедрению в области общественных и гуманитарных наук в Евразийском экономическом союзе : монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д. В. Винницкого. Екатеринбург : Издательство Савицкого А. И., 2019. 365 с.

7. Нургалиева Ж. Е., Турегельдинова А. Ж. Модель развития высшего образования в Евразийском Экономическом Союзе // Образование и обучение: методология, теория, технология. 2018. № 1. С. 266–271.

8. Курбанов Р. А. Евразийское право. Теоретические основы : монография. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 847 с.

9. Андриянов Д. В. Евразийский экономический союз: борьба за «третье пространство» и интеграция через право // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3 (88). С. 163–172.

10. Тулейко Е. В. Система совместной подготовки кадров государств-членов ЕАЭС // Современная Европа. 2020. № 3. С. 181–187.

Конфликт интересов. Конфликт интересов в материалах данной научной статьи отсутствует.

Conflict of interest. There is no conflict of interest in the materials of this scientific article.

Дата поступления статьи / Received: 10.04.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.06.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.08.2022.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОРЯДКА: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Научная статья
УДК 343.1

С. 108–113

КАТЕГОРИЯ «ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ»

Александра Владимировна Никулина

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
uptotheair96@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9297-5419>*

Аннотация. Актуальность изучения категории «злоупотребление правом» во многих отраслях права повышается с каждым годом, поскольку данное явление присуще праву во всех отраслях. Многие ученые занимаются изучением вопроса о сущности и содержании данной категории, тем самым привнося свой вклад в развитие научного потенциала категории. *Цель статьи:* на основе анализа нормативно-правовых актов и научных работ, определить особенности применения термина «злоупотребление правом в уголовном процессе» в отношении злоупотребления должностными полномочиями в уголовном процессе, а также возможность объединения данных категорий более широкой «злоупотребление уголовно-процессуальным положением», рассмотреть употребление термина «полномочие» в отношении субъектов, не наделенных властным положением.

Методы исследования: в статье применялись методы анализа и синтеза для изучения применения в научных работах термина «злоупотребление правом» в отношении должностных лиц и других участников уголовного процесса, применялся сравнительно-правовой метод для изучения терминов «полномочие» и «правомочие», на основе системного анализа выявлена новая категория, объединяющая изучаемые категории.

Результаты: в статье определяется общность и различие исследуемых объектов, а также предлагается введение категории «злоупотребление уголовно-процессуальным положением», закрепляющей общность данных объектов. Путем исследования терминологии, применяемой в сфере действия исследуемых объектов выявлена коллизия в нормативно-правовой сфере относительно применения термина «полномочие» в ст. 6 ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», предлагаются соответствующие изменения в нормативно-правовой акт. **Вывод:** настоящее исследование имеет теоретическую значимость в дальнейшем изучении категории «злоупотребление правом в уголовном процессе», а также практическую значимость в виде предложений о внесении изменений в нормативно-правовой акт.

Ключевые слова: злоупотребление правом, злоупотребление должностными полномочиями, злоупотребление уголовно-процессуальным положением, полномочие, правомочие

Для цитирования: Никулина А. В. Категория «злоупотребление уголовно-процессуальным положением» // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 108–113.

Research article

CATEGORY “ABUSE OF THE CRIMINAL PROCEDURAL STATUS”

Alexandra V. Nikulina

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
uptotheair96@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9297-5419>*

Abstract. The relevance of studying the category of “abuse of law” in many branches of law is increasing every year, since this phenomenon is inherent in law in all branches. Many scientists

---

© А. В. Никулина

are studying the question of the essence and content of this category, thereby contributing to the development of the scientific potential of the category. *The purpose of the article:* based on the analysis of normative legal acts and scientific papers, to determine the specifics of the use of the term “abuse of law in criminal proceedings” in relation to the abuse of official powers in criminal proceedings, as well as the possibility of combining these categories with a broader “abuse of criminal procedural status”, to consider the use of the term “authority” in relation to subjects, not endowed with a position of authority.

Research methods: the article used methods of analysis and synthesis to study the use of the term “abuse of law” in scientific works in relation to officials and other participants in criminal proceedings, a comparative legal method was used to study the terms “authority” and “competence”, a new category combining the categories under study was identified on the basis of system analysis.

Results: the article defines the commonality and difference of the objects under study, and also proposes the introduction of the category “abuse of criminal procedural status”, which fixes the commonality of these objects. By studying the terminology used in the scope of the objects under study, a conflict in the regulatory sphere regarding the use of the term “authority” in Article 6 of the Federal Law “On Advocacy and Advocacy” has been identified, and appropriate amendments to the regulatory legal act are proposed. *Conclusion:* this study has theoretical significance in the further study of the category of “abuse of law in criminal proceedings”, as well as practical significance in the form of proposals for amendments to the regulatory legal act.

Keywords: abuse of law, abuse of official authority, abuse of criminal procedural status, authority, competence

For citation: Nikulina AV. Category “abuse of the criminal procedural status”. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(3):108-113. (In Russ.)

Введение

В Конституции РФ указывается, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (п. 3 ст. 17 Конституции РФ¹), что по существу является одним из признаков злоупотребления правом. Действительно, в российском законодательстве существует несколько норм, закрепляющих категорию злоупотребления правом в виде запрета либо предупреждения такого поведения (ст. 10 ГК РФ², ст. 35 ГПК РФ³, ст. 41 АПК РФ⁴, ст. 201 УК РФ⁵ и др). Учитывая то, что

данные положения закреплены и в гражданском, и в арбитражном процессуальном праве, следует предположить, что в уголовно-процессуальном праве требуется также заложить принцип, закрепляющий содержание данной категории.

В большинстве своём, в научных статьях, диссертациях, монографиях и т. д., ученые придерживаются мнения, что злоупотребление правом может быть широким понятием, охватывающим злоупотребление правом и злоупотребление должностными полномочиями, может быть узким, охватывающим только злоупотребление правами участника уголовного процесса, имеющих круг прав и не имеющих властных функций.

В уголовном процессе действительно существует два вида субъектов: должностные лица, имеющие процессуальные полномочия, и лица, имеющие круг процессуальных прав и обязанностей. Это действительно важно для данного исследования, поскольку ответственность за злоупотребление конкретным субъектом зависит напрямую от того процессуального положения, которое он занимает, а также и ответственность разная для перечисленных выше субъектов. Тем самым, возникает необходимость разграничения таких видов злоупотребления.

В уголовном процессе сложилась довольно обширная практика применения термина «злоупотребление правом», при этом суды,

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 11.05.2022).

² Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть первая) : от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002 № 30. Ст. 3012.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

апеллируя данным понятием, не ссылаются ни на одну норму законодательства, потому как такой нормы нет в уголовно-процессуальном законодательстве. В данной статье анализируется действительно ли подходит данный термин для обозначения тех действий (бездействий), которые предполагаются под его значением.

Описание исследования

Злоупотребление правом является актуальной проблемой в научных кругах, для того чтобы изучить данную категорию ученые исследуют понятие, признаки, виды, субъекты, её сущность.

Субъектами при этом могут быть участники уголовного процесса, следуя из этой логики и из названия самой категории можно понять, что только те участники уголовного процесса, имеющие круг прав, иначе без принадлежащего участнику права, невозможно злоупотребить.

Относительно использования термина «злоупотребление правом» в отношении участников уголовного процесса, имеющих процессуальное положение, в состав которого входит круг прав, и участников уголовного процесса, имеющих круг полномочий, сложилось две точки зрения. Некоторые авторы используют понятие «злоупотребление правом в уголовном процессе» в широком смысле, включая в виды данной категории злоупотребление правом участниками уголовного процесса, не имеющих властных полномочий, и злоупотребление должностными полномочиями, что является не совсем корректно.

О. И. Даровских, к примеру, указывая классификацию злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве по субъектам включает в этот перечень должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, участников процесса и иных участников процесса [2, с. 9].

В. И. Кайнов, указывая классификацию злоупотребления правом в уголовном процессе, включает в неё злоупотребление правом со стороны обвинения, со стороны суда и со стороны защиты [5, с. 28]. На этот счет можно сказать, что некорректно использовать данную классификацию, поскольку к субъектам, злоупотребляющим правом в уголовном процессе, могут быть отнесены только те участники уголовного процесса, процессуальное положение которых определяется кругом прав и обязанностей в процессе, при этом суд и должностные лица со стороны обвинения имеют полномочия, предоставленные уголовно-процессуальным

правом, и если в процессе происходит ситуация злоупотребления субъектом, имеющим властные полномочия, из неё следует предусмотренная законодательством уголовная ответственность.

Л. И. Гадельшина указывает, что полномочие — это юридически закрепленная совокупность прав и обязанностей субъекта, которая связана с осуществлением им власти в сфере определенных общественных отношений [1, с. 121].

В толковом словаре Д. Н. Ушакова полномочие определяется как права, предоставленные должностному лицу или учреждению органами власти¹. Тем самым, автор утверждает, что полномочие равнозначное понятие с термином «права», хоть и с некоторыми дополнениями. Не можем согласиться с данной позицией, так как она стала неактуальна, поскольку кроме прав у должностного лица на сегодняшний день есть обязанности и полномочие — это как раз сочетание прав и обязанностей, которое неотделимо друг от друга.

Также во многих словарях мы находим определение, что полномочие — это какое-либо право, такая практика закрепилась переходом одного определения в другой и так далее, но специализированные словари гласят о том, что полномочие — это права и обязанности. К примеру, определяют полномочие как «предоставление государственному служащему в соответствии с занимаемой должностью права и возложение соответствующей юридической обязанности для совершения юридически значимого действия» [7].

С другой стороны, некоторые ученые опровергают идею того, что термин «злоупотребление правом» можно использовать в отношении участников уголовного процесса, которые имеют должностные полномочия. К примеру, А. Б. Диваев при этом, выражает свою точку зрения на этот счет, считая, что полномочия, которыми обладает должностное лицо невозможно называть правом, поскольку оно является и правом, и обязанностью одновременно [3, с. 35–42]. Мы согласны с данной точкой зрения, должностное лицо, участвуя в уголовном процессе, принимает на себя процессуальное положение, которое складывается из круга полномочий, из этого следует, что должностное лицо может злоупотреблять только должностными полномочиями, что в соответствии со ст. 201 УК РФ наказывается уголовной ответственностью.

¹ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва : Астрель : АСТ, 2000. 720 с.

Касательно же термина «полномочия», можно сказать, что полномочие является самостоятельной категорией, отделимой от категории «право».

Толковый словарь С. И. Ожегова указывает следующее определение термина: «Полномочие — официально предоставленное кому-н. право какой-н. деятельности, ведения дел»¹. Кроме того, что автор словаря указывает, что раскрываемое понятие равнозначно с понятием «право», не ограничивается круг субъектов, которые могут иметь и реализовать полномочие. То есть, исходя из тех источников, которые мы изучили, также складываются две точки зрения по субъектам полномочия: с одной стороны, некоторые ученые придерживаются точки зрения о том, что полномочия могут иметь только лица, выступающие от лица власти, с другой точки зрения — это неопределенный круг лиц. Мы придерживаемся первой точки зрения, поскольку именно государство наделяет какое-либо лицо полномочиями, соответственно субъектом может быть лицо, представляющее интересы государства, а именно имеющее властное положение в правовых отношениях.

Необходимо изучить также термин «полномочие», когда он употребляется в нормативно-правовых актах в отношении лиц, не характеризующимися властным положением. Кодекс профессиональной этики адвоката указывает «исполнение адвокатом возложенных на него полномочий... является его профессиональной обязанностью и не относится к трудовым отношениям» (п. 2 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката)². А также ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» в названии статьи, а также п. 1 указан термин «полномочия» адвоката³. При этом, поскольку мы уже установили тот факт, что термины «полномочие» и «право» разные, необходимо указать, что термин «полномочие» в отношении адвоката некорректен и вызывает коллизию относительно применения к защитнику (адвокату) мер уголовной ответственности по злоупотреблению должностными полномочиями, что будет неправомерно. Также, требуется сказать, что ст. 6

ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в РФ» закрепляется лишь термин «полномочие», без наделения его определенным смыслом, поскольку в п. 3 указанной статьи раскрываются права адвоката.

Необходимо отметить, что термин «полномочие» и термин «правомочие» в некоторых неспециализированных словарях наделяются одинаковым смыслом в определении данных терминов. Но специализированные юридические словари дают определение: «правомочие — предусмотренная законом возможность участника правоотношения совершать определенные действия или требовать известных действий от другого участника этого правоотношения»⁴. Соответственно, данный термин корректнее использовать в названии ст. 6 ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в РФ», так как он полностью раскрывает содержание указанной статьи.

Таким образом, термин «полномочие» некорректно используется в вышеуказанной статье, вызывает коллизию в правоприменительной практике и не раскрывает её правовое содержание, нами предлагается изменения к статье 6 ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в РФ» в части изменения названия «Полномочия адвоката» на «Правомочия адвоката».

Использование термина «злоупотребление правом» в широком смысле возможно, но при этом оно влечет за собой некоторые коллизии, относительно того, что при постановке вопроса о применении ответственности к лицу, обладающему полномочиями и совершившему злоупотребление, мы не можем применить определение «злоупотребление правом», всегда будет использоваться термин «злоупотребление должностными полномочиями».

Вообще, в уголовном процессе присутствуют три формы злоупотребления правом: злоупотребление полномочием должностными лицами стороны обвинения, злоупотребление полномочиями судом и злоупотребление правом участниками уголовного процесса. Для того, чтобы определить данные формы, предлагается использовать общий термин, обозначающий общее понятие указанных трех форм, — злоупотребление уголовно-процессуальным положением. Процессуальное положение при этом рассматривается как положение участника уголовного

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 1999. 940 с.

² Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 15.04.2021).

³ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

⁴ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. Москва: ИНФРА-М, 2007. С. 419.

процесса, имеющего и реализующего права, обязанности или полномочия.

При определении правового положения (статуса) авторы определяют его как систему элементов, состоящую из процессуальных прав и обязанностей, законных интересов, правовой ответственности, также некоторые добавляют к этому списку гарантии безопасности, независимости и неприкосновенности [6, с. 159]. Конечно, применимо к уголовному процессу, нельзя сказать, что участник может злоупотребить, к примеру, ответственностью или гарантиями безопасности, лицо может злоупотребить только правами либо полномочиями. При этом, данные права и полномочия продиктованы процессуальным положением (статусом) лица, который является участником уголовного процесса. Можно сказать, что лицо, представляя в процессе участника, имеет ряд элементов процессуального статуса и благодаря им чувствует этот пласт гарантий, продиктованных уголовно-процессуальным законом. И исходя именно из этого чувства и когда это сочетается в некоторых случаях с ощущением безнаказанности (без чувства ответственности), когда за определенные действия законодательством не установлена ответственность, возникает злоупотребление уголовно-процессуальным положением.

Большой юридический словарь определяет термин «положение» как нормативно-правовой акт, который детально регламентирует правовой статус¹. Правовой статус определяется как система признанных и гарантируемых государством прав, свобод и обязанностей, а также законных интересов человека как субъекта права². Конституционный словарь дает определение термина «статус» как оформленное нормативным правовым актом положение (отсюда правовое положение) органа, организации, объединения, должностного лица, личности (гражданина)³.

Л. П. Ижнина и И. М. Абазалиев в перечень элементов процессуального положения включают процессуальные права, свободы, законные интересы, гарантии и обязанности, при этом участник уголовного процесса должен обладать соответствующей правосубъектностью [4, с. 130–135]. Некоторые ученые, мнение которых мы разделяем, относительно подхода

к пониманию сущности правового статуса, указывают его как определенный круг прав и обязанностей, законных интересов и т. д., которые остаются неизменными (в основном это конституционные права) [8, с. 7]. Тем временем, сущность, и тем самым круг прав, обязанностей, законных интересов и др., правового положения изменяется в зависимости от того, в каком положении находится лицо, к примеру, в нашем случае участник уголовного процесса, который имеет правовое положение в соответствии с теми правами, обязанностями, законными интересами, гарантиями, которые закреплены в уголовно-процессуальных нормах.

Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу о том, что правовое положение — это система элементов: права, обязанности, ответственность, законные интересы, гарантии и правосубъектность лица, при этом вышеуказанные элементы могут изменяться и дополняться в зависимости от того, какое положение лицо занимает в правовых отношениях.

Вывод

Исходя из исследования, мы приходим к выводу о том, что проведенное исследование внесет определенных научный вклад в изучение категорий «злоупотребление правом» и «злоупотребление должностными полномочиями» в уголовном процессе.

Требуется дальнейшее исследование категории «злоупотребление уголовно-процессуальным положением», поскольку мы считаем, что данная категория несет в себе научный потенциал в том, чтобы объединить вышеуказанные категории и привести однозначное толкование термина «злоупотребление правом» относительно категорий участников уголовного процесса, не имеющих властных функций.

Практическую значимость исследованию добавляет изучение применения термина «полномочие» в ст. 6 ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в РФ» и изменение в названии статьи на «Правомочия адвоката».

Заключение

Мы приходим к выводу о том, что можно с полной уверенностью сказать, что термин «злоупотребление уголовно-процессуальным положением» корректный и представляет собой объединение двух основных форм: злоупотребление правом и злоупотребление должностными полномочиями в уголовном процессе.

А также термин «полномочие», который употребляется в статье 6 ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в РФ», кроме этого

¹ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. С. 399.

² Там же. С. 419.

³ Авакьян С. А. Конституционный лексикон : Государственно-правовой терминологический словарь. Москва : Юстицинформ, 2015. С. 593.

закреплен в п. 2 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, используется некорректно, вызывает правовую коллизию относительно применения термина на практике и не раскрывает правовое содержание статьи, нами предлагается изменения к статье в части замены термина «полномочие» на термин

«правомочие», поскольку в обоих источниках указанный термин используется в отношении наделения адвоката правами, но как было установлено в настоящей исследовании понятия «полномочие» и «право» не являются однородными и не применимы в ситуации определения круга прав термином «полномочия».

Список источников

1. Гадельшина Л. И. К вопросу о понятии «государственное полномочие» // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 2. С. 121–124.
2. Даровских О. И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 25 с.
3. Диваев А. Б. Злоупотребление правами участников судебного разбирательства уголовных дел в условиях состязательности // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 35–42.
4. Ижнина Л. П., Абазалиев И. М. Структурный анализ процессуального положения участника уголовного судопроизводства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 130–135.
5. Кайнов В. И. Злоупотребление правом в российской правовой системе : учебное пособие. Москва : Берлин : Директ-Медиа, 2020. 155 с. DOI: 10.23681/595444
6. Попова Т. Ю. Соотношение правового и процессуального статуса руководителя следственного органа // Известия Юго-Западного государственного университета. 2018. Т. 22, № 2. С. 158–165.
7. Элементарные начала общей теории права : учебное пособие для вузов / под общей ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Червонюка. Москва : КолосС, 2003. 544 с.
8. Якимов А. Ю. Статус субъекта права (теоретические вопросы) // Государство и право. 2003. № 4. С. 5–10.

Конфликт интересов. Конфликт интересов в материалах данной научной статьи отсутствует.

Conflict of interest. There is no conflict of interest in the materials of this scientific article.

Дата поступления статьи / Received: 14.05.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 23.05.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.08.2022.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СЕКСУАЛЬНЫЕ ДОМОГАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анастасия Александровна Юдина

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал),
Университет прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
nasya_goes@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5992-1585>*

Аннотация. В статье рассматривается проблема сексуальных домогательств в Российской Федерации и в зарубежных странах. Автор указывает, что к сексуальному домогательству относится достаточно широкий круг деяний, однако в настоящее время сексуальное домогательство в Российской Федерации криминализовано частично в статье 133 Уголовного Кодекса Российской Федерации — как понуждение к действиям сексуального характера. При этом данная статья в полной мере не может защитить от сексуальных домогательств. Согласно проведенному в ходе исследования интернет-опросу более 60 % респондентов указали, что в той или иной мере подвергались сексуальным домогательствам в общественных местах (на улице, в общественном транспорте, клубах, ресторанах и т. д.). При этом особое внимание в международном праве уделяется проблеме сексуальных домогательств на рабочем месте. В связи с этим автором предлагается криминализация отдельных деяний, относящихся к сексуальным домогательствам. В частности, предлагается ввести уголовную ответственность за конкретные сексуальные домогательства на рабочем месте и в общественных местах. Кроме того, по мнению автора, действующая статья 133 УК РФ также подлежит совершенствованию, поскольку последние изменения — введение квалифицированного состава, предусмотренного частью 3 статьи 133 УК РФ, несправедливо касаются только преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних лиц.

Ключевые слова: понуждение к действиям сексуального характера, сексуальный харассмент, харассмент, сексуальные домогательства, домогательство

Для цитирования: Юдина А. А. Некоторые вопросы совершенствования уголовной ответственности за сексуальные домогательства в российской федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 114–119.

Research article

SOME ISSUES OF IMPROVING CRIMINAL LIABILITY FOR SEXUAL HARASSMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Anastasiya A. Yudina

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
tatyasalniko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5992-1585>*

Abstract. The article deals with the problem of sexual harassment in the Russian Federation and in foreign countries. The author points out that a fairly wide range of acts refers to sexual harassment. The author notes that currently sexual harassment in the Russian Federation is criminalized in article 133 of the Criminal Code of the Russian Federation — as coercion to sexual acts. At the same time, this article cannot fully protect against sexual harassment. According to an Internet

survey conducted during the study, more than 60 % of respondents indicated that they had been sexually harassed in public places (on the street, in public transport, clubs, restaurants, etc.). At the same time, special attention in international law is paid to the problem of sexual harassment in the workplace. In this regard, the author proposes the criminalization of certain acts related to sexual harassment. In particular, it is proposed to introduce criminal liability for specific sexual harassment in the workplace and in public places. In addition, according to the author, the current article 133 of the Criminal Code of the Russian Federation is also subject to improvement, since the latest changes — the introduction of qualified personnel provided for in part 3 of Article 133 of the Criminal Code of the Russian Federation unfairly relate only to crimes committed against minors.

Keywords: coercion to sexual acts, sexual harassment, harassment, sexual harassment, harassment

For citation: Yudina AA. Some issues of improving criminal liability for sexual harassment in the Russian Federation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(3):114-119. (In Russ.)

Введение

Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности считаются одними из наиболее опасных преступлений против личности, так как последствия их совершения сказываются не только на здоровье, но и на психическом состоянии жертв сексуального насилия.

Психологи также отмечают, что рассматриваемые преступления психологически травмируют не только жертву, над которой совершено надругательство, но и ее (его) друзей, родственников и всех тех, кто вовлечен с ней (ним) в какие-либо отношения.

В отличие от пострадавших от других преступлений, пострадавшие от преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности зачастую не обращаются в государственные органы, боясь огласки и продолжения травмирующего опыта.

Согласно статистике МВД РФ о состоянии преступности в России число зарегистрированных изнасилований и покушений на изнасилования составило за 2021 год — 3457 преступлений, за январь — июнь 2022 года — 1724 преступлений. На наш взгляд данные показатели являются значительными с учетом высокой латентности рассматриваемых преступлений.

Ответственность за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности закреплена в главе 18 Уголовного Кодекса Российской Федерации, которая включает в себя 5 составов преступлений: статья 131 «Изнасилование», статья 132 «Насильственные действия сексуального характера», статья 133 «Понуждение к действиям сексуального характера», статья 134 «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста», статья 135 «Развратные действия».

При этом в мире становится все более обсуждаемая проблема сексуальных домогательств или согласно зарубежным источникам, сексуального харассмента.

Об актуальности данной проблемы свидетельствуют нормы международного права и законодательство зарубежных стран, предусматривающее ответственность за сексуальное домогательство (сексуальный харассмент).

Нормы международного права нацелены на защиту от сексуальных домогательств на рабочих местах.

Так, 21 июня 2019 года Международная организация труда (МОТ), специализированное учреждение ООН, приняла первую международную конвенцию о насилии и харассменте (сексуальных домогательствах) в профессиональной сфере. Текст был одобрен на ежегодном съезде МОТ, который проходит в Женеве. Новая конвенция применяется к случаям домогательств, имеющим отношение к профессиональной сфере, в том числе и в неприсутственных местах, если они используются для работы.

На сегодняшний день Российская Федерация не входит в перечень стран, ратифицировавших указанную конвенцию.

В некоторых странах уголовная ответственность наступает за сексуальные домогательства и в частной жизни.

Например, в 2019 году в уголовном кодексе Федеративной республики Германии появилась статья 184 i) «Сексуальные приставания». Данная норма предполагает запрет на прикосновения к другому человеку в сексуальной манере, которые могут его побеспокоить.

Статья 198 «Сексуальные домогательства» УК Швейцарии объединяет два состава преступления: 1) совершение в отношении кого-либо сексуальных действий против

его воли, что публично нарушает общественный порядок; 2) домогательство кого-либо насильственно или в грубой словесной форме.

Описание исследования

Что же понимается под сексуальным домогательством и может ли действующее уголовное законодательство обеспечить должный уровень защиты от посягательств подобного рода?

Д. В. Черняева отмечает, что «русскоязычная терминология в сфере преследований и сексуальных домогательств только начинает зарождаться и пока не отличается ни последовательностью, ни единообразием, ни общепризнанностью» [1, с. 14–31].

Так, С. В. Векленко и А. В. Стулов считают, что «сексуальные домогательства — это назойливые, надоедливые действия, направленные на реализацию целей, связанных с настойчивым, упорным стремлением добиться желаемого в сфере удовлетворения своих половых потребностей. Из этого определения можно сделать вывод, что признаками сексуальных домогательств являются: неоднократность совершения таких действий; негативное отношение объекта указанного стремления к этим действиям». [2, с. 11–16].

В свою очередь Д. А. Гнилицкая указывает, что «сексуальное домогательство есть нежелательное настойчивое стремление субъекта получить, расположение сексуального объекта любыми способами, исключаящими подавление или ограничение его воли» [3, с. 9].

По мнению О. Ведерникова под «сексуальными домогательствами» понимаются любые нежелательные прикосновения, поглаживания, поцелуи, а также оскорбительные намеки, шутки относительно половых особенностей, высказывания о внешнем виде, оскорбительные действия сексуального содержания, совершенные в присутствии потерпевшей стороны, непристойные жесты; нежелательные просьбы и требования сексуального характера [4].

М. М. Харитонов предлагает логически разделить все возможные формы проявления сексуального домогательства на четыре типа: нападение, принуждение, обсуждение, демонстрация. Под нападением он предлагает понимать «акт прямой физической или словесной сексуально окрашенной агрессии, например, нарушение личной неприкосновенности или оскорбление». Под принуждением предлагается понимать «понуждение к сексуальному взаимодействию посредством шантажа и иных угроз». Под использованием автор понимает «удовлетворение сексуальных

или иных инстинктов посредством обсуждения потерпевшего вопреки ее воле с третьими лицами в присутствии жертвы или с самой жертвой (например, это могут быть комментарии относительно пола, внешности, сексуальных пристрастий жертвы либо посредством тайного наблюдения за жертвой способом, вторгающимся в интимные сферы ее жизни (вуайеризм))». Под демонстрацией предлагается понимать «умышленное использование потерпевшей в качестве вынужденного зрителя сексуально атрибутированного поведения нарушителя или иных лиц (имитация полового акта, демонстрация половых органов или предметов эротического обихода, рассылка порнографических материалов и т. п.)» [5, с. 52–75].

Исходя из вышеуказанной классификации, можно сделать вывод, что в настоящее время в Российской Федерации сексуальное домогательство криминализировано частично в статье 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера».

Согласно ч. 1 ст. 133 УК РФ предусматривается ответственность, за понуждение лица к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей), в ч. 2 ст. 133 УК РФ предусматривается ответственность за то же деяние, совершенное в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней).

Не так давно федеральным законом от 06.03.2022 № 38-ФЗ (далее — Закон № 38-ФЗ) в указанную статью был введен новый квалифицированный состав, предусмотренный ч. 3 ст. 133 УК РФ.

Часть 3 ст. 133 УК РФ включает в себя деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 133 УК РФ, если оно совершено: а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; б) с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»; в) лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего.

Поскольку сам по себе Закон № 38-ФЗ содержит изменения уголовного и уголовно-процессуального кодексов, касающихся несовершеннолетних лиц, то соответственно ч. 3 ст. 133 УК РФ направлена на усиление ответственности за совершение преступлений только в отношении несовершеннолетних лиц.

При этом стоит обратить внимание, что квалифицирующие признаки, указанные п. «а», «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ могут быть применимы и в отношении совершеннолетних лиц на основании следующего.

Совершение понуждения к действиям сексуального характера группой лиц по предварительному сговору или организованной группой является более общественно опасным по сравнению с простым понуждением, даже если это понуждение совершено в отношении совершеннолетнего лица.

Использование при понуждении к действиям сексуального характера средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» помогает преступнику в некоторых случаях сохранить свою анонимность, быстро войти в доверие, а в случае шантажа распространить компрометирующие сведения для широкого круга лиц.

Согласно краткой характеристике состояния преступности в Российской Федерации за январь — июнь 2022 года, опубликованной на сайте МВД РФ, по-прежнему каждое четвертое преступление совершается с использованием ИТ-технологий.

Позиция законодателя обезопасить несовершеннолетних лиц является обоснованной, поскольку несовершеннолетние лица достаточно часто подвергаются понуждению к действиям сексуального характера в сети Интернет, но на наш взгляд при внесении подобных изменений необходимо учитывать интересы всех потенциальных жертв указанного преступления.

Возвращаясь к анализу уголовного закона на предмет наличия норм, касающихся защиты от сексуальных домогательств, стоит отметить, что в России правовое регулирование в сфере харассмента пока не так развито. Согласно статье 133 УК РФ сексуальный харассмент толкуется узко, только лишь как «понуждение к действиям сексуального характера». Согласно постановлению Пленума Верховного суда РФ от 04.12.2014 № 16 это требование независимо от наличия согласия или отказа потерпевшего лица совершить действия сексуального характера либо их реальное осуществление под угрозой: а) шантажа, б) уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с в) использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей).

Перечень названных способов понуждения является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит.

Как указал Верховный суд РФ в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ

от 06.05.1998, «диспозиция ст. 133 УК РФ связывает наличие состава с конкретными действиями сексуального характера, к совершению которых виновное лицо понуждает потерпевших не просто под угрозой, а путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевших»¹.

Поэтому справедливо отмечает А. В. Агафонов, что «назойливое, циничное, открытое предложение лица вступить с ним в сексуальный контакт при отсутствии шантажа, угрозы или не сопряженное с использованием материальной или иной зависимости потерпевшей стороны не образует объективную сторону рассматриваемого преступления» [6, с. 235].

На наш взгляд действующее уголовное законодательство требует совершенствования в области защиты граждан от сексуальных домогательств.

В ходе опроса, проведенного в сети Интернет среди 635 респондентов более 60 % в той или иной мере подвергались сексуальным домогательствам (нежелательным прикосновениями, демонстрацией половых органов и т. п.) в общественных местах (на улице, общественном транспорте, кафе, клубы, рестораны и пр.).

Таким образом, на наш взгляд необходимо включить в уголовный кодекс статью, которая бы предусматривала ответственность за уличный харассмент.

В судебной практике уже встречаются решения судов, когда подобные действия не считаются преступными в связи с отсутствием должного регулирования в этой области.

Так, суд первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.11.2020 по делу № 77-2364/2020 указал, что «вопреки доводам, изложенным в жалобе, действия потерпевшего, связанные с демонстрацией полового органа и высказанным им предложением, не носили насильственного характера и не представляли реальной угрозы для осужденной. Следовательно, в действиях ПРВ отсутствуют признаки преступления, предусмотренные ст. 133 УК РФ»².

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 1998 года. По уголовным делам // Верховный Суд РФ : [сайт]. URL: <https://www.vsr.ru/files/11657/> (дата обращения: 20.07.2022).

² Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.06.2020 по делу № 77-1042/2020 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=11666#rBJw4GTWMZmuPovn5> (дата обращения: 20.07.2022).

Поскольку особое внимание мировое общество сейчас уделяет защите от сексуальных домогательств на рабочем месте, то стоит отметить, что статья 133 УК РФ не может в полной мере обеспечить должную защиту и в этой области.

С одной стороны статья 133 УК РФ в качестве одного из способов понуждения указывает на наличие иной зависимости у жертвы преступления.

Под иной зависимостью, в юридической литературе понимается, в том числе и служебная зависимость (между начальником и подчиненным).

А. Н. Попов указывает, что «к уголовной ответственности за понуждение к совершению действий сексуального характера путем использования зависимости виновный подлежит только в том случае, когда он посягал на законные, правоохраняемые права и интересы потерпевшего (например, грозил задержать получение очередного воинского звания). Однако если виновный пообещал подчиненному незаконно представить его к очередному воинскому званию, то в этом случае использования зависимости нет, а имеет место уголовно ненаказуемое соблазнение подчиненного» [7].

Таким образом, работник защищен от понуждений сексуального характера только в случае угрозы нарушения его законных прав и при наличии зависимого положения.

На необходимость угрозы указывала и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР: «Так как Б. никаких угроз в отношении потерпевшей не высказывал, в его действиях отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 118 УК РСФСР (ст. 133 УК РФ)¹.

При этом за пределами уголовно-правового регулирования остаются предложения об оказании сексуальных услуг при приеме

на работу и на рабочем месте со стороны работодателя, его представителя или иного лица, обладающего властными полномочиями [8, с. 42–54].

Проведенный нами в ходе исследования опрос показал, что среди респондентов пятеро подвергались сексуальным домогательствам при приеме на работу, 40 человек ответили, что подвергались сексуальным домогательствам со стороны своего начальника.

Данные показатели хотя и незначительны, но демонстрируют, что проблема сексуальных домогательств на рабочем месте и приеме на работу существует и нуждается в решении.

Заключение

Подводя итоги, предлагаем включить применительно к ч. 1 ст. 133 УК РФ два квалифицирующих признака: а) группа лиц по предварительному сговору или организованной группой; б) с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Дополнить УК РФ ст. 133.1 «Сексуальное домогательство» в следующей редакции: «Настойчивые нежелательные прикосновения сексуального характера, демонстрация половых органов, мастурбация с целью получения сексуального удовлетворения, совершенные в отношении потерпевшего против его воли в общественном или на рабочем месте, а равно предложения об оказании сексуальных услуг при приеме на работу и на рабочем месте со стороны работодателя, его представителя или иного лица, обладающего властными полномочиями, — наказываются штрафом в размере до ста тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до одного года.

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1977. № 7. С. 5.

Список источников

1. Chernyaeva D. V. Legal framework for work place mobbing and harassment prevention in Russia: problems and prospects // E-Journal of International and Comparative Labour Studies. 2013. № 2. С. 14–31.
2. Векленко С. В., Стулов А. В. Необходимо ли уголовное наказание за сексуальные домогательства? // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1. С. 11–16.
3. Гнилицкая Д. А. Уголовно-правовые и социокриминалогические аспекты ответственности за понуждение женщины к действиям сексуального характера (статья 133 УК РФ) : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Гнилицкая Дарья Александровна. Ростов-на-Дону, 2011. 210 с.

4. Ведерникова О. Особенности харассмента в России — слово есть, а явления нет? // Кадровик.ру. 2014. № 8 URL: <https://www.kadrovik.org/osobennosti-harassmenta-v-rossii--slovo-est-a-yavleniya-net> (дата обращения: 20.07.2022).

5. Харитонов М. М. Понятие сексуального домогательства (харассмента) и механизмы противодействия ему в трудовом праве России // Право. Журнал высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 52–75.

6. Агафонов А. В. Половые преступления. Москва : Юрлитинформ, 2009. 376 с.

7. Попов А. Н. О новеллах в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Уголовное право. 2016. № 2. С. 72–78.

8. Клейменов И. М. Сексуальное домогательство: криминологический и уголовно-правовой аспекты // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 42–54.

Конфликт интересов. Конфликт интересов в материалах данной научной статьи отсутствует.

Conflict of interest. There is no conflict of interest in the materials of this scientific article.

Дата поступления статьи / Received: 30.07.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 10.08.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.08.2022.

ОТЗЫВ

**на автореферат диссертации Бегешева Ильдара Рустамовича
на тему: «Уголовно-правовая охрана общественных отношений,
связанных с робототехникой»,
представленной на соискание ученой степени
доктора юридических наук по специальности
12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право**

Эльвира Гумеровна Юзиханова

*Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
uzikhanovaeg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4864-9020>*

Для цитирования: Юзиханова Э. Г. Отзыв на автореферат диссертации Бегешева Ильдара Рустамовича на тему: «Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 120–122.

Review

REVIEW

**on the abstract of the dissertation of Ildar R. Begishev
on: “Criminal law protection of social relations related to robotics”,
presented for the degree of Doctor of Law on specialty
12.00.08 — criminal law and criminology; criminal executive law**

Elvira G. Yuzikhanova

*St. Petersburg University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
uzikhanovaeg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4864-9020>*

For citation: Yuzikhanova EG. Review on the abstract of the dissertation of Ildar R. Begishev on: “Criminal law protection of social relations related to robotics”, presented for the degree of Doctor of Law on specialty 12.00.08 — criminal law and criminology; criminal executive law. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(3):120-122. (In Russ.)

Поступательное развитие информационных и цифровых (в том числе сквозных) технологий однозначно укрепилось в актуальной повестке последних лет. Появление новых объектов права — цифровых продуктов, обусловило ряд взаимодетерминированных сдвигов в привычных механизмах общественных отношений.

Формируются новые механизмы взаимодействия человека и технологии, принимая общие, устойчивые признаки, преобразовываясь в самостоятельные группы общественных отношений, приобретая собственную специфику. Изложенное — есть объективная неизбежность, и современные тенденции формируют достаточные перспективы

для качественного изменения привычного социального взаимодействия: понижается роль человека в выполнении тех задач, которые могут быть алгоритмизированы, искусственный интеллект принимает на себя выполнение даже тех функций, которые ранее выполнялись исключительно человеком и т. д.

Указанные закономерности образуют новые вызовы, в том числе и правовой природы. В немалой степени именно от научно-юридического сообщества социум ожидает адекватной и проработанной реакции на встраивание в общественные отношения высоких технологий, удовлетворение запроса на разработку законодательства, позволяющего эффективно и комфортно реализовывать гражданские права в условиях современного цифрового мира.

Изложенное априори подтверждает актуальность проведенного автором исследования, носящего фундаментальный и основополагающий характер.

Изучение текста автореферата диссертации дает основание полагать, что в результате научного исследования цель диссертационной работы автором достигнута в полной мере, поставленные задачи решены.

Объекты робототехники, крайне многогранный предмет, опосредующий возникновение широкого спектра общественных отношений. В то же время, задача конструирования надлежащей правовой базы осложняется поступательным, продолжающимся развитием технологий робототехники, что диктует необходимость расширенного восприятия робота как объекта субъективного права. Такое понимание не должно ограничиваться существующими научными разработками, а ориентироваться на перспективные технологии и направления развития техники, что необходимо для обеспечения конструктивности вносимых предложений.

Изложенное невозможно в отсутствие достаточного и обоснованного научного прогнозирования, то есть составления собственного видения будущего этапа развития технологии, не существующей в объективной реальности в настоящее время, однако имеющей существенные перспективы к появлению.

На мой взгляд, совершенно справедливо, что автономные робототехнические технологии были включены в предмет исследования. Несмотря на то, что к настоящему моменту их существование в той форме, в которой традиционно принято понимать автономность является неочевидным и может породить научную дискуссию, было бы контрпродуктивным утверждать, что подобные формы робототехники лишены возможности появления.

Из этого следует, что неучитывание явления автономности однозначно образовывало бы неполноту работы.

Представляется логичной, аргументированной и последовательной позиция автора, который интерпретирует автономность через способность самостоятельного принятия решений и осуществления действий в отсутствие заранее заданной последовательности действий в некоторых обобщенных ситуациях. Суть подобной интерпретации в том, что интеллектуальная деятельность в обыденном понимании неизменно связывается именно с эвристической функцией, состоящей в способности познания нового, пусть это и состоит в определении для собственных целей некоторой последовательности действий.

Из этого прямо следует вывод о том, что в ситуациях, когда поведение робота детерминируется деятельностью его собственных нейронных связей, едва ли возможно говорить о причастности к совершенному роботом преступлению физического лица. В том значении, когда феномену причастности придается правоприменительная практика, следует понимать участие человека, посредством комплекса определенных действий (бездействия) в выполнении объективной стороны преступления. Безусловно, науке и практике известны случаи, когда преступное воздействие причиняется опосредованно, путем использования орудий и средств, однако сути феномена причастности данное обстоятельство не меняет, в отсутствие волевых усилий человека, выраженных вовне посредством определенных действий, причинение вреда было бы невозможным. Сами по себе орудия и средства только повышают причиняющий потенциал и вне воздействия человека не способны повлечь общественно опасный деликт. Обратная ситуация с автономными роботами.

Следует согласиться с мнением соискателя о необходимости выработки и обсуждения вероятно возможных правовых мер воздействия на факты потенциального причинения вреда автономными роботами.

Заслуживает поддержки и является перспективным решение соискателя об определении родового объекта преступных посягательств автономных роботов как общественных отношений, обеспечивающих мир и безопасность человечества. Действительно, наделение робота одновременно и вооружением, и способностью принимать самостоятельные решения влечет существенные угрозы, локализация которых, ввиду их трудно моделируемого характера и последствий, требует задействования международных,

наднациональных правовых и административных процедур. Только в рамках международной архитектуры безопасности возможно эффективное и достаточное устранение угроз, порождаемых автономными вооруженными роботами.

В свою очередь, названное не исключает, а наоборот предполагает необходимость включения в уголовное законодательство норм об ответственности за действия по созданию и применению таких роботов.

Кроме того, заслуживает отдельного обсуждения предложенный соискателем состав преступления, в котором описаны видовые признаки вышеуказанных деяний. Полностью справедлива его формальная конструкция, отграничивающая признаки, характеризующие объективную сторону, указанием только на действие. Сам факт осознанного, выраженного в объективной реальности устремления лица, прямо и непосредственно направленного на создание автономного вооруженного робота.

Подобная структура позволяет криминализировать противоправные действия до того момента, когда автономный вооруженный робот будет создан и повлечет широкий спектр особо тяжких последствий.

В то же время, важно отразить материальные гарантии, исключающие возможность необоснованного уголовного преследования лиц, действия которых только по внешним признакам совпадали с созданием автономного робота, однако фактически таковыми не являлись, ввиду отсутствия прямого умысла — обязательного признака субъективной стороны формальных составов.

Безусловно, установление обстоятельств, подтверждающих признаки состава преступления, производится в рамках процедур, установленных процессуальным законодательством,

однако, материально-правовая конструкция состава преступления в значительной степени детерминирует предмет и пределы доказывания по конкретному уголовному делу.

Тем не менее, изложенное не нивелирует научной и практической ценности работы соискателя, призванной решить одну из наиболее насущных проблем современности и сформировать эффективную уголовно-правовую охрану общественных отношений, связанных с робототехникой, выработать конкретные, реально действующие правовые механизмы, адекватно и в полном объеме способные предотвратить неконтролируемое развитие автономным цифровых технологий.

Исходя из представленных в автореферате данных, диссертационное исследование является самостоятельным, оригинальным, законченным научным исследованием, содержащим новые для уголовно-правовой науки предложения и рекомендации.

Таким образом, содержание автореферата диссертации свидетельствует о том, что диссертационное исследование И. Р. Бегишева на тему «Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой» соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 и Порядка присуждения ученых степеней в Казанском федеральном университете, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук.

На основании вышеизложенного полагаю, что Бегишев Ильдар Рустамович заслуживает присуждения ему ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 — «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право».

Отзыв рассмотрен и одобрен на заседании кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России (протокол № 19 от 29.03.2022 г.).

Дата поступления статьи / Received: 04.04.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.08.2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛИМОВ АЛИМИРЗЕ АЛИМОВИЧ

Преподаватель, Центр профессиональной подготовки Главного управления МВД России по Челябинской области.

alimow@mail.ru

ГЛУШКОВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА

Кандидат юридических наук, доцент, преподаватель, Уральский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), нотариус.

620026, Екатеринбург, ул. Красноармейская, д. 78-а.

elena.zatsepina@mail.ru

ДРАГУН ОКСАНА ВИТАЛЬБЕНА

Курсант, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний.

654066, Кемеровская область-Кузбасс, Новокузнецк, проспект Октябрьский, д. 49.

oksana.dragun.01@bk.ru

ДУМАНСКАЯ ЕЛЕНА ИГОРЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева.

620066, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 23.

uglaw@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2066-1012>

ЗАЦЕПИН АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева.

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

tp0507@ya.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ALIMIRZE A. ALIMOV

Lecturer, Vocational Training Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Chelyabinsk Region.

alimow@mail.ru

YELENA M. GLUSHKOVA

D. in Law, Associate Professor, Lecturer, Urals Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Russian Ministry of Justice), notary public.

78 Krasnoarmeyskaya st., lit. A, Yekaterinburg 620026, Russia.

elena.zatsepina@mail.ru

OKSANA V. DRAGUN

Cadet, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service.

49 Oktyabrsky ave., 654066 Novokuznetsk, Kemerovo region-Kuzbass, Russia.

oksana.dragun.01@bk.ru

YELENA I. DUMANSKAYA

Candidate of Law Science, Associate Professor, Department of Criminal Law, Ural State Law University V. F. Yakovlev.

23 Komsomolskaya st., Yekaterinburg 620066, Russia.

uglaw@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2066-1012>

ALEKSANDR M. ZATSEPIN

D. in Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Law at Ural State Law University.

21 Komsomolskaya st., Yekaterinburg 620137, Russia.

tp0507@ya.ru

ЗАЦЕПИН МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева.

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

mnz-1958@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1006-4660>

MIKHAIL N. ZATSEPIN

Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Analyst at the Department of Scientific Research and International Cooperation of the Ural State Law University.

21 Komsomolskaya st., Yekaterinburg 620137, Russia.

mnz-1958@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1006-4660>

ИГНАТЕНКО ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве, Научно-исследовательский институт, Университет прокуратуры Российской Федерации.

123022, Москва, ул. 2-я Звенигородская, д. 15.

ignatenko_ea@bsu.edu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0871-2585>

YEVGENY A. IGNATENKO

Candidate of Law Science, Associate Professor, Senior Researcher at the Department of Scientific Support of Prosecutorial Supervision over the Enforcement of Laws in the Implementation of Operational and Investigative Activities and Prosecutor's Participation in Criminal Proceedings of the Research Institute, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

15 Vtoraya Zvenigorodskaya st., 123022 Moscow, Russia.

ignatenko_ea@bsu.edu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0871-2585>

КИРЕЕВ ВАЛЕРИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права и муниципального права, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

kireevvv@is74.ru

VALERY V. KIREEV

Doctor of Law Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional Law and Municipal Law of the Chelyabinsk State University.

129 BratyeV Kashirinykh st., Chelyabinsk 454001, Russia.

kireevvv@is74.ru

МАГДЕНКО АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Уральский филиал Российского государственного университета правосудия.

454135, Челябинск, ул. Энергетиков, д. 63.

dozent0760@mail.ru

ALEXANDER D. MAGDENKO

Candidate of Law Science, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, Ural Branch of the Russian State University of Justice.

63 Energetikov st., Chelyabinsk 454135, Russia.

dozent0760@mail.ru

МАКАШОВА ТАТЬЯНА ПАВЛОВНА

Старший преподаватель, кафедра прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Институт права, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

t.p.ish@mail.ru

TATIANA P. MAKASHOVA

Senior Lecturer, Department of Prosecutorial Supervision and Organization of Law Enforcement, Institute of Law, Chelyabinsk State University.

129 BratyeV Kashirinykh st., Chelyabinsk 454001, Russia.

t.p.ish@mail.ru

МЕЛЬНИК ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА

Аспирант, кафедра уголовного процесса и экспертной деятельности, Институт права, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

melnikkate@mail.ru

YEKATERINA V. MELNIK

Postgraduate Student of the Department of Criminal Procedure and Expert Activity of the Institute of Law of the Chelyabinsk State University.

129 Bratyevev Kashirinykh st., Chelyabinsk 454001, Russia.

melnikkate@mail.ru

МЕНЬШИКОВА АННА ГЕННАДЬЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева.

620066, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 23.

menshikova_anna@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5837-9859>

ANNA G. MENSHIKOVA

Candidate of Law Science, Associate Professor, Department of Criminal Law, Ural State Law University V. F. Yakovlev.

23 Komsomolskaya st., Yekaterinburg 620066.

menshikova_anna@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5837-9859>

НЕРОВНАЯ НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного права и муниципального права, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

nataly2005.71@mail.ru

NATALYA N. NEROVNAYA

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Department head of Constitutional Law and Municipal Law of the Chelyabinsk State University.

129 Bratyevev Kashirinykh st., Chelyabinsk 454001, Russia.

nataly2005.71@mail.ru

НИКИТИН ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной и правоохранительной деятельности, Юридический институт, Южно-Уральский государственный университет.

454080, Челябинск, пр. Ленина, д. 76.

nikitinev@susu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8603-070X>

YEVGENY V. NIKITIN

Candidate of Law Science, Associate Professor, Department of Judicial and Law Enforcement Activities, Law Institute, South Ural State University.

76 Lenina ave., Chelyabinsk 454080, Russia.

nikitinev@susu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8603-070X>

НИКУЛИНА АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВНА

Аспирант, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

uptotheair96@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9297-5419>

ALEXANDRA V. NIKULINA

Postgraduate student, Chelyabinsk State University.

129 Bratyevev Kashirinykh st., Chelyabinsk 454001, Russia.

uptotheair96@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9297-5419>

ОВЧИННИКОВА ОКСАНА ВИТАЛЬЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент кафедры «Судебная и правоохранительная деятельность», Юридического института, Южно-Уральский государственный университет (НИУ).

454080, Челябинск, пр. Ленина, д. 76.

ovchinnikova-ov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8032-2952>

OKSANA V. OVCHINNIKOVA

Candidate of Law Science, Associate Professor the Department of Judicial and Law Enforcement Activities, Institute of Law, South Ural State University.

76 Lenina ave., Chelyabinsk 454080, Russia.

ovchinnikova-ov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8032-2952>

САЛЬНИКОВ НИКОЛАЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

Научный сотрудник, НИИ, Университет прокуратуры Российской Федерации.

123022, Москва, ул. 2-я Звенигородская, д. 15.

n.v.salnikov@mail.ru

NIKOLAY V. SALNIKOV

Researcher at the Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

15 Vtoraya Zvenigorodskaya st., Moscow 123022, Russia.

n.v.salnikov@mail.ru

СИБГАТУЛЛИН ФАРХАД САЕТГАЛИЕВИЧ

Адъюнкт факультета подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ.

198264, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

farkhad.sibgatullin.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5507-677X>

FARKHAD S. SIBGATULLIN

The post graduate of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training and Additional Professional Education, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation.

1 Letchika Pilyutova st., St. Petersburg 198206, Russia.

farkhad.sibgatullin.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5507-677X>

УПОРОВ АЛЕКСАНДР ГЕННАДЬЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний.

654066, Кемеровская область-Кузбасс, Новокузнецк, проспект Октябрьский, д. 49.

uporov65@mail.ru

ALEKSANDR G. UPOROV

Candidate of Law Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service.

49 Oktyabrsky ave., Novokuznetsk 654066, Kemerovo region-Kuzbass, Russia.

uporov65@mail.ru

ХМИЛЬ ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА

Помощник следователя, следственный отдел по Симферопольскому району Главного следственного управления Следственного комитета России по Республике Крым и г. Севастополю.

295017, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Тургенева, д. 26.

irina_hmyl5@mail.ru

IRINA V. KHMIL

Assistant Investigator, Investigative Department for Simferopol district of the Main Investigative Department of the Investigative Committee of Russia for the Republic of Crimea and Sevastopol.

26 Turgeneva st., Simferopol 295017, Republic of Crimea, Russia.

irina_hmyl5@mail.ru

ЧЕСТНОВ НИКОЛАЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правовое обеспечение национальной безопасности», Российский технологический университет – МИРЭА.

119454, Москва, пр. Вернадского, д. 78.

Chestnov@mirea.ru

NIKOLAY YE. CHESTNOV

Candidate of Law Science, Associate Professor of the Department of Legal Support of National Security, Russian Technological University – MIREA.

78 Vernadskogo ave., 119454 Moscow, Russia.

Chestnov@mirea.ru

ШЕВЕЛЕВА КСЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА

Старший преподаватель кафедры «Правовое обеспечение национальной безопасности», Российский технологический университет – МИРЭА.

119454, Москва, пр. Вернадского, д. 78.

Sheveleva@mirea.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6783-5569>

KSENIA V. SHEVELEVA

Senior Lecturer, Department of Legal Support of National Security, Russian Technological University – MIREA.

78 Vernadskogo ave., 119454 Moscow, Russia.

Sheveleva@mirea.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6783-5569>

ШЕСТАКОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА

Инспектор Центра временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей УМВД России по Тюменской области.

г. Тюмень.

legezina_elena@mail.ru

YELENA V. SHESTAKOVA

Inspector of the Temporary Detention Center for Juvenile Offenders of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Tyumen Region.

Tyumen, Russia.

legezina_elena@mail.ru

ЮДИНА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Соискатель, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал), Университет прокуратуры Российской Федерации.

191014, Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 44.

nastya_goes@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5992-1585>

ANASTASIYA A. YUDINA

Applicant, St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Public Prosecutor's Office of the Russian Federation.

44 Liteynny ave., St. Petersburg 191014, Russia.

nastya_goes@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5992-1585>

ЮЗИХАНОВА ЭЛЬВИРА ГУМЕРОВНА

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предварительного расследования, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.

198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

uzikhanovaeg@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4864-9020>

ELVIRA G. YUZIKHANOVA

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

1 Letchika Pilyutova st., St. Petersburg 198206, Russia.

uzikhanovaeg@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4864-9020>

Правила предоставления рукописей статей в научно-практический журнал «ПРАВОПОРЯДОК: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА»

Общие рекомендации

К публикации принимаются рукописи статей, ранее не издававшиеся и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях. Рукопись, присылаемая в редакцию, должна соответствовать тематике журнала и требованиям к структуре и оформлению статей.

Текст для публикации объемом **8–15 страниц формата А4** должен быть подписан автором (соавторами) следующим образом: *«Рукопись вычитана, факты, цитаты, ссылки проверены. Публикуется впервые»*. Ставя свою подпись под статьей, автор тем самым передает права на издание своей статьи редакции.

Требования к структуре статьи

- Научные статьи оформляются согласно требованиям ГОСТ Р 7.0.7-2021.

Метаданные на русском языке

- ✓ УДК
- ✓ Название статьи заглавными буквами
- ✓ Имя, отчество, фамилия; наименование организации (учреждения), город, e-mail, ORCID автора(ов).
- ✓ Аннотация от 150 до 250 слов.
- ✓ Ключевые слова.
- ✓ Благодарности.
- ✓ Финансирование.

Метаданные на английском языке

- ✓ Название статьи заглавными буквами
- ✓ Имя, отчество, фамилия автора(ов), город* – транслитерация; наименование организации (учреждения) – перевод; e-mail, ORCID.
- ✓ Abstract (перевод).
- ✓ Keywords (перевод).
- ✓ Acknowledgements (перевод).
- ✓ Funding (перевод).

Текст статьи

- *Язык публикации* статей – русский. Смешивание в одной статье текстов на двух и более языках не допускается. Текст должен быть структурирован, иметь введение, основной текст (материал и методы, результаты, обсуждение результатов, выводы), заключение.

Списки источников

- *Список цитируемых источников* (не менее пяти) оформляется согласно требованиям ГОСТ Р 7.0.5-2008, источники приводятся в порядке упоминания в тексте. Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки. Библиографические сведения о цитируемых нормативно-правовых актах, учебной литературе, диссертациях (авторефератах) приводятся в подстрочных ссылках (ГОСТ Р 7.0.5-2008).
- Раздел *References* оформляется в **Ванкуверском** стиле. Транслитерация названий, имен собственных выполняется по стандарту Госдепартамента США.

---

* Названия городов Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону имеют англоязычное написание и не транслитерируются: Moscow, Saint-Petersburg (St. Petersburg), Rostov-on-Don.

Дополнительные сведения об авторе(ах) (на русском и английском языках)

- *Персональные сведения.* Фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, подразделение, полное наименование места работы, юридический адрес, контактный телефон, адрес электронной почты, международные идентификационные номера ученого, иные сведения.
- *Вклад авторов.* Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов.
- *Конфликт интересов.* Указание об отсутствии или наличии конфликта интересов.
- *Приложения, примечания* — при необходимости.

Требования к оформлению рукописи статьи

- *Страница* — формат А4; поля по 2 см с каждой стороны.
- *Редактор* — Microsoft Word (.doc). Шрифт (гарнитура) — Times New Roman.
- *Размер шрифта (кегель)* — 14 пт. без уплотнения, разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 12 пт.
- *Абзацный отступ («красная строка»)* — 0,75 см.
- *Междустрочный интервал* — полуторный. Выравнивание текста — по ширине.
- *Автоматическая расстановка переносов* допускается.
- При необходимости в текст статьи можно включить иллюстрации (черно-белые рисунки, таблицы) и формулы. Нумерация рисунков и таблиц сквозная арабскими цифрами. *Приложения и примечания* к статье размещаются после *дополнительных сведений об авторе(ах)*.

Для размещения статьи в журнале к рукописи необходимо предоставить

- *Файл со статьей*, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Иванов.doc»).
- *Анкету автора(ов)* по представленной на сайте журнала форме (скан-копию).
- *Аспиранты и соискатели* ученой степени кандидата наук предоставляют рецензию (отзыв) научного руководителя с подписью (скан-копию оригинала).

Подготовленные материалы следует отправить на e-mail pravoporyadok74@bk.ru, либо заполнить электронную форму заявки на сайте журнала <http://правопорядок74.рф/author.php>

В случае отказа в публикации редакция обязуется мотивировать свое решение.

Редакция оставляет за собой право редактировать и сокращать статьи.

Подробная информация доступна на сайте журнала <http://правопорядок74.рф>.

Редакция журнала

В редакцию журнала «ПРАВОПОРЯДОК: история, теория, практика»

ПИ № ФС 77-54870

Анкета автора*
представленной в Редакцию рукописи статьи

_____

(название статьи)

ФИО (полностью)	
Author (полностью)	
Ученая степень	
Ученое звание	
Иные почетные звания	
Должность	
Место работы, учебы (полное наименование организации)	
Адрес места работы, учебы (с указанием индекса)	
Контактный телефон (с указанием кода города)	
Адрес электронной почты	
Адрес, на который следует выслать авторский экземпляр журнала (с указанием индекса)	
Иные сведения	

Направляя и подписывая данные сведения, я _____
(фамилия имя отчество)

выражаю согласие с тем, что представление рукописи статьи в адрес редакции журнала «ПРАВОПОРЯДОК: история, теория, практика», является конклюдентным действием, направленным на передачу редакции исключительных прав на произведение: права на воспроизведение и права на распространение, а также на размещение статьи в электронной версии журнала в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических электронных базах данных. Также предоставляю редакции свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения в аналитические и статистические отчеты, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т. п. Редакция имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

* В случае подготовки статьи в соавторстве, сведения предоставляются каждым из авторов.

«___» _____ 20__ г. _____/_____/